

Semejstvo Cholmskich Někatoryja čerty nraovov i obraza žizni, semejnoj i
odinokoj, russ. dvorjan

Bd.: 6

Moskva 1841

P.o.russ. 81 i-6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610141-4

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

VI.

Издание книгопродавца В. Логина.

СЕМЕЙСТВО
ХОЛМСКИХЪ.
НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ.

« Une morale sèche apporte de l'ennui,
« Le conte fait passer le précepte avec lui.

LA FONTAINE.

« Скучно сухое правоученіе, но въ сказкѣ
« охотно его выслушаютъ.»

Л А Ф О Н Т Е Н Ъ

Изданіе третіе,

ВНОВЬ РАЗСМОТРѢННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ,
СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ СВѣДѢНІЙ ВЪ
БІОГРАФІИ Тимофея Игнатьевича Сундукова и другихъ
ПОДРОБНОСТЕЙ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.

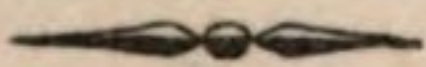
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ
С. Петербургъ. Мая 29 дня 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Печатано съ изданія 2-го 1833 года, съ исправленіями.

СЕМЕЙСТВО ХОДМСКИХЪ.

ГЛАВА II.

«Je suis dévoué de cœur et d'âme aux personnes de condition; je me plais à leur être utile et agréable de quelque manière que cela soit.»

Л В С А О В.

«Я преданъ душою и сердцемъ знатымъ людямъ; радость моя быть имъ полезнымъ и приятнымъ какими-бы то ни было средствами.»

Л Е С А Ж Ъ.

Софья не поѣхала на праздникъ Сундукова. Алексѣй также остался съ больною женою; но Фамусова не хотѣла про-

пустить случая видѣть, какъ будутъ угощать Его Высокопревосходительство. Она боялась опоздать, и поѣхала очень рано. Пронскій желалъ также посмотръть всѣ провинціальныя *продѣлки* при угощеніи вельможи, и чтобы имѣть возможность, издали, и не бывъ никѣмъ замѣченнымъ, дѣлать наблюденія, не надѣль ни звѣзды своей, ни одного ордена.

«Помилуй, другъ мой!» сказала ему жена его. «Какую безсовѣстную штуку хочешь ты сыграть съ Сундуковымъ! Онъ именно звалъ тебя такъ униженно для мебели и для украшенія своего праздника, чтобы послѣ говорить: «и не одинъ «Его Высокопревосходительство посѣтилъ «меня: на моемъ праздникѣ были и другіе кое-кто *лямочники*.» А ты не надѣваешь своей звѣзды!» — Затѣмъ-то и не надѣваю, чтобъ не быть замѣченнымъ — отвѣчалъ Пронскій. — Я знакомъ съ героемъ, для котораго дается праздникъ; онъ уменъ, и тотчасъ, когда меня уви-

доть, перемѣнить свой тонъ. А мнѣ хочется смотрѣть на него во всемъ его блескѣ, какъ онъ, не опасаясь никакихъ замѣчаній, поступаетъ съ своими подчиненными, и въ кругу подобострастныхъ, для которыхъ одинъ взглядъ, или одно слово его, есть законъ. — «Ты увидишь, Сундуковъ будетъ въ большой на тебя претензіи; ты уничтожаешь все планы его,» продолжала Софья. — Пускай его сердится! Я ѣду не для того, чтобы имѣть честь присутствовать на его праздникъ, а для собственнаго своего удовольствія. Я совсѣмъ не намѣренъ быть дѣйствующимъ лицомъ: хочу просто наблюдать разнообразныя физіономіи — отвѣчалъ Пронскій, со смѣхомъ, прощаясь съ женою и садясь въ коляску.

Подъѣзжая къ деревнѣ Сундукова, встрѣтился онъ съ Графомъ Честоновымъ, Адъютантомъ вельможи. Пронскій зналъ и уважалъ этого молодого человека. Онъ остановилъ его. «Помилуй, братецъ, куда

ты скачешь отъ праздника?» сказалъ онъ ему.—Я спѣшу къ матушкѣ, которая не очень здорова. Чтожъ до праздниковъ, то они мнѣ надобли до смерти: скоро мѣсяцъ, какъ путешествую я съ Генераломъ; желудокъ мой испортился и голова болитъ, отъ всего, что вижу и слышу. Въ ушахъ безпрестанно раздается: *Прославимъ, Прославимъ!* Онъ начальникъ и отецъ! Мы сплетемъ ему вънецъ, изъ признательныхъ (или такого-то уѣзда) сердецъ! Или: *Восхищаетъ онъ всѣхъ насъ!* Или: *Славься нѣжный къ намъ отецъ!* А въ одномъ уѣздѣ пропѣли: *Славься нѣжная къ намъ мать!*—Пронскій помиралъ со смѣху. — Однакожъ, иногда эта нѣжная мать — продолжалъ Графъ Честоновъ—весьма не нѣжно поступаетъ съ дѣтьми своими. Не далѣе, какъ вчера, былъ я свидѣтелемъ уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ очень непріятной сцены. Генералъ осматривалъ, сосѣдственный съ здѣшнимъ, уѣздный го-

родъ. Еще передъ отъѣздомъ своимъ получилъ онъ жалобу на какое-то, ужъ слишкомъ наглое, злоупотребленіе Суда этого уѣзда. Онъ взялъ жалобу съ собою, съ тѣмъ, чтобы лично, на мѣстѣ, разсмотрѣть все дѣло. Какъ будто нарочно, при первомъ вступленіи въ Судъ, начали его сердить: онъ нашелъ ужасную нечистоту на крыльцѣ и на лѣстницѣ. Ничто въ мірѣ такъ не можетъ взбѣсить его, какъ безпорядокъ такого рода. Потомъ, при входѣ въ канцелярію Суда гнѣвъ его усилился: онъ нашелъ запачканные столы, вмѣсто чернильницъ какія-то банки, дурной запахъ, нечистыхъ, въ изорванныхъ и изношенныхъ сюртукахъ подъячихъ, сидящихъ на изломанныхъ стульяхъ, на коробкахъ и сундукахъ, гдѣ хранились дѣла; словомъ: вездѣ отвратительную нечистоту и безпорядокъ. Онъ обратился къ Секретарю, называлъ его воромъ, разбойникомъ, душегубцемъ, обѣщалъ ему примѣрное наказаніе, и такъ былъ взбѣ-

шенъ, что чуть не бросился его бить. Потомъ вошелъ въ судейскую, не отвѣчалъ на поклоны Судьи и Засѣдателей, сѣлъ на Президентское мѣсто и потребовалъ то дѣло, о которомъ доведено было до его свѣденія передъ отъѣздомъ изъ губернскаго города. Сгоряча, онъ не имѣлъ терпѣнія ничего читать, и только перевертывалъ листы, браня, какъ можно хуже, Судью и всѣхъ Присутствующихъ. Судья дерзнулъ напомнить ему, что онъ Дворянинъ и Штабъ-офицеръ. «И ты осмѣливаешься еще говорить?» закричалъ на него Генералъ. «Какой ты Дворянинъ! Благородные люди не дѣлаютъ такихъ мерзостей! Пошелъ вонъ отсюда!» Выгнавъ Судью, принялся онъ за Засѣдателя, стоявшаго ближе къ нему. «Какъ ты осмѣлился подписать такое незаконное рѣшеніе?»—Кто! я, Ваше Высокопревосходительство? Не знаю подписывалъ-ли я; а впрочемъ, ежели Судья подпишетъ и Секретарь скрѣпитъ, то что-же нашему

брату остается дѣлать?—«Какъ, что? Болванъ! должно смотрѣть, что подписываешь, и не соглашаться на то, что противно законамъ.»—А почему мнѣ знать, Ваше Высокопревосх., что противно законамъ? Секретарь подбираетъ ихъ, а намъ надобно только подписывать. — «Вотъ, поди, толкуй съ этимъ осломъ! Давно-ли ты служишь здѣсь Засѣдателемъ?»—Еще первый выборъ. Я недавно вышелъ изъ военной службы. Да что, позвольте правду сказать Вашему Высокопревосх.: ежели нашему брату ссориться, то надобно умереть съ голоду. Вотъ я еще жалованья копѣйки не видалъ: все вычитается за штрафы, а за всѣмъ тѣмъ живу пока кое-какъ.—На это Генераль, бывъ вновь разсерженъ за другое, не успѣлъ дать отвѣта: онъ замѣтилъ, что въ дверяхъ комнаты, гдѣ помещался Земскій Судъ, Исправникъ, бывшій въ ссорѣ съ Судьею, подслушивалъ, торжествовалъ, и вмѣстѣ съ своими За-

сѣдателями потихоньку посмѣивался. Генераль слышалъ много проказъ и объ Исправникѣ: вызвалъ его и Засѣдателей на сцену, разбранилъ какъ не лзя больше, и въ сердцахъ вышелъ изъ Суда. Коляска его была готова у крыльца; онъ побранилъ еще Городничаго, и прямо поѣхалъ въ дорогу. — «Вотъ за дѣломъ пріѣзжалъ въ Судъ!» сказалъ, пожимая плечами, Пронскій.

— Только началъ было онъ понемногу успокойваться въ коляскѣ — продолжалъ Графъ Честоновъ — какъ еще былъ взбѣшенъ, при дурной переправѣ черезъ рѣку, на поромѣ. Къ довершенію всего, тутъ-же подали ему крестьяне жалобу на Исправника, который безсовѣстно во всемъ ихъ притѣсняетъ: собравши съ нихъ деньги на мостъ, положилъ онъ къ себѣ въ карманъ, моста не дѣлаетъ и позволяеть паромщикамъ брать съ проѣзжихъ, что имъ захочется. Вы можете вообразить, что досталось Исправнику: онъ ругалъ

его немилосердо, записалъ фамилію, и поздравлялъ навѣрное солдатомъ. Вдругъ этотъ подлецъ падаетъ предъ нимъ на колѣни. «Батюшка, Ваше Высокопревосходительство! простите великодушно! Будьте мнѣ вмѣсто отца и матери! Клянусь вамъ, вѣкъ этого не буду дѣлать!» — Встань, мерзавецъ! — отвѣчалъ ему Генераль. — И преступленіе и раскаяніе одинаково гадки! Сей часъ отдай крестьянамъ деньги ихъ, мостъ сдѣлай на свой счетъ, и сегодня-же подай въ отставку; иначе я тебя не прощу. — «Милосердый отецъ и милостивецъ!» — сказалъ Исправникъ, вставая — «все непременно будетъ сдѣлано. Пожалуйста ручку!» Сколько ни былъ сердитъ Генераль, но послѣ этого насилу могъ удержаться отъ смѣха, отъвернулся отъ него, и пошелъ садиться въ коляску.»

Пронскій съ негодованіемъ слушалъ этотъ рассказъ. «Вотъ Дворяне!» вскричалъ онъ. «Однакожъ разсуди самъ, лю-

безный Графъ, безпристрастно: можно-ли какому нибудь хорошему человѣку брать на себя должности по выбору? Почему твой Генералъ, по однѣмъ поданнымъ къ нему просьбамъ, не изслѣдовавъ, не разспросивъ, позволилъ себѣ ругать немилосердо Дворянъ? Почему ему знать: точно-ли справедливы этѣ жалобы? Ну что, ежели кто нибудь изъ обвиняемыхъ невиненъ, каково ему было слышать незаслуженныя ругательства?» — Конечно, это правда — отвѣчалъ Графъ Честоновъ. — Я не оправдываю такого предосудительнаго злоупотребленія власти начальника; но его точно можно извинить. Здѣсь открылись ему такіе ужасы, что хоть кого должны были вывести изъ терпѣнія. Впрочемъ, воля ваша, почтенный Николай Дмитріевичъ, а всему причиною то, что хорошіе, благонамѣренные Дворяне уклоняются отъ выборовъ, и собственное спокойствіе свое, семейства свои и имѣнія предають на жертву мерзавцамъ. Вы не можете

повѣрить, до какой степени достигли здѣсь злоупотребленія.—«Очень вѣрю, и согласенъ съ тобою, но ни кому не надобно забываться: всякій обязанъ знать мѣру своей власти и не выходить изъ границъ»—возразилъ Пронскій.—«Да это не наше дѣло; каждый разсуждаетъ и поступаетъ по своему образу мыслей. Скажи, ты проѣзжалъ мимо деревни Сундукова? Тамъ, говорятъ, чудеса приготовлены.» — Вы увидите; не стану говорить ничего; только повѣрьте: изъ всего, что вамъ представится, самое гадкое и отвратительное есть хозяинъ. Я не могу равнодушно смотрѣть на этого мерзавца. — «Помилуй, братъ! Ежели не смотрѣть равнодушно на всѣхъ мерзавцевъ въ здѣшнемъ мѣрѣ, то надобно большую часть жизни провести зажмуривъ глаза. Да за что онъ такъ сильно возбудилъ негодованіе твое противъ себя?» — Кромѣ того, что вся жизнь его есть цѣпь злодѣйствъ, послѣднее вѣроломство его съ общимъ

нашимъ знакомымъ, Александромъ Андреевичемъ Чадскимъ, превосходитъ всякое вѣроятіе.—«Какъ! Съ Чадскимъ? Какимъ образомъ могли они сойдтись, и гдѣ онъ теперь? Я такъ давно потерялъ его изъ виду.» — Онъ живетъ, недалеко отсюда, въ маленькой своей деревенькѣ, оставшейся у него отъ всего большаго его состоянія. По несчастію, у него было значительное имѣніе по близости отъ Сундукова, который, по обыкновенію, сдѣлалъ планъ пріобрѣсть это имѣніе, и употребилъ извѣстныя и всегда одинакія свои средства. Онъ зналъ, что Чадскій былъ много долженъ; скупилъ векселей его, за безцѣнокъ, тысячъ на триста, и тотчасъ представилъ ко взысканію. Чадскій пріѣхалъ къ нему просить отсрочки. Этимъ воспользовалась дочь его Глафира; она довольно умна и большая кокетка; Чадскій былъ завлеченъ ею, сталъ свататься, и получилъ согласіе, а въ приданое за нею Сундуковъ отдалъ зятю векселя, но

заставилъ его напередъ переписать ихъ на имя дочери. Чадскій нашелъ въ женѣ своей пренесносную, сварливую, злую женщину, которая мучила его, но имѣла однакожъ большое вліяніе на его нравственность. Вы знаете, какой вспыльчивый былъ у него характеръ? Въ самое короткое время она такъ его перемѣнила, что онъ сдѣлался тише воды, ниже травы, и я часто, со смѣхомъ, напоминаю ему стихи Хемницера:

Да чѣмъ-же малаго такъ усмирили? Женили!

Но, представте, что сдѣлалъ съ нимъ почтенный папенька. Онъ заставилъ, обманомъ, или не знаю какими средствами, дочь свою передать векселя мужа на его собственное имя, и представилъ ихъ ко взысканію. Чадскій ничего не зналъ и не вѣдалъ; вдругъ, въ одно прекрасное утро, пріѣзжаетъ къ нему въ деревню Земскій Судъ, съ объявленіемъ, что имѣніе его продано за долги и принадлежитъ уже Тимоѳею Игнатьевину Сундукову. Чад-

ской пораженъ былъ такимъ невѣроятнымъ вѣроломствомъ; онъ поѣхалъ къ доброму тестю, разбранилъ его, какъ каналью, но тѣмъ все и кончилось: поправить ничѣмъ было не лзя; имѣніе перешло въ вѣчное и потомственное владѣніе Сундукова. Жену свою, подозрѣвая въ злоумышленности, не смотря ни на какія оправданія, Чадскій прогналъ отъ себя, и объявилъ рѣшительное намѣреніе — вѣкъ не видаться съ нею. Происшествіе это сильно разстроило, и безъ того уже слабое, здоровье Чадскаго: онъ часто бываетъ боленъ, и такъ постарѣлъ, что его узнать не лзя. — «Хорошъ, хорошъ, Г. Сундуковъ, молодецъ хоть куда!» сказалъ Пронскій, качая головою. «Нѣтъ, еще не скоро у насъ въ Россіи общее мнѣніе будетъ уважаемо и послужить наказаніемъ мерзавцамъ.» — Однакожь, ежели вы хотите застать праздникъ и всѣ *продѣлки* Сундукова съ самаго начала и во всемъ блескѣ — продолжалъ Графъ Честоновъ,

вынимаю часы — то пора вамъ ѣхать: гер-
рой праздника теперь скоро явится.

Пронскій нашелъ Сундукова, съ ком-
паніею, у воротъ дома. Сундуковъ по-
смотрѣлъ на него съ явнымъ негодовані-
емъ, замѣтивъ, что на немъ не было звѣз-
ды и ни одного ордена; но ему нѣкогда
было долго гнѣваться: почти въ одно вре-
мя съ Пронскимъ подъѣхала коляска,
гдѣ сидѣли секретарь и камердинеръ
Его Высокопревосходительства. Сундуковъ
бросился помогать имъ выходить изъ ко-
ляски. Для угощенія камердинера былъ
командированъ Судья, а около Секретаря
хлопоталъ самъ хозяинъ. «Скоро-ли бу-
детъ Его Высокопревосходительство?»
спросилъ Сундуковъ. — Сей часъ. Мы
верстъ за пять оставили его. — «Князь
Федоръ Александровичъ!» кричалъ онъ
своему зятю. «Скажи дамамъ, чтобы онѣ
выходили.»

Между тѣмъ Пронскій отошелъ въ сто-
рону и вмѣшался въ толпу мелочныхъ

гостей, во фракахъ, которые стояли по-
одадь. Сундукову нѣкогда было занимать-
ся имъ: все вниманіе ето обращено было
на Секретаря; притомъ-же торжествен-
ная минута прибытія вельможи прибли-
жалась; у него сильно билось сердце, отъ
неизвѣстности, успѣетъ-ли онъ угодить
ему.

Пронскій увидѣлъ слѣдующія распоря-
женія. У воротъ ожидалъ самъ хозяинъ,
въ мундиръ и въ башмакахъ. Его окру-
жали всѣ уѣздные чиновники, и много
дворянъ, также въ мундирахъ. Не въ
дальнемъ отъ нихъ разстояніи стоялъ
оркестръ роговой музыки; подлѣ крыль-
ца, на которое вышли, разряженные, въ
брильянтахъ и жемчугахъ, жена и доче-
ри Сундукова, находилась духовая музы-
ка; въ открытыя окна дома видѣнъ былъ
оркестръ инструментальной музыки и
пѣвчіе; подлѣ воротъ, вдоль забора сада,
поставлено было нѣсколько пушекъ; до-
морощенные артиллеристы стояли въ заж-

женными фитилями и ожидали только знака начать каноннаду. Вскорѣ прискакалъ человекъ, поставленный, вѣроятно, для того, чтобы дать знать, когда покажется экипажъ въ восемь лошадей. За нимъ явился Исправникъ, въ тѣлегъ, на тройкѣ, весь въ пыли. Сундуковъ бѣгалъ, кричалъ, чтобы всѣ становились по мѣстамъ, и самъ спѣшилъ на свой постъ. Наконецъ прискакалъ откидной дормезъ, въ восемь лошадей; кучеръ кричалъ на Форрейторовъ, чтобы поворачивали во дворъ; но вельможа, увидѣвъ, что хозяинъ ожидаетъ его у воротъ, велѣлъ остановиться и вышелъ изъ дормеза. Онъ былъ въ сюртукъ и фуражкѣ, которую снялъ, желая поцѣловаться съ хозяиномъ; но тотъ, не ожидая такой благосклонности, бросился цѣловать его въ плечо, и такъ низко передъ нимъ кланялся, что чуть, чуть не упалъ. Вельможа сухо поклонился прочимъ, и, вмѣстѣ съ Сундуковымъ, пошелъ къ крыльцу. Но лишь

только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, раздались звуки роговой музыки, началась пушечная пальба и звонъ въ колокола на колокольнѣ. «Звонятъ въ колокола только для Архіереевъ,» сказалъ вельможа, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. — Сегодня, Ваше Высокопревосходительство, былъ благодарственный молебенъ за победы нашихъ войскъ, потому и звонятъ въ колокола — отвѣчалъ Сундуковъ, который, желая придать болѣе блеску и шуму своему празднику колокольнымъ звономъ, напередъ приготовился къ отвѣту. «А, это дѣло другое!» сказалъ вельможа. На крыльцѣ, при звукѣ духовой музыки, началъ хозяинъ рекомендовать ему жену, Его Сіятельство зятя своего и дочерей. Княгиня Прасковья Тимоѳеевна, разумѣется, занимала первое мѣсто; потомъ представилась Полковница Глафира Тимоѳеевна Чадская, и наконецъ дочери, которыя были не за-мужемъ.

Лѣстница была уставлена померанцо-

выми и лимонными деревьями, устлана краснымъ сукномъ, и по ступенямъ стояли офиціанты, и лакеи въ богатыхъ ли-
вряхъ и въ башмакахъ. При входѣ въ залу раздались звуки инструментальной музыки, и хоръ пѣвчихъ торжественно прославилъ добродѣтели знаменитаго по-
сѣтителя. Его Высокопревосходительство изволилъ выслушать пѣніе, и, поблагодаривъ хозяина, просилъ, чтобы онъ показалъ ему комнату, гдѣ-бы ему можно было переодѣться съ дороги. Тотчасъ самъ Сундуковъ повелъ его въ великолѣпно убранную комнату, гдѣ камердинеръ уже ожидалъ вельможу. Между тѣмъ дамы сѣли по мѣстамъ, въ обширной гостиной, гдѣ приготовленъ былъ, на длинныхъ столахъ, завтракъ. Пѣвчіе и музыканты отправились изъ залы, и хозяинъ хлопоталъ, чтобы скорѣе подвезли къ крыльцу экипажъ, въ которомъ Его Высокопревосх. хотѣлъ ѣхать передъ обѣдомъ обозрѣвать новое устройство его

деревни. Пушечная пальба и колокольный звонъ продолжали оглушать всѣхъ, пока самъ вельможа не выслалъ сказать, чтобы перестали. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ закричалъ: «Штъ, штъ!» Это значило, что Его Высокопревосх. вышелъ изъ своей комнаты. Онъ былъ въ мундирѣ и въ звѣздахъ своихъ. Сундуковъ, кланяясь ему униженно, просилъ его сдѣлать милость пожаловать въ гостиную; всѣ дамы тотчасъ встали и присѣли передъ нимъ; онъ вѣжливо поклонился и просилъ ихъ садиться. Одна хозяйка, бывшая Княжна, осмѣлилась начать говорить съ нимъ, прося его что нибудь закусить. Вельможа подошелъ къ столу, выпилъ водки, взялъ кусокъ хлѣба и сыру. Тогда началось представленіе, прежде почетныхъ дворянъ уѣзда, потомъ чиновниковъ.

«Позвольте представить вамъ, Ваше Высокопрев.,» сказалъ Сундуковъ, «почтеннаго нашего дворянина, г. Коллеж-

скаго Совѣтника, Савелья Петровича Рифенатова.» Толстая фигура, съ большимъ орлинымъ носомъ, который почти касался до губъ, съ одутлыми щеками и выпученными глазами, въ штатскомъ мундирѣ стариннаго покроя и съ большимъ Аннинскимъ крестомъ, прежней формы, не шеѣ, переваливаясь, подошла къ Его Высокопревосходительству и низко поклонилась.—Очень радъ познакомиться съ вами—сказалъ вельможа.—Гдѣ вы служили?—«Прежде въ Коммерцъ-Коллегіи, а послѣ при таможенныхъ,» отвѣчала фигура густымъ басомъ.—Что, имѣніе у васъ родовое, или купленное, въ здѣшнемъ уѣздѣ?—«Благопріобрѣтенное, Ваше Высокопревосходительство, на имя жены моей.»—А! понимаю, очень хорошо—прибавилъ вельможа, и отвернулся отъ него. За симъ слѣдовалъ маленькій, худощавый человѣкъ, заика, въ старинномъ гвардейскомъ мундирѣ. «Вотъ изъ лучшихъ и богатыхъ нашихъ помѣщиковъ,

оставной Гвардіи Штабсъ-Капитанъ, Сергѣй Аркадьичъ Пустельгинъ.»—А! на васъ такой-же мундиръ, какой и я довольно долго носилъ—сказалъ вельможа.—И я служилъ въ этомъ-же полку. Давно-ли вы въ отставку? — Пустельгинъ хотѣлъ тотчасъ отвѣчать, заикнулся, и пока еще представляли двухъ, или трехъ дворянъ, не могъ ничего выговорить; наконецъ, къ общему всѣхъ удивленію, вдругъ вскрикнулъ: «20-ть лѣтъ!» Его Высокопревосходительство закусилъ себѣ губы, чтобы не засмѣяться, но Княгиня Прасковья Тимофеевна, дочь Сундукова, дама веселаго характера, каторая и прежде ненавидѣла Пустельгина, смѣялась надъ нимъ, за то, что отецъ принуждалъ было ее выйти за него за-мужъ, захохотала во все горло и, по знаку отца, спѣшила уйти въ другую комнату.

Послѣ рекомендаціи дворянъ, которые были всѣ въ мундирахъ (а во фракъ ни

одного не осмѣлился Сундуковъ подвести къ Его Высокопревосх.), началось представленіе уѣздныхъ чиновниковъ. «Имѣю честь представить Вашему Высокопревосх.» — продолжалъ хозяинъ — «Уѣзднаго Судью нашего, Г. Кривотолкова: очень хорошій человѣкъ, смѣю вамъ рекомендовать его. Вотъ Гг. Засѣдатели Лѣнтягинъ и Бульбулькинъ. Пожалуйста, извольте подойти сюда, господа,» сказалъ Сундуковъ, вызывая ихъ впередъ. Судья, съ большимъ брюхомъ, съ багровымъ лакомъ на лицѣ, въ старинномъ армейскомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ; Лѣнтягинъ, высокій ростомъ, и также весьма дебѣлый и плотный, и Бульбулькинъ, въ милиціонномъ мундирѣ, который отъ толстоты его не могъ уже застегиваться, и съ лицомъ весьма раскраснѣвшемся, потому что онъ нѣсколько разъ, въ продолженіе утра, прикладывался къ штофу съ ерофеичемъ, стоявшимъ, вмѣстѣ съ закускою, въ нижнемъ этажѣ, для гостей такого разбора, всѣ

они вытянувшись и сдѣлавъ низкіе поклоны, предстали предъ лицо Его Высокопревосх.—А! это Гг. Чиновники Уѣзднаго Суда. Смотрите: сохрани васъ Богъ, ежели я найду у васъ такой же безпорядокъ и такую-же мерзость, какъ у вашихъ сосѣдей въ Е.... уѣздѣ. Они меня вывели изъ всякаго терпѣнія, и будутъ примѣрно наказаны.—«Мы надѣемся, что Ваше Высокопревосход. будете довольны нашимъ городомъ,» сказалъ Сундуковъ, а Судья и Засѣдатели низко кланялись. «Вотъ нашъ Исправникъ, Г. Обираловъ,» продолжалъ Сундуковъ, взявъ его за руку и представляя весьма плутовскую, блѣдную фигуру: «Рекомендую его Вашему Высокопревосх. и смѣло могу сослаться на всѣхъ господъ дворянъ, что мы всѣ имъ очень довольны. Не правдали, господа?» сказалъ Сундуковъ, обращаясь къ дворянамъ, стоявшимъ въ безмолвіи у дверей. Они, вмѣсто отвѣта, кланялись.—Очень радъ слышать такой от-

отзывъ объ васъ — отвѣчалъ вельможа, намазывая масло на кусокъ хлѣба. — А я хотѣлъ было съ вами поссориться: дорога вездѣ порядочная; только на одномъ мосту меня толкнуло. Какъ вы не осмотрѣли и не поправили этого толчка? — «Сознаюсь въ винѣ моей, В. В., и прошу великодушнаго прощенія,» отвѣчалъ съ подобострастіемъ Исправникъ. «Причина тому та, что я пекусь о благосостояніи поселянъ; теперь рабочая пора, и я пощадилъ ихъ.» — Какъ, М. Г.? Вы говорите неправду! Не далѣе, какъ на послѣдней станціи, въ однодворческомъ селѣ, гдѣ перемѣняли мнѣ лошадей, подана жалоба на васъ, что вы всѣхъ выслали поголовно на большую дорогу, и собирали, будто-бы для моего проѣзда, по 100 лошадей, когда мнѣ всего нужно только 20-ть. — «Клевета, Ваше Высокопревосх., сущая ложь!» продолжалъ Исправникъ, стараясь скрыть свое замѣшательство. — Мы посмотримъ. Я велѣлъ

написать бумагу къ Г. Предводителю, нашему почтенному хозяину, Тимофею Игнатьевичу, чтобы онъ сдѣлалъ слѣдствіе по этой жалобѣ. — «Повѣрьте, В. Высокопр., что слѣдствіе будетъ произведено съ безпристрастіемъ,» отвѣчалъ Сундуковъ. «Только я напередъ осмѣливаюсь доложить, что просьба несправедлива; я самъ наблюдаю за тѣмъ, чтобы поселянамъ не было никакихъ притѣсненій; какъ-же мнѣ не знать, что Исправникъ позволилъ себѣ выгонять всѣхъ поголовно въ рабочую пору? Вѣрно, подана вамъ просьба въ однодворческомъ селѣ Разграбленномъ?» продолжалъ онъ. «Тамъ волостной писарь, мѣщанинъ Правдухинъ, извѣстный ябедникъ и клеветникъ; я уже давно его замѣтилъ: онъ вѣрно написалъ эту пустую просьбу.» — Ежели такъ—отвѣчалъ вельможа—то и слѣдствія производить не надобно, а прикажите посадить этого писаря въ тюрьму на мѣсяцъ, на хлѣбъ и воду, чтобы онъ

впредь не осмѣливался писать несправедливыхъ и вздорныхъ жалобъ.

«Бездѣльники, безсовѣстные, безбожные бездѣльники!» сказалъ потихоньку одинъ пожилой помѣщикъ, Кондратій Ивановичъ Вспышкинъ, стоявшій сзади всѣхъ подлѣ Пронскаго, обращаясь къ сосѣду своему, также помѣщику, Андрею Васильевичу Лужницкому. — Да! — отвѣчалъ тотъ — Бога не боятся грабить, обижать, и потомъ наказывать невиннаго человека, который осмѣлился возвысить свой голосъ и искать правосудія. — «А мы, дворяне! въ нашихъ глазахъ совершаются такія беззаконія, и мы молчимъ!» продолжалъ Вспышкинъ, возвысивъ нѣсколько голосъ. — Штъ! тише, тише! отвѣчалъ Лужницкій. Что ты будешь говорить, и къ чему все это приведетъ? Тебя-же назовутъ либераломъ и безпокойнымъ человекомъ. Ты знаешь, кажется, уже по опыту, каковъ общій нашъ другъ и представитель нашего сословія, Тимоѳей

Игнатьевичъ; онъ вѣкъ не забудетъ, и станетъ мстить тебѣ, ежели ты осмѣлишься сказать что нибудь противъ него. Терпи и молчи: стѣну лбомъ не пробьешь—говорить пословица. Вспышкинъ, покраснѣвъ весь отъ досады и нетерпѣнія, отошелъ отъ него, и сѣлъ въ отдаленномъ углу комнаты, подлѣ окна.

«А давно-ли онъ Исправникомъ?» продолжалъ вельможа, обращаясь къ Сундукову.—Уже четвертый выборъ, и я осмѣлюсь доложить В. Высокопр., что мы всѣ имъ довольны; такого Исправника еще у насъ не бывало. — «Ежели такъ, то можно и къ награжденію его представить; не забудьте мнѣ напомнить объ немъ.» — Слушаю В. Высокопревосходительство — отвѣчалъ Сундуковъ, низко кланаясь.—Благодари, Карпъ Антоновичъ, Его Высокопр. за милостивое расположеніе къ тебѣ.—И Карпъ Антоновичъ такъ низко поклонился, что чуть не ударился лбомъ о паркетъ. «А лучше всего, чтобы

не забыть, Тимоѳеѣй Игнатьевичъ, дай записку объ немъ моему секретарю, Ивану Ѳомичу.»—Слушаю, Ваше Высокопр.—И опять возобновились поклоны его и Исправника. Но не угодно-ли будетъ Вашему Высокопр. поѣхать, осмотрѣть новое устройство моей деревни? Вы хотѣли сдѣлать мнѣ эту милость. Экипажъ уже давно готовъ. — «Хорошо, поѣдемъ пока до обѣда. Велите подать мою фуражку.» Исправникъ, Судья и нѣсколько дворянъ бросились исполнить его приказаніе, но Сундуковъ выхватилъ ее изъ рукъ другихъ и торжественно поднесъ ему. Въ продолженіе всей сцены сихъ разнообразныхъ рекомендацій, Пронскому нѣсколько разъ приходили въ голову извѣстные стихи Грессета: «Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes» (Какъ низки покровительствуемые, и какъ глупы покровители!).

Его Высокопревосходительство, вмѣстѣ съ хозяиномъ, сѣлъ въ коляску, запря-

женную шестью прекрасными воронными лошадьми, съ двумя Форрейторами; два высокіе лакея, въ новой красной ливреѣ, залитой золотомъ, стали сзади. Исправникъ, которому что-то Его Высокопр. приказывалъ, бѣжалъ долго, у колеса, безъ шляпы. Для прочихъ гостей приготовлено было нѣсколько длинныхъ дрожекъ, на которыхъ могло помѣститься человекъ по 15-ти на каждыя; въ числѣ прочихъ сѣлъ и Пронскій. Всѣ отправились за коляскою, и по прекрасному, гладкому шоссе подѣхали прежде къ башнѣ, стоявшей среди площади. Осмотръ начался съ главной вотчинной Конторы. Сундуковъ, зная чѣмъ болѣе понравиться своему посѣтителю, убралъ комнаты, гдѣ находилась Контора, роскошно и со вкусомъ. Стѣны и потолокъ были раскрашены, полъ паркетный, на окнахъ висѣли шторы и гардины. Нѣсколько писарей, хорошей наружности, прекрасно одѣтыхъ, сидѣли за письменными столами

краснаго дерева, которые были покрыты зеленымъ сукномъ. Въ углу стояли дорогіе стѣнные часы; въ шкафахъ, краснаго дерева, за стеклами, разложены были по годамъ бумаги. Словомъ: все находилось въ такомъ отличномъ порядкѣ и чистотѣ, что Его Высокопр. былъ въ полномъ восторгѣ. Оттуда пошли смотрѣть хлѣбный магазейнъ и пожарные инструменты. Но Пронскій оставилъ компанію и отправился къ крестьянамъ, которые, въ сапогахъ, синихъ кафтанахъ, держа въ рукахъ хорошія, новыя шляпы, стояли каждый у воротъ своего дома.

«Какъ у васъ все хорошо!» сказалъ онъ, обращаясь къ одному старичку. «Какое изобиліе во всемъ! Какъ вы славно одѣты? Какой добрый баринъ у васъ! Это отецъ, а не помѣщикъ. Вы должны безпрестанно Богу молиться за него. Я еще отъ роду лучше этого ни чего не видывалъ.» — Отецъ.... — отвѣчалъ старикъ, сквозь зубы, унылымъ голосомъ. — Чита-

емъ мы ему молитвы! Чтобы ему ни дна, ни крыши не было! Раззорилъ насъ до корня, измучилъ поголовною работою; мы изъ зажиточныхъ крестьянъ, пока за грѣхи наши ему не попались, пришли теперь, что называется, въ конецъ. — «Какъ-же ты раззоренъ? На тебѣ сапоги, синій прекрасный кафтанъ и новая шляпа....» — Нешто это мое? Все барское. Вотъ, какъ вы только уѣдете, все неси назадъ въ *гамазею*, а ежели кто, упаси Боже, изодралъ, или измаралъ, то такъ еще спину нагрѣютъ, что ничему не будешь радъ. Дома наши тебѣ, баринъ, нравятся; но пословица говорить: не красна изба углами, а красна пирогами. Да и дома-то это не наши; мы въ нихъ никогда не живемъ; выгоняютъ насъ сюда только на-показъ, на время; ежели хочешь посмотреть, то пройди въ низенькую калитку черезъ дворъ; тамъ увидишь наши хаты и посмотришь наше житье-бытье. Бабы мои, я чаю,

объдають. Насъ выслали съ утренней зари и велѣли стоять у воротъ. Бабы проголодались и пошли поѣсть, а я умираю съ голоду, но не смѣю отойдти. Не посмотрятъ, что я старъ: прикащикъ такой озорникъ, такой нехристь, что изуродуетъ на вѣкъ.

Пронскій отправился посмотреть въ настоящемъ видѣ житіе крестьянъ отца-помѣщика, у котораго повсюду видно было изобиліе и столь отличный порядокъ. Онъ прошелъ черезъ калитку въ огородъ, и увидѣлъ подъ горою полуразвалившуюся, черную избу, крытую соломой, въ которой нашелъ всю семью за обѣдомъ. Въ числѣ ихъ увидѣлъ онъ двухъ бабъ, и одного мальчика и дѣвочку, одѣтыхъ въ праздничныя, чистыя платья. Они, по видимому, спѣшили ѣсть, чтобы поскорѣе поспѣть къ своему мѣсту. Прочіе были въ изодранныхъ, запачканныхъ рубашкахъ, отвратительной нечистоты, и босикомъ. Пустыя щи и блюдо

варенаго картофелю, составляли весь обѣдъ ихъ. Хлѣбъ былъ по поламъ съ мякиною, и даже, какъ замѣтилъ Пронскій, въ соли имѣли они большой недостатокъ. Старуха бабушка, вѣроятно, жена старика, съ которымъ онъ говорилъ, держала подлѣ себя, въ ветошкѣ, немного соли, и маленькими щепотками одѣляла всѣхъ. На столѣ стояло ведро воды, изъ котораго черпали и пили ковшиками. Всѣ удивились входу Пронскаго, и хотѣли встать. «Не вставайте! не вставайте!» сказалъ онъ. «Хлѣбъ, да соль! Кушайте на здоровье! Я такъ, нечаянно, зашелъ къ вамъ.»—А ты что, кормилецъ, видно холопъ пріѣзжихъ господъ?—«Да, голубушка, я лакей.»—Какой-то, вишь, ендаралъ пріѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за ендаралы такіе.—«Да кто-жъ тебѣ мѣшаетъ? Выдь на улицу: онъ сей часъ здѣсь проѣдетъ.»—Да, поди-ка ты! Покажись только при немъ на улицѣ въ

этомъ зипунѣ, такъ изуродуютъ, что не скоро забудешь.—Пронскій съ состраданіемъ смотрѣлъ на нихъ. «Скажи, старушка: неужели у васъ и квасу нѣтъ, что вы воду пьете?» — Вишь ты какой! Да откуда взять квасу? Мы и хлѣбъ пополамъ съ мякиною ѣдимъ.... Да что вы, молодицы, такъ тутъ замѣшкались? Послѣ поѣдите; ступайте-ка, ступайте; того и гляди, что за васъ еще старика моего побьютъ.—Пронскій вынулъ десяти рублевую ассигнацію и подалъ старушкѣ. «На, тебѣ, бабушка! Купи соли, да чистой хорошей муки, на хлѣбъ и на квасъ.» Старуха смотрѣла на него, выпучивъ глаза, и, отъ удивленія, не знала, что отвѣчать. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ онъ изъ избы.

У воротъ нашелъ онъ того-же старика, сильно аттакованнаго молодымъ парнемъ, десятскимъ, который хотѣлъ его бить за то, что бабъ и ребятишекъ нѣтъ. «Э, полно, Сидорко, лаяться-то!» отвѣ-

чалъ старикъ. «И безъ тебя тошно. Съ утра маковой росинки во рту не было, а ты еще ругаешься. Довольно и одной собаки, прикащика, а тебѣ-бы не кстати бранить старика, еще дядю. Бабы проголодались и пошли поѣсть; за разъ будутъ назадъ.» — Да не лѣзя-же, самъ ты вѣдаешь: коли прикащикъ увидитъ, что ихъ нѣтъ, то мнѣ-же достанется. Но, стой, я побѣгу, позову ихъ. Еще демонъ нашъ (такъ называли они своего помѣщика) во дворѣ у дѣдушки Кузьмы; вѣстимо, бабы твои и ребятишки успѣютъ подойти.—Онъ въ самомъ дѣлѣ пришли въ это время, и десятскій отправился далѣе.

Пронскій, не бывъ никѣмъ замѣченъ, присоединился къ компаніи, и вмѣстѣ съ прочими ходилъ по крестьянскимъ домамъ. Вездѣ была необыкновенная чистота: все было прибрано и на мѣстѣ; каменные тарелки, деревянные чашки, ложки, лежали въ порядкѣ, въ шкафахъ;

полы, лавки, столы, все было вымыто и вычищено. Въ нѣкоторыхъ домахъ нашли они, какъ будто приготовленные, обѣды. Сундуковъ увѣрялъ, что хозяева недавно возвратились съ работы, и привлеченные любопытствомъ видѣть Его Высокопр. не успѣли отобѣдать. Хорошо выпеченный хлѣбъ, жирныя щи, съ ветчиною, жареная курица, утка, или поросенокъ, и пшенная каша, съ масломъ, стояли на столѣ для гды крестьянъ; вкусный квасъ, въ бѣлыхъ, глиняныхъ кувшинахъ, готовъ былъ утолять ихъ жажду. Самъ Его Высокопр. все отвѣдывалъ, и находилъ прекраснымъ. Вообразите—сказалъ Пронскому на ухо тотъ-же пожилой дворянинъ, Лужницкій, который удержалъ восклицаніе сосѣда своего Вспышкина, при разсказѣ Сундукова о доблестяхъ Исправника—вотъ этотъ жареный поросенокъ весьма мнѣ знакомъ. Въ пяти, или шести домахъ вижу я его; онъ очень проворно и искусно перебѣгаетъ; мы,

вѣроятно, еще встрѣтимся съ нимъ; я нарочно, для замѣтки, оторвалъ ему ухо.—Пронскій горько улыбнулся и не отвѣчалъ ничего. Ему извѣстно было, чѣмъ и какъ питаются благополучные крестьяне Сундукова.

«Ну что, ребята?» сказалъ вельможа, обращаясь къ нѣкоторымъ крестьянамъ. «Вѣдь вамъ гораздо лучше и спокойнѣе жить въ чистыхъ, бѣлыхъ домахъ, чѣмъ въ прежнихъ, черныхъ избахъ вашихъ?»—Какъ-же, кормилецъ, Ваше Происходительство, вѣстимо лучше—отвѣчали они, съ низкими поклонами, по знаку помѣщика. «Я вижу у васъ во всемъ такое изобиліе и довольство; вы должны Бога молить: у васъ не баринъ, а отецъ.»—Такъ, Ваше *Происходительство*, много довольны его милостію: не баринъ, а отецъ.—«Вотъ, господа!» продолжалъ вельможа, относясь къ дворянамъ, «вамъ-бы всѣмъ должно брать примѣръ съ Тимоѳея Игнатьевича, и устроить въ своихъ дерев-

няхъ такой-же порядокъ. Очень, очень все хорошо, и превзошло мое ожиданіе, почтенный нашъ хозяинъ! Я поставлю себѣ долгомъ представить объ васъ, какъ о благомыслящемъ помѣщикѣ, дѣлающемъ честь своему сословію!»—прибавилъ онъ, садясь въ коляску. Тимоѳеѣй Игнатьевичъ, отпустивъ нѣсколько пренизкихъ поклоновъ, сѣлъ подлѣ него. «У меня память не хороша,» сказалъ вельможа оставшись съ нимъ наединѣ въ коляскѣ — «скажите моему Секретарю, чтобы онъ напомнилъ мнѣ.» Сундуковъ, зная, что значитъ это *напамятованіе*, не сомнѣвался уже послѣ того, что онъ будетъ представленъ къ награжденію.

Пронскій нарочно, изъ любопытства, остался въ деревнѣ, чтобы посмотреть дальнѣйшія распоряженія послѣ *показа*. Прикащикъ, съ старостою и десятскими, ходилъ по дворамъ, отбиралъ отъ всѣхъ *показныя* платья, сапоги и шляпы, осматривалъ и складывалъ на особыя подво-

ды. Нѣкоторые крестьяне, имѣвшіе несчастіе замарать, или прорвать кафтаны, тутъ-же на мѣстѣ были прибиты прикащикомъ, а одному, сверхъ побой, объявлено, чтобы онъ къ вечеру привелъ корову свою на господскій дворъ, за то, что нашлось большое дегтярное пятно на его кафтанѣ. Кушанье, поставленное на показъ въ нѣкоторыхъ домахъ, также отбиралось, и было отправляемо въ застольную, для гостиныхъ людей.

Потомъ пошелъ нарядъ въ городъ, въ барскую больницу. Человѣкъ сорокъ здоровыхъ больныхъ назначены были на эту продѣлку. Всякому изъ нихъ прикащикъ объявлялъ его ролю. «Смотрите-же, не забывайте!» восклицалъ онъ. «Ты, Архипка, долженъ совсѣмъ лечь въ постелю, надѣть колпакъ, закрыться одѣяломъ и не говорить ни слова: ты боленъ горячкою. Ты, Евстрашка, долженъ подвязать руку: ты порубилъ ее нечаянно топоромъ. У тебя, Лозушка, бываетъ лихоманка че-

резъ два дня. Ты, Евсташка, возьми костыль: ты упалъ съ возу и разшибъ себѣ ногу.» Такимъ образомъ всѣмъ имъ объяснилъ онъ роли, съ наистрожайшимъ подтвержденіемъ не забывать, кому что говорить, и тотчасъ ѣхать въ городъ, въ больницу. Послѣ того прикащикъ отправился домой, а Пронскій еще прошелъ по деревнѣ, и слышалъ, что крестьяне разсуждали между собою. Ежели-бъ добрый отецъ-помѣщикъ зналъ, какъ они благословляли его имя и какія читали ему похвалы!!!

Пронскій возвратился передъ самымъ обѣдомъ. Столъ накрытъ былъ челоуѣкъ на 70-ть. Большія, серебряныя, суповыя чаши стояли по концамъ; въ срединѣ помѣщены были бронзовыя, дорогіе канделябры, съ приготовленными свѣчами, которыхъ, по лѣтнему тогдашнему времени, никакой не было нужды зажигать; но Сундуковъ видалъ это за большими обѣдами въ Петербургъ и Москвѣ; притомъ,

когда-же удобнѣе и приличнѣе ему было показать ихъ и блеснуть своими дорогими бронзами? Подлѣ нихъ и вдоль стола, между хрустальными тарелками и чашами съ фруктами, конфектами и вареньемъ, стояли прекрасныя фарфоровыя вазы съ цвѣтами; на срединѣ стола помѣщено было большое померанцовое дерево. Такъ все было убрано и украшено, какъ для свадебнаго пиршества. Для Его Высокопревосходительства приготовлено было особое почетное мѣсто, и приборъ поставленъ былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Золотыя: ложка, вилка и ножикъ, положены были для него, и къ его мѣсту придвинуты большія кресла, обитыя бархатомъ. Сундуковъ самъ вездѣ бѣгалъ, суетился, осматривалъ, и когда все было готово, доложилъ Его Высокопревосходительству. Онъ подалъ руку старушкѣ, матери хозяина; сынъ насилу могъ уговорить ее снять платокъ, который она всегда носила на головѣ, и

для такого торжественнаго дня надѣть чепчикъ.

Когда Его Высокопревосх. занялъ свое мѣсто, то и всѣ прочіе осмѣлились сѣсть: дамы помѣстились по обѣимъ сторонамъ, вблизи его; мужчины, по чинамъ и старшинству, сѣли далѣе. Сундуковъ, размѣщая гостей своихъ, наконецъ замѣтилъ Пронскаго, и просилъ его занять мѣсто выше; онъ поблагодарилъ, и сѣлъ ниже всѣхъ, напротивъ героя праздника, чтобы имѣть возможность видѣть, что еще будетъ далѣе. Хозяину неизвѣстно было, что Пронскій знакомъ съ Его Высокопревосх. «Какимъ образомъ,» думалъ онъ, «посадить *фрачника*, на которомъ не было никакого знака отличія, выше прочихъ?» Онъ не настаивалъ, и былъ очень радъ, что Пронскій сѣлъ на концѣ. «Честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ, думалъ Сундуковъ. Самое-же главное: ему нѣкогда было заниматься Пронскимъ; все вниманіе его устремлено было на то,

чтобы угостить Его Высокопревосх. и сохранить должный порядокъ въ подаваніи кушанья и винъ.

Лишь только всѣ помѣстились, раздались звуки инструментальной музыки, и хоръ воспѣлъ новое прославленіе доблестей Его Высокопревосх. Не всѣ слова можно было понять, однакожъ Пронскій слышалъ: *отецъ, вѣнецъ, сердцецъ*. Послѣ того доморощенная пѣвица, у которой былъ довольно громкій и звонкій, но необработанный голосъ, запѣла соло, арію изъ Русалки: *Приди въ чертогъ ко мнѣ златой, приди, о Князь мой драгой! Капельмейстеръ думалъ, что приличнѣе этой аріи ничего быть не можетъ. Князь, разумѣется, вельможа, а чертогъ златой домъ его помѣщика, гдѣ угощается Его Высокопревосх. Пѣвица отпускала при этомъ такія чудесныя рулады, что Пронскій насилу могъ держаться отъ смѣха; замѣтно было, что и Его Высокопревосх. съ трудомъ сохраняетъ свою важность.*

Между тѣмъ хозяинъ не садился за столъ, стоялъ почти безотлучно при вельможѣ, и при всякомъ блюдѣ низко кланялся, съ просьбою покушать. Украшеніемъ обѣда былъ ужасной величины осетръ: четыре человѣка съ трудомъ носили его кругомъ стола; на немъ основывалъ Сундуковъ всю надежду свою, и торжественная улыбка показалась на лицѣ его, когда осетръ явился въ залу, и Его Высокопревосходительство изволилъ сказать, что онъ никогда такой величины не видывалъ. Тутъ сердце Сундукова успокоилось, и онъ на нѣкоторое время отлучился, чтобы поѣсть чего нибудь, и узнать, все-ли готово, и ждетъ-ли на назначенномъ мѣстѣ человѣкъ пустить ракету, для возвѣщенія о пушечной пальбѣ, тогда, какъ будутъ пить здоровье знаменитаго посѣтителя.

Между тѣмъ, изъ вѣжливости, Его Высокопревосх. изволилъ вступить въ разговоръ съ сидѣвшею близъ него ста-

рушкою, матерью хозяина. «Какой добрый и почтенный человекъ, вашъ Тимоѳей Игнатьевичъ,» сказалъ онъ. «Въ какомъ у него все порядкъ. Ваше родительское сердце должно радоваться, смотря на него.»—Да, батюшка Ваше Высокое-Превосходительство, много всѣмъ довольна, по милости Божіей.—«У васъ есть еще дѣти? Всѣ они пристроены? И всѣ такъ-же хорошо живутъ, какъ Тимоѳей Игнатьевичъ?»—Такъ, Ваше Высокое-Превосх., всѣ пристроены, дочки замужемъ, сынки поженились.—«Такого примѣрнаго согласія, какъ въ вашемъ семействѣ, рѣдко найти можно; все это вамъ дѣлаетъ честь, что вы такъ хорошо воспитали дѣтей,» прибавилъ Его Высокопревосх., хотя онъ зналъ, что почтенный Тимоѳей Игнатьевичъ обидѣлъ всѣхъ братьевъ и сестеръ, присвоилъ себѣ большую часть отцовскаго капитала, покупкою на свое имя значительнаго имѣнія, и потомъ, по смерти отца, вошелъ въ участіе во всемъ,

что послѣ него осталось. Ему извѣстно было, что онъ въ явной враждѣ со всѣми родными, и что даже самой маменькѣ бываетъ иногда худое житье отъ него, особенно-же гдѣ коснется до интереса. Все это зналъ Его Высокопревосх.; но «даръ слова данъ человѣку на то, что-бы не говорить правды, и скрывать, «что онъ думаетъ.» сказалъ извѣстный Министръ покойнаго Наполеона. Старушка Лукерья Ильинишка, мать Сундукова, не знала этого прекраснаго правила, и, можетъ быть, выболтала-бы все, что у нея было на сердцѣ, ежели-бы разговоръ ея съ вельможею не былъ прерванъ. Приближалась важная эпоха: питье за здоровье Его Высокопревосходительства. Хозяинъ подошелъ къ нему; у всѣхъ гостей были налиты бокалы Шампанскимъ; по данному знаку, всѣ встали, поклонились ему, и выпили за его здоровье. Въ то-же время пущена была ракета, началась сильная и продолжи-

тельная пальба изъ пушекъ; трубы, вол-
 торны и литавры заиграли тушъ; потомъ
 хоръ пѣвчихъ воспѣлъ аллегро, новое,
прославимъ, прославимъ. Его Высоко-
 прев. самъ изволилъ подняться съ сво-
 ихъ креселъ, и гости опять встали; онъ
 благодарилъ, и на всѣ стороны раскла-
 нивался съ милостивою улыбкою. Когда
 все успокоилось, и доморощенная пѣви-
 ца вновь пропѣла съ прежнимъ искуст-
 вомъ арію Зломъки, изъ Оперы: *Илья*
богатырь, съ аккомпанированіемъ всего
 хора, Его Высокопревосходительство,
 взявъ недопитый свой бокаль Шампан-
 скаго, опять приподнялся съ своего мѣ-
 ста, сказавъ: «За здоровье хозяина и все-
 го почтеннаго его семейства!» Жена и
 дочери Сундукова низко присѣдали ему;
 но старушка Лукерья Ильинична, мамень-
 ка его, оглушенная пальбою и литавра-
 ми, не вслушалась о чемъ дѣло и спо-
 койно сидѣла. Съ негодованіемъ подбѣ-
 жалъ къ ней сынъ, и толкая ее подъ

бокъ, сказалъ, чтобы она встала и кланялась Его Высокопревосх. Въ то-же время выхватилъ онъ за руку изъ-за стола зятя своего, Князя Буасекова, и подошедши вмѣстѣ съ нимъ къ вельможѣ, кланялись и благодарили. Сундуковъ былъ въ полномъ восхищеніи, что Его Высокопрев., столь торжественно, и въ столь многочисленномъ обществѣ, удостоилъ выпить его здоровье; онъ бросился цѣловать его въ плечо.

Наконецъ, обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился. Его Высокопревосход. повелѣ опять Лукерью Ильичну въ гостиную. Тотчасъ подали кофе, и сама хозяйка, жена Сундукова, зная, что вельможа любить и привыкъ курить послѣ обѣда, поднесла ему трубку его, а дочь ея, Княгиня Прасковья Тимоѳеевна, восковую свѣчку, чтобы раскурить. Онъ долго не соглашался, говоря, что ему совѣстно беспокоить дамъ; но онъ всѣ, молча, присѣдали передъ

нимъ, и не смѣли садиться прежде его. Онъ закурилъ трубку, сѣлъ на диванъ и поставилъ подлѣ себя чашку съ кофеемъ; въ это время и дамы заняли мѣста свои; но мужчины всѣ стояли въ молчаніи подлѣ дверей. Пронскій продолжалъ свои наблюденія находясь сзади всѣхъ. Къ нему подошелъ опять тотъ-же помѣщикъ Лужницкій, и показывая на остатки обѣда въ залѣ, сказалъ: «Вы, вѣрно, хорошо покушали, а я такъ совсѣмъ напротивъ: мнѣ не досталось мѣста за большимъ столомъ, а въ нижнемъ этажѣ, гдѣ было приготовлено для нашей брaтьи, мѣлкопомѣстныхъ, ничего почти не подавали. Весьма немногое доходило съ вашего стола до насъ; всѣ блюда послѣ васъ носили прежде къ камердинеру Его Высочествовсх., потомъ къ собственному его кучеру и лакеямъ, а что уже отъ нихъ оставалось, подавали намъ, и то не все, но чѣмъ угодно было пожаловать столовому дворецкому. А насъ внизу бы-

ло челоуѣкъ тридцать: вы можете вообразить, какъ мы хорошо накормлены! Я такъ голоденъ, что съ удовольствіемъ бы поѣхалъ домой ѣсть свои щи, да не смѣю.»—Какъ не смѣете?—отвѣчалъ Пронскій. — Кто вамъ можетъ запретить? — «Да, сохрани Богъ, еще какъ нибудь вспомнить и хватится меня хозяинъ! Съ нимъ послѣ вѣкъ не раздѣлаешься.» — Помилуйте! чего вамъ бояться? Вы не только такой-же дворянинъ, какъ онъ, но вѣрно лучше его. Я слышалъ: есть еще старики, которые помнятъ отца его цѣловальникомъ. — «Я самъ это помню, и видалъ теперешняго почтеннаго представителя нашего сословія, Тимоѳея Игнатьевича, обстриженнымъ въ кружокъ, въ одной рубашкѣ и босикомъ, играющаго съ деревенскими мальчишками въ томъ селѣ, гдѣ отецъ его былъ цѣловальникомъ. Но времена переѣнились; теперь онъ знатный баринъ, первый въ нашемъ уѣздѣ; онъ способенъ разсердиться за

всякій вздоръ; а что онъ злопамятенъ и мстителенъ, я, къ несчастію знаю по опыту. Только не давно, слава Богу, мы кое-какъ помирились, и опять сошлись съ нимъ, а то приходило было мнѣ очень жутко. Не мудрено, нашего брата, бѣднаго дворянина, притѣснить и раззорить.»

Между тѣмъ Его Высокопревосх. отказался отъ партіи въ вистъ, для него составленной; сидя на диванѣ, преважно изволилъ онъ курить трубку, и бесѣдуя съ хозяйкою, пускалъ дымъ прямо ей въ носъ. Онъ говорилъ съ нею о Москвѣ, гдѣ она родилась и до замужства жила безвыѣздно; рассказывалъ объ отцѣ ея Князѣ Развратовѣ, съ которымъ они служили вмѣстѣ въ гвардіи, и много дѣлали проказъ въ своей молодости. Сундуковъ съ удовольствіемъ слушалъ рассказы его, и внутренно радовался, что имѣетъ честь принадлежать къ такому семейству, которое извѣстно Его Высокопр.,

кстати улыбался, и изрѣдка осмѣливался вмѣшиваться въ разговоръ.

Вельможа сказалъ хозяину, чтобы онъ познакомилъ его съ дочерьми своими. Тотчасъ *Княгиня Прасковья Тимоѳеевна Буасекова*, и *Полковница Глафира Тимоѳеевна Чадская*, были вновь подведены къ Его Высокопр., и рекомендованы отцомъ, а меньшія дочери, которыя еще не были за-мужемъ, никакъ не отважились подойти вмѣстѣ съ сестрами. Вельможа просилъ ихъ сѣсть подлѣ себя и обратился съ разговорами къ нимъ: онъ, въ особенности-же Глафира, были не застѣнчивы, и умѣли поддержать бесѣду съ нимъ. «Вашего Князя я имѣлъ честь видѣть; а гдѣ-же вашъ супругъ?» — спросилъ онъ у Глафиры. Сундуковъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы очернить и оклеветать Чадскаго, рассказывалъ о мнимыхъ недостойныхъ поступкахъ его противъ жены, которые наконецъ выве-

ли ее изъ терпѣнія, и принудили возвратиться въ родительскій домъ, то есть, онъ самъ обманувъ и поступивъ съ Чадскимъ столь вѣроломно, его-же обвинялъ и клеветалъ. Но это очень обыкновенно. И какимъ образомъ дѣйствовать иначе людямъ такого разбора, каковъ былъ Сундуковъ?

Въ такихъ и тому подобныхъ разговорахъ шло время. Иныя дамы осмѣливались шопотомъ говорить между собою; но мужчины стояли у дверей, сохраняя глубокое безмолвіе. Все это наконецъ надоѣло Пронскому; онъ искалъ шляпы своей, и хотѣлъ уѣхать домой. «Что вы ищете?» сказалъ ему Лужницкій. — Шляпу; я хочу ѣхать домой. — «Да вы, видно, никогда еще не бывали на праздникахъ Тимоѳея Игнатьевича, и вамъ здѣшній обычай неизвѣстенъ? Позвольте спросить: съ кѣмъ я имѣю честь говорить?» Я Генераль-Маіоръ Пронскій. — «Ахъ, В. Пр., извините, что я осмѣлился такъ фамилі-

ярно говорить съ вами!» — Помилуйте — отвѣчалъ Пронскій, пожавъ его руку. — Но скажите, какой-же здѣсь обычай? Ежели тотъ, что Г-нъ Сундуковъ изволить сердиться на тѣхъ, кто рано уѣзжаетъ, то я очень равнодушенъ къ его гнѣву, потому что, кажется, я въ первый и въ послѣдній разъ въ его домъ. — «Это первое, что онъ гнѣвается на тѣхъ, кто не досматриваетъ праздниковъ его до конца; но, разумѣется, для Вашего Превосходительства все равно, будетъ-ли онъ сердиться или нѣтъ; самое главное, что вы не дождетесь вашего экипажа. Всѣ гостиныя лошади отсылаются на хуторъ, версты за три, и здѣшнимъ людямъ строго запрещено, не только по приказанію гостя ходить за его экипажемъ, но даже звать и собственнаго его слугу, котораго-бы могъ онъ послать на хуторъ. Игнатій Тимоѳеевичъ очень часто, и съ свойственною ему учтивостію, говоритъ намъ, что домъ его не трак-

тиръ, чтобы поѣвши тотчасъ уѣхать, и что ежели онъ дѣлаетъ честь, зоветъ кого къ себѣ, то надобно знать этому цѣну: изъ чего-же онъ убытчится? Словомъ: ежели кто пріѣхалъ къ нему на праздникъ, то жди до конца.»—Вотъ прекрасное угощеніе! — отвѣчалъ со смѣхомъ Пронскій.—Но, видно, дѣлать нѣчего; надобно вооружиться терпѣніемъ. Да что-жъ такое еще будетъ? — «О, Ваше Превосходительство! увидите еще много чудесъ.»—Посмотримъ, посмотримъ; въ чужой приходъ съ своимъ уставомъ не ходи—прибавилъ Пронскій.—Впрочемъ, я и не въ претензіи, что по необходимости должно еще здѣсь оставаться; весьма любопытенъ досмотрѣть до конца праздникъ Г-на Сундукова: сядемъ пока.—Собесѣдникъ его кланялся, но сѣсть подлѣ Его Превосходительства никакъ не отважился.

Изъ-за стола встали въ 6-ть часовъ. Пронскій посмотрѣлъ на свои часы: уже

было 8-го половина. «Что-жъ такъ долго длится бездѣйствіе?» сказалъ онъ. «Пора-бы начинать еще какія нибудь штуки.» — Теперь вѣрно мы скоро пойдемъ въ театръ—отвѣчалъ Лужницкій. И дѣйствительно, въ то-же время сдѣлался шумъ въ гостиной. Его Высокопревосх., по приглашенію хозяина, всталъ съ своего мѣста, и прямо по лѣстницѣ, черезъ балконъ, отправился въ театръ, бывшій въ саду; за нимъ гурьбою послѣдовали всѣ гости.

Спектакль начался Прологомъ въ честь Его Высокопревосходительства. Прологъ былъ сочиненъ, или, лучше сказать, составленъ, домашнимъ секретаремъ и главнымъ конторщикомъ Сундукова, въ родѣ Пана Чупкевича (*Полубарскія затѣи*, ком. соч. Кн. А. А. Шаховскаго). Онъ очень удачно извлекъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненнаго Державинымъ описанія праздника, даннаго Княземъ Потомкинымъ Великой Екатеринѣ, приклеилъ къ то-

му много стиховъ изъ его-же описанія обителѣ Добрады, и заимствовалъ даже оттуда, весьма кстати: ау! ау! ау! Изъ всей этой смѣси, украшенной нѣкоторыми чудесными стихами, собственнаго сочиненія самаго автора, вышла такая галиматья, что безъ смѣха слушать было нельзя. Стихи говорилъ самъ конторщикъ-авторъ, одѣтый въ какой-то древній хитонъ, а домашняя пѣвица, въ видѣ Нимфы, пропѣла похвальную пѣснь, и надѣла лавровый вѣнокъ на бюстъ Его Высокопревосходительства. Потомъ, оба дѣйствующія лица, подошли къ оркестру, низко поклонились, и чрезъ капельмейстера подали говоренные и пѣтые ими стихи Сундукову, который торжественно поднесъ ихъ Его Высокопревосходительству.

Крѣпостная труппа Сундукова уже давно разстроилась. Доморощенные его Милоны, Честоны, Валеры, Эрасты и Эндиміоны, нѣкоторые въ 1812-мъ году

поступили въ ополченіе, другіе послѣ того, за пьянство и буйство, согнаны были съ театра и опредѣлены въ низкія должности. Прелестная, но уже поустарѣвшая *примадонна* его, за дурное поведеніе, отдана была за крестьянина замужъ; словомъ: всѣ его Діаны, Флоры, Нимфы, Дріады растратились, и нѣкоторыя со славою исправляли должности скотницъ и стряпухъ для застольныхъ людей. Но Сундуковъ выписалъ для торжественнаго дня труппу актеровъ изъ губернскаго города. Первая пьеса, представленная ими, была старинная, впрочемъ хорошая комедія: *Точь въ точь*. Въ ней весьма *кстати* были на сценѣ пьяница и взяточникъ воевода, грабитель подъячій, глупая и злая госпожа, то есть, представлена была въ лицахъ исторія многихъ изъ гостей; но, разумѣется, этого никто на свой счетъ не бралъ, и всѣ смѣялись отъ чистаго сердца. Спектакль окончился комедіею Князя А. А. Шахов-

скаго: *Ссора, или два сосѣда*. Тутъ также было многое не въ бровь, а прямо въ глазъ. Въ антръ-актахъ подавали гостямъ чай, и вельможа, по убѣжденію хозяйки, опять курилъ трубку.

Въ 10-ть часовъ спектакль кончился, и гости, возвращаясь черезъ садъ въ домъ, обозрѣли иллюминаціи. Передъ окнами горѣлъ большой щитъ, съ вензелемъ Его Высокопревосх., и съ надписью кругомъ: *Отъ признательнаго сердца хозяина высокопочтенному посьтителю*. Зала и всѣ комнаты были ярко освѣщены, и тотчасъ открылся балъ. Вельможа прошелъ нѣсколько разъ въ Польскомъ, съ хозяйкою и съ дочерьми ея, опять отказался отъ картъ, и сѣлъ въ залъ, въ приготовленныя для него особыя кресла.

Пронскій, при выходѣ изъ театра, увидѣлъ наконецъ своего слугу, и послалъ его отыскать и привести тотчасъ коляску, а самъ пока отправился въ за-

лу, смотрѣть на провинціальные танцы. Хозяинъ, за недосугами, не успѣлъ от-рекомендовать его женѣ и дочерямъ. Пронскій не находилъ нужнымъ подходить къ нимъ, и не располагаясь уже никогда впередъ быть въ домъ Сундуковыхъ, очень радъ былъ, что сохранилъ инкогнито, и можетъ уѣхать, не бывъ никѣмъ замѣченъ. Въ ожиданіи коляски, стоялъ онъ въ залѣ, въ толпѣ *фрачниковъ*; но Каролина Карловна, проходя въ Польскомъ близъ него, вскричала: «Ахъ! Ваше Превосходительство, и вы здѣсь? Я думала, вы не пожалуете сюда.» Слово: Ваше Превосходительство, поразило слухъ вельможи; онъ обратилъ лорнетъ свой въ ту сторону, и увидѣвъ Пронскаго въ толпѣ, тотчасъ всталъ и пошелъ къ нему. Всѣ почтительно отступили передъ нимъ, и хозяинъ, замѣчая каждое движеніе вельможи, далъ знакъ музыкѣ перестать, и самъ поспѣшилъ за нимъ.

«Ахъ! Выше Превосходительство, Николай Дмитріевичъ! Какъ я радъ васъ видѣть! Какимъ образомъ вы здѣсь?» сказалъ вельможа, бросаясь цѣловать Пронскаго. — Я пріѣхалъ, вмѣстѣ съ женою, къ брату ея.... — «Какъ: вы женились? Я не зналъ этого; позвольте мнѣ поздравить васъ,» продолжалъ вельможа, и снова началъ цѣловать его. — На крестинахъ сына, и убрата жены моей, имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ Тимоѣемъ Игнатьевичемъ, и приглашенъ имъ былъ на его праздникъ. — «Такъ вы здѣсь уже давно?» — Съ утра. — «И обѣдали здѣсь?» сказалъ вельможа, посмотрѣвъ съ неудовольствіемъ на Сундукова. — Я имѣлъ честь всепокорнѣйше просить Его Превосходительство, Николая Дмитріевича, занять за обѣдомъ мѣсто подлѣ Вашего Высокопревосходительства; но Его Превосходительству самому не угодно было — отвѣчалъ, въ большомъ смущеніи, Сундуковъ. — «Я не

хотѣлъ беспокоить васъ, притомъ-же думалъ тотчасъ послѣ обѣда уѣхать; но почтенный нашъ хозяинъ угощаетъ по старинному Русскому обычаю: не любить, чтобы гости его скоро разъѣжались, и употребляетъ самыя благонадежныя средства къ тому: отсылаетъ куда-то далеко экипажи ихъ, такъ, что я до сего времени не могу дождаться своей коляски. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи за это," прибавилъ Пронскій, пожимая руку у Сундукова. «Я очень благодаренъ за угощеніе ваше, и пріятно провелъ время въ вашемъ обществѣ.»

«Но что-жъ мы стоимъ? Не угодно-ли Вашему Превосходительству, сядемъ вмѣстѣ," сказалъ вельможа, и взявъ Пронскаго подъ руку, повелъ къ своему мѣсту. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту сцену. Хозяинъ былъ въ большомъ смущеніи, видѣвъ неудовольствіе вельможи. «Отъ чего прекратились ваши танцы?» сказалъ ему вельможа, посмотрѣвъ

на него, опять съ негодованіемъ. Сундуковъ еще больше смѣшался, сдѣлалъ знакъ музыкантамъ, чтобы они играли, и самъ выталкивалъ изъ толпы танцоровъ, не смотря уже, кто былъ въ мундирѣ, или во фракѣ. Между прочими, отъ страха, толстый Судья Кривосудовъ, Исправникъ и два Засѣдателя, пустились прыгать въ экосезъ, можетъ быть, иные еще въ первый разъ отъ роду.

Вельможа былъ внутренно взбѣшенъ; онъ никакъ не воображалъ имѣть такого свидѣтеля всѣхъ *продѣлокъ* своихъ, въ продолженіе этого дня. Пронскій былъ извѣстенъ и принятъ въ лучшемъ кругу въ Петербургѣ и въ Москвѣ; онъ могъ рассказать, какимъ образомъ обходился онъ съ дорянами и чиновниками, и какъ еще притомъ курилъ трубку при дамахъ. Воспоминаніе о такихъ подвигахъ, и мысль, что они могутъ быть представлены въ весьма смѣшномъ видѣ, усиливали досаду его. Однакожъ онъ преодо-

лѣлъ себя; на лицѣ его не замѣтно было никакой перемѣны, и онъ, сидя съ Пронскимъ вдвоемъ, самъ первый началъ смѣяться надъ хозяиномъ и угощеніемъ его. «Каковъ молодецъ?» сказалъ вельможа. «Это Мѣщанинъ во Дворянствѣ, комедія Мольерова въ лицахъ, и во всей силѣ слова, потому, что онъ именно родился въ мѣщанствѣ. Князь Шаховской много заимствовалъ отсюда, и вѣрно съ него списалъ своего Транжирина. А каковы стишки, пѣтые мнѣ въ честь сегодня нѣсколько разъ, особенно-же въ Прологъ? Чудо! Я насилу могъ держаться отъ смѣха. Вамъ вѣрно было веселѣе, чѣмъ мнѣ. Вы могли, на свободѣ, не бывъ никѣмъ замѣчены, нахохотаться досыта.» — Да, признаюсь — отвѣчалъ Пронскій. — Прологъ, въ самомъ дѣлѣ, чудо, и какъ кстати взято самое лучшее изъ стиховъ Державина: ау! ау! Какъ удачно, и къ мѣсту, помѣщено было это въ Прологъ. — Они оба хохотали, отъ всего

сердца, къ общему удивленію гостей, которые отъ роду не видывали ни съ кѣмъ такого фамиліярства Его Высокопр. — «Вообразите-же себѣ, каково мнѣ было сохранять всю мою важность!» продолжалъ вельможа. «Я, ей Богу! нарочно за тѣмъ сталъ курить трубку, чтобы какъ нибудь удержать свой смѣхъ. Хотя и не совсѣмъ вѣжливо курить при дамахъ, но все, я думалъ, учтивѣе, чѣмъ захохотать во все горло. Вотъ съ какими скотами долженъ я имѣть дѣло, и присутствовать на ихъ праздникахъ! При томъ-же, я очень знаю, что почтенный нашъ хозяинъ большой мошенникъ, но мнѣ должно щадить его, и показывать мое хорошее расположеніе, затѣмъ, чтобы поощрить его усердіе къ учрежденію полезныхъ и богоугодныхъ заведеній, или называя вещи настоящимъ именемъ, я обязанъ поддержать желаніе его сохранить мою благосклонность, имѣя въ виду воспользоваться этимъ, и побудить

его къ пожертвованіямъ для общаго блага. Вы не видали, какую огромную и прекрасную больницу выстроилъ онъ въ своемъ уѣздномъ городѣ? Теперь хочу я склонить его къ новымъ пожертвованіямъ, для учрежденія Инвалиднаго дома. Вотъ настоящая цѣль посѣщенія моего, и необыкновеннаго терпѣнія, съ какимъ смотрѣлъ и слушалъ всѣ его глупости. Вы согласитесь, что это, по крайней мѣрѣ, богоугодное дѣло съ моей стороны.»

Въ продолженіе разговора вельможи съ Пронскимъ, Сундуковъ былъ въ отчаяніи, что имѣлъ несчастіе обратить на себя гнѣвъ Его Высокопревосходительства. Онъ бранился, и говорилъ грубости гостямъ, которые попались ему, въ особенности-же ругалъ жену и дочерей, что онѣ не умѣли занять и угостить, какъ надобно, Пронскаго. Досталось и зятю его, Князю Буасекову: онъ назвалъ его ротозѣемъ, и жаловался, что никто не

хотѣлъ ему помочь, а одному растянуться вездѣ не возможно. Тщетно оправдывались обвиняемые, что онъ самъ виноватъ, зачѣмъ не познакомилъ ихъ съ Пронскимъ, или хотя, по крайней мѣрѣ, сказалъ-бы, что онъ у нихъ въ домѣ, а то даже этого никто не зналъ. Сундуковъ ничего не слушалъ, и продолжалъ браниться, потому, что ему надобно-же было сорвать на комъ нибудь свое сердце. Но болѣе всего онъ былъ взбѣшенъ на Пронскаго, зачѣмъ не надѣлъ онъ здѣзды своей и орденовъ. Сундуковъ называлъ его либераломъ, вольнодумцемъ, Вольтеріанцемъ, Карбонаріемъ, и ежели-бъ можно было, съ удовольствіемъ побилъ-бы его.

Между тѣмъ была уже 12-го половина, а по церемоніалу, предварительно составленному, предназначень былъ въ 11-ть часовъ Фейерверкъ, а въ 12-ть ужинъ. Все давно было готово, и конторщикъ Сундукова, главный всему распорядитель, подошелъ къ нему съ докла-

домъ, не пора-ли зажигать фейерверкъ. Онъ прогналъ его отъ себя, въ сердцахъ, безъ отвѣта, но послѣ одумавшись остановилъ, и съ трепетомъ приблизился къ вельможѣ.

«Извините, Ваше Высокопр.,» сказалъ онъ тихимъ, подобострастнымъ голосомъ. «Я пришелъ доложить Вашему Высокопр., не прикажете-ли зажигать фейерверкъ?» — Все отъ васъ зависитъ, любезный и почтенный нашъ хозяинъ — сказалъ ласково вельможа, который самъ нѣсколько развеселился, думая, что очень искусно, рассказами своими Пронскому, далъ благовидный оборотъ всѣмъ подвигамъ своимъ того дня. — Вы, я думаю, очень устали? — прибавилъ онъ. — Весь день на ногахъ; отдохните, присядьте съ нами. — «Помилуйте, Ваше Высокопревосходительство!» отвѣчалъ Сундуковъ, ободренный ласковостію и милостію вельможи. «Радость и восхищеніе, что вижу у

себя въ домъ столь высокопочтеннаго гостя, придаютъ мнѣ силы. Но, ежели Вашему Высокопр. угодно будетъ, мы просимъ васъ на балконъ. Удостоите сами зажечь голубка, который полетитъ по воздуху, и тогда начнется фейерверкъ.» — Изволь, изволь, любезный хозяинъ! Только не сыро-ли теперь? Мнѣ нужды нѣтъ, но можетъ быть, Николаю Дмитріевичу угодно будетъ надѣть свою шинель — отвѣчалъ вельможа. — «Эй, Г-нъ Исправникъ, спроси у человѣка Его Превосходительства шинель.» — Тотчасъ Исправникъ, два Засѣдателя, и самъ Сундуковъ, стремглавъ бросились въ лакейскую. Сундуковъ, въ торопяхъ, схватилъ у перваго, попавшагося ему человѣка, вмѣсто шинели, дамскій салопъ; но, къ счастью, самъ запутавшись въ немъ, упалъ со всѣхъ ногъ въ дверяхъ, и въ то время, покаместъ онъ вставалъ, Исправникъ отыскалъ слугу Пронскаго и принесъ ему плащъ. Пронскій благода-

рилъ. Между тѣмъ Секретарь вельможи принесъ и его шинель и фуражку.

Всѣ отправились на балконъ; но Его Высокопрев., съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ Пронскаго, совсѣмъ уже перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе: онъ отказался самъ зажечь голубка, говоря, что эта честь должна принадлежать дамъ, и что онъ просить почтенную хозяйку взять на себя это дѣло.

Фейерверкъ былъ прекрасный, и стоилъ дорого; все выписано было изъ Москвы. На щитѣ опять горѣлъ, въ золотомъ и брильянтовомъ огнѣ, вензель вельможи, съ надписью кругомъ: *Отцу и Начальнику.... губернія въ знакъ благодарности*. Пронскій не дождался конца Фейерверка, расцѣловался съ вельможею, пожелалъ ему спокойной ночи, и отправился въ свою коляску. Но, по выходѣ его съ балкона, вельможа напомнилъ хозяину, что онъ обязанъ проводить гостя. Сундуковъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ за Прон-

скимъ, догналъ его на крыльцъ, и убѣ-
дительноше просилъ остаться ужинать.

Пронскій отговорился тѣмъ, что онъ ни-
когда не ужинаетъ, и что уже поздно, а
ему довольно далеко ѣхать. Сундуковъ
низко кланялся, благодаря за посѣщеніе,
и помогалъ Пронскому сѣсть въ коляску.

ГЛАВА II.

«... C'est toi, qu'on nomme, toi, qu'on désire :
«Ah! viens ici. Quand on est père, époux, ami,
«on est le plus heureux de hommes.

ДЕМОУСТИЕН.

.... Тебя зовутъ, тебя желаютъ—спѣши...
«Кто супругъ, отецъ, другъ, — тотъ самый
«счастливѣйшій человекъ.

ДЕМУТЬЕ.

Часу во 2-мъ возвратился Пронскій. Не въ дальнемъ разстояніи отъ дома, встрѣтилъ онъ кучеровъ и лакеевъ своихъ, верхами и съ фонарями въ рукахъ. Ихъ выслала на встрѣчу жена его, и очень

кстати: ночь была претемная, и онъ подъѣзжалъ къ крутой горѣ, съ большими водоинами, такъ, что даже и днемъ опасно было тутъ ѣхать. Пронскій былъ очень благодаренъ за такое вниманіе. Онъ нашелъ жену свою, не только не спящею, но и нераздѣтою; по глазамъ ея замѣтно было, что она плакала. Выбѣжавъ на встрѣчу, съ радостію бросилась она къ нему на шею. «Какъ! Ты еще не спишь, мой другъ?» сказалъ онъ. «Да, здорова-ли ты?» — Слава Богу! Мнѣ такъ что-то спать не хотѣлось. — Тутъ вошли они въ комнату, и Пронскій разсмотрѣлъ лицо Софьи при свѣчкахъ. «Браво! Да ты, голубушка, изволила плакать?» — Нѣтъ! тебѣ такъ кажется — я не плакала — отвѣчала Софья, съ веселою улыбкою, цѣлуя своего мужа. «Какъ нѣтъ? Очень замѣтно по глазамъ твоимъ, что ты плакала. Пожалуйста скажи: какъ ты себя чувствуешь?» — Право, хорошо — я здорова. — «Да о чемъ-же ты плакала? Ты знаешь наше условіе: мы

ничего скрывать другъ отъ друга не должны.»—Ну, что дѣлать, милый другъ мой! Надобно признаться въ моей глупости: ты долго не ѣхалъ, и я безпокоилась о тебѣ. Богъ знаетъ, чего не придумала, и, признаюсь, плакала.... продолжала Софья, обнимая мужа своего. — Мужчины говорятъ, что слезы необходимая принадлежность женщинъ, а мнѣ кажется, просто, мы скорѣе васъ способны плакать отъ того, что нервы у насъ слабѣе вашихъ. — «Помилуй, другъ мой!» сказалъ Пронскій, цѣлуя жену — «ты сдѣлаешь то, что я никуда ѣздить не буду.»—Ахъ! нѣтъ, мой другъ! не говори мнѣ этого! Я призналась въ моей глупости, и повѣрь, что впередъ этого не будетъ. Прости меня, и дай слово, что ты не сердишься, и будешь выѣзжать. За что-жъ тебѣ, изъ слабости моей, лишать себя удовольствія? Божусь, что ты никогда слезъ моихъ не увидишь, и теперь ничего-бы не замѣтилъ, ежели-бы

не нашелъ меня такъ въ распахъ. При томъ-же, право, гг. мужчины, вы напрасно сердитесь за наши слезы: онъ насъ облегчаютъ; мнѣ гораздо было тяжеле, пока я не заплакала. Богъ знаетъ, что шло въ голову: мнѣ казалось, что и лошади тебя разбили, и коляска твоя сломалась, что гдѣ нибудь мостъ провалился, и ты лежишь безъ чувствъ! Дай только волю воображенію, самъ не знаешь, куда оно заведетъ. Признаваться надобно во всемъ. Я нѣсколько разъ призывала твоего Петрушу, спрашивала у него: смирны-ли твои лошади? крѣпка-ли коляска? Онъ меня успокоилъ на этотъ счетъ; но я посылала свою Аннушку спрашивать у здѣшнихъ жителей: какова дорога, много-ли горъ и переправъ? Мнѣ сказали, что одна только гора, и мостъ хорошій; но мнѣ представилось, что кучеръ напился пьянъ, въ темнотѣ не попалъ на мостъ, и взвалилъ коляску. Я видѣла уже тебя окровавленнаго, съ

переломленною ногою, и безъ памяти. Да, что таить! Надобно во всемъ покаяться—продолжала Софья, опять обнимая и цѣлуя мужа — я хотѣла было сама бѣжать къ тебѣ пѣшкомъ на встрѣчу; потомъ думала велѣть запречь нашъ дормезъ, и отправиться къ тебѣ. Хороша-бы я была, и порядочно-бы тебя перепугала, если-бы въ такую темную ночь попалась тебѣ на встрѣчу — тогда за дѣло-бы ты на меня разсердился! Словомъ: сама не знаю, чего я не придумала; но слезы облегчили меня; я отнеслась мысленно къ Богу, ввѣрила и тебя и себя святому Его промыслу, и уже по разсудку велѣла послать къ тебѣ на встрѣчу людей нашихъ съ фонарями.—«И очень хорошо придумала; я благодарилъ тебя за вниманіе твое; они встрѣтили меня весьма кстати, у предурной переправы подъ гору,» отвѣчалъ Пронскій, «Но, милый другъ мой, Сонишка, я думалъ, что ты гораздо разсудительнѣе: это, ни дать

ни взять, настоящая маменька!»—Что дѣ-
 лать, другъ мой! Я такая-жъ женщина,
 какъ и прочія! Ты составляешь все мое
 счастье на землѣ.... Будьте снисходитель-
 ны, господа наши повелители—или, какъ
 говаривалъ одинъ старикъ Ротмистръ,
 стоявшій съ эскадрономъ своимъ недалеко
 отъ нашей деревни, *отцы и командиры!*
 не требуйте отъ насъ такой-же силы
 душевной, такой-же твердости и рассу-
 дительности, какія даны въ удѣлъ вамъ!
 Наше предназначеніе—любить васъ стра-
 стно, а всякая страсть есть малодушіе.
 Будьте снисходительны къ слабости на-
 шей, изъ уваженія къ началу, отъ кото-
 раго она происходитъ. Однакожъ, не ста-
 ну оправдываться. Богъ и женщинамъ
 далъ разсудокъ, а въ подкрѣпленіе Ре-
 лигію. Я кругомъ виновата. Прости мою
 женскую слабость, не сердись на меня!
 Даю тебѣ честное слово: впередъ этого
 не будетъ!—«А вы, наши *матери и ко-*
мандиры, какъ говоритъ одинъ извѣст-

ный въ нашей арміи Генераль, достиг-
нувшій изъ солдатъ отличною храбро-
стію и необыкновеннымъ природнымъ
умомъ своимъ до Генеральства — сдѣлай-
те одолженіе, сколько можно рѣже мучь-
те насъ малодушіемъ и пустыми слезами!»
отвѣчалъ, съ усмѣшкою, Пронскій. Впро-
чемъ, милый другъ мой, за кого ты ме-
ня принимаешь? Могу-ли я сердиться,
видя такой опытъ любви и привязанно-
сти твоей? Но мнѣ это важный урокъ;
впередъ я и самъ буду разсудительнѣе,
стану имѣть больше вниманія, чтобы не
тревожить тебя и не навлекать такого
безпокойства долговременнымъ моимъ от-
сутствіемъ. А лучше всего, впередъ рѣ-
шительно никуда я безъ тебя ѣздить не
буду.» — Ахъ, нѣтъ! не говори этого —
прервала его Софья, закрывая ему ротъ
руками своими. — Это самый сильный уп-
рекъ въ неразсудительности моей. И ты
говоришь, что не сердишься на меня!
Можно-ли быть въ безпрестанномъ при-

нужденіи? Да, я измучусь отъ одной мысли, что ты для меня лишаешь себя удовольствія. Нѣтъ, сдѣлай милость, другъ мой, не говори мнѣ этого: ѣзди вездѣ одинъ, куда тебѣ захочется! Я люблю тебя и уважаю, слѣдовательно, имѣю всю полную къ тебѣ довѣренность, и знаю, что ты никогда не захочешь сдѣлать мнѣ неудовольствія. Еще прошу тебя—прости меня, а я не буду впередъ такъ глупа! — «Другъ мой!» сказалъ Пронскій, насилу удерживая слезы умиленія своего. «Можно-ли, чтобы я, любя тебя такъ страстно, хотѣлъ чѣмъ нибудь обезпокоить и огорчить тебя? Но, еще повторяю; ежели когда впередъ и поѣду я одинъ, то буду гораздо внимательнѣе, чтобы не обезпокоить тебя. Однакожъ, по милости этого скота, Сундукова, который услалъ, Богъ знаетъ куда, мою коляску, и такъ долго мучилъ насъ своимъ глупымъ праздникомъ, ты очень утомилась. Пора тебѣ ложиться спать!» Онъ пошелъ позвать ея

горничную, и самъ возвратился, вмѣстѣ съ нею, въ спальню.

«Что, Аннушка: хороша была твоя барыня безъ меня?» сказалъ Пронскій, съ улыбкою, — Да, батюшка! Ужъ тутъ и Богъ знаетъ чего не было! — отвѣчала Аннушка. — И сама измучилась, и меня съ ногъ сбила: посылала безпрестанно смотрѣть, и прислушиваться, не ѣдете-ли вы! А что было. . . . «Ну врешь, врешь!» прервала Софья, зажимая ей ротъ, со смѣхомъ. «Вздоръ! Ничего не было. Вотъ еще какая ябедница появилась! Кто тебя просить болтать пустяки? Да я тебя разобью по щекамъ за это; ты знаешь, я шутить не люблю, когда разсержусь,» прибавила Софья, помирая со смѣха, при одной мысли, что она будетъ бить по щекамъ свою Аннушку, которая была ей *esprèse d'amie*. Она сама держала Софью въ большой субординаціи, и часто, бывъ въ дурномъ нравѣ, гнѣва-

лась, и дѣлала ей выговоры. — Да, пожалуй, извольте бить меня, какъ хотите—отвѣчала, также со смѣхомъ, Аннушка—а не лѣзя не рассказать барину, какъ вы безъ него проказничали. Нѣтъ, Аннушка—говорили вы—ты не хочешь мнѣ объявить, а, вѣрно, прислали сказать, что онъ лежить безъ чувствъ, и что его лошади разбили! Я замѣтила, когда онъ поѣхалъ, что лѣвая пристяжная очень горячилась и прыгала; не правда-ли: вѣдь она первая стала бить, а отъ нея и другія взбѣсились? Что-жъ ты отъ меня скрываешь? Пожалуста, скажи: вѣдь это правда?—Нѣтъ, сударыня—говорила я—да и что это вамъ въ голову входитъ? — Ахъ! вотъ кажется стукъ! Слава Богу! вѣрно онъ ѣдетъ! Сбѣгай, голубушка, не слыхать-ли чего? Когда я возвращалась съ отвѣтомъ, что ничего не слышно, опять начинались разспросы. Вѣрно, коляска сломалась? Онъ все это время такъ много ѣздилъ въ ней, а вѣдь никто не

поглядѣлъ! Нѣтъ, впередъ, иначе не отпущу его, пока сама все не осмотрю. Да, помилуйте сударыня, говорила я—передъ отъѣздомъ изъ Петровскаго я сама видѣла, что баринъ все изволилъ осматривать; я въ ней ѣхала сюда, и знаю, что она совсѣмъ крѣпка.—Ну, такъ кучеръ напился пьянъ, на праздникъ этого гадкаго Сундукова, и свалилъ его подъ мостъ!—Да, кучеръ въ ротъ ничего не беретъ—увѣряла я.—Вотъ такъ-то вся ночь-ноченская прошла. Я вѣдь вамъ напередъ говорила, что все доложу барину, когда онъ изволить пріѣхать.—«Ахъ ты женщина, женщина!»—сказалъ Пронскій, смотря Софѣ въ глаза, съ нѣжностію. «Но милая, добрая женщина есть Ангелъ на землѣ!»—прибавилъ онъ, выходя въ свою комнату, раздѣваться.

«Постой-же, Аннушка,» сказала Софья, предавшись обыкновенной своей веселости,—давай, мы его славно обманемъ! Я сдѣлаю, какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ

бую тебя по щекамъ, а ты кричи и плачь.—
 Вотъ будетъ ему сюрпризъ! — Ахъ, вы,
 проказница! Да, вспомните, что вы уже
 теперь барыня—да еще и Генеральша.—
 — «Нужды нѣтъ! Пожалуста, обманемъ
 его.»—Хорошо, извольте—отвѣчала Ан-
 нушка. Лишь только услышали они ша-
 ги Пронскаго, идущаго въ спальню, Софья
 начала давать мнимыя пощечины Аннуш-
 къ, то есть, бить себя по ладонямъ.
 «Вѣдь я тебѣ не шутя говорила, чтобы
 ты не смѣла болтать, а ты не послуша-
 лась—такъ вотъ-же тебѣ!» — Помилуйте,
 сударыня—кричала, со слезами, Аннуш-
 ка—я изъ усердія къ вамъ сказала.—«А!
 ты еще, бестія, раскричалась!» И новыя
 оплеухи послѣдовали. Аннушка продол-
 жала плакать. Можно вообразить себѣ
 положеніе Пронскаго! Онъ почиталъ
 Софью Ангеломъ, и вдругъ открывается,
 что она злая и лицемерка! Блѣдный, съ
 ужасомъ, отворяетъ онъ двери, и—на-
 ходитъ, что обѣ помираютъ со смѣху!

«Ага! обманули молодца!» — вскричала Софья, бросясь цѣловать его. — Воображаю себѣ, каково было твое изумленіе, узнавъ за женою своею такія добродѣтели! Вотъ такъ-то я стану бить всегда Аннушку, когда ты осмѣлишься опаздывать пріѣзжать домой.» — Женщины! настоящія вы дѣти! Какъ близки отъ печали къ радости, отъ слезъ къ смѣху! — «Да ужь теперь говори какія хочешь сентенціи, а мы съ Аннушкой славно обманули тебя!» Онѣ долго хохотали, что Софья отважилась бить по щекамъ Аннушку.

На другой день, послѣ обѣда, Пронскій и Софья отправились къ Рамирскимъ. Дорогою, Пронскій рассказывалъ всѣ проказы Сундукова. Софья смѣялась отъ всей души. «О люди! люди!» сказала Софья. «Изъ чего суетятся и хлопчутъ? Мнѣ очень часто приходятъ въ голову стихи Дмитріева, которые, какъ мнѣ кажется,

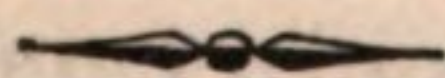
заклучаютъ въ себѣ самое полное описаніе челоуѣка:

« О Бардусъ! не глуши своимъ насъ лирнымъ звономъ;
« Молвь просто: челоуѣкъ слысь Бардуса съ Невто-
номъ!

Потомъ очень тяжело вздохнула она, когда Пронскій разсказалъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Сундуковымъ крестьянамъ своимъ, которыхъ онъ раззорилъ и привелъ въ совершенную нищету. «Ты давеча сказала: О люди, люди!»—прибавилъ Пронскій — «а теперь должно воскликнуть: О звѣри, звѣри, кровожадные звѣри!»

ГЛАВА III.

Oh mortels ignorans et indignes de votre destinée! Le bonheur peut exister dans tous les tems, dans tous les lieux, dans vous, autour de vous, partout où l'on aime véritablement.

ШАТОВАРИАНД.

О смертные, бессмысленные, недостойные предназначения вашего! Счастье может существовать всегда, вездѣ, въ васъ, вокругъ васъ, повсюду гдѣ любятъ истинно.

ШАТОВЕРІАНЪ.

Они пріѣхали къ Рамирскимъ на другой день послѣ ужаснѣйшей ссоры, происходившей между этими несчастными супругами, слѣдствіемъ которой было рѣшительно намѣреніе — разойтись на

вѣкъ. Давно уже потеряли Рамирскіе взаимное уваженіе другъ къ другу; ежедневно возобновляемыя непріятности ихъ между собою, произвели, прежде равнодушіе, потомъ отвращеніе, наконецъ, какъ имъ казалось, возродили непреодолимую ненависть ихъ. Поводомъ къ намѣренію ихъ развестись было слѣдующее:

Елисавета ѣздила въ гости къ одной доброй пріятельницѣ своей; безъ нея принесли къ Рамирскому письма съ почты, въ числѣ которыхъ нашелъ онъ одно на имя жены своей. Пакетъ былъ изъ прекрасной, веленовой бумаги, съ бордюрами; на печати усмотрѣлъ Князь бѣгущую, опустя голову внизъ собачку, съ девизомъ: *Je cherche le temps perdu*. Почеркъ на адресѣ былъ ему неизвѣстенъ; онъ любопытствовалъ узнать, отъ кого было письмо, осторожно распечаталъ, и—съ бѣшенствомъ, усмотрѣлъ подпись Жокондова, изъ Москвы! Письмо написано было по Французски, и заключало въ себѣ

любовное объясненіе, выписанное цѣлыми фразами изъ Французскихъ романовъ прошлаго столѣтія. Впрочемъ, слова: робкая любовь, сердце, воспламененное красотою и любезностію, невозможность болѣе противиться страсти, овладѣвшей всѣмъ бытіемъ, и что никогда лично не отважился бы сказать, что осмѣливается теперь писать, и прочія, пошлыя любовныя фразы ясно доказывали, что Елисавета еще не имѣла никакой непозволительной связи съ этимъ обветшалымъ волокитою, и что онъ еще въ первый разъ дерзнулъ говорить ей прямо о любви своей.

Чувство досады и ревности совершенно овладѣло душою Рамирскаго. По мнѣнію его, и этого уже было слишкомъ довольно, что къ женѣ его осмѣлился кто нибудь писать любовныя изъясненія. При томъ-же, онъ почти совсѣмъ отвыкъ отъ Французскаго языка, и многого не понималъ въ письмѣ. Въ бѣшенствѣ, входили

ему въ голову самыя сильныя и крайнія средства: онъ думалъ послать къ женѣ записку, чтобы она не осмѣлилась болѣе возвращаться въ его домъ, и ѣхала-бы, куда хочетъ. Потомъ, намѣревался онъ тотчасъ по пріѣздѣ ея прогнать вонъ отъ себя, не говоря ни слова. Но одумавшись, внутренно сознавался, что гласная исторія его съ женою можетъ обратиться ему самому въ предосужденіе; притомъ-же, хотѣлось ему испытать, до какой степени можетъ простираться лицемерство и вѣроломство ея; онъ желалъ еще знать, чѣмъ и какъ можетъ она оправдаться? Въ такихъ мысляхъ опять искусно запечаталъ Рамирскій письмо, и по возвращеніи жены домой, хотя старался скрыть свое бѣшенство, но не могъ, и съ глазами сверкающими отъ гнѣва подалъ самъ письмо, при входѣ ея въ гостиную. Елисавета, не обращая вниманія, и не смотря въ лицо мужа, подошла къ окну, и распечатала пакетъ. Въ глазахъ

ея замѣтно было прежде удивленіе, когда она прочитала подпись, явная досада и презрѣніе при чтеніи письма; однакожь, она не сказала мужу ни слова, положила письмо въ ридикюль, и пошла въ свою комнату переодѣться. Князь Рамирскій, съ нетерпѣніемъ и бѣшенствомъ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, въ ожиданіи ея возвращенія.

«Позвольте, сударыня, узнать,» сказалъ онъ ей, лишь только она вошла — «отъ кого вы изволили получить письмо?»

Надобно-же было, чтобы, къ несчастію, Елисавета возвратилась домой въ чрезвычайной досадѣ, и съ намѣреніемъ сама дѣлать мужу своему жестокіе упреки. *Добрая пріятельница* сообщила ей, по дружбѣ, что мужъ ее обманываетъ; что нѣсколько времени тому назадъ, сказавъ, будто ѣдетъ по хозяйству въ другую деревню, вмѣсто того, цѣлый день провелъ онъ у любовницы своей, Лезбосовой. Въ такомъ положеніи находилась Елиса-

вета, и можно вообразить себѣ, что она не была способна отвѣчать мужу кротко.

«А вы, М. Г., позвольте спросить: гдѣ пробыли въ прошлый понедѣльникъ, увѣривъ меня, что ѣдете по хозяйству въ другую деревню? А?... Позвольте спросить?» вскричала Елисавета, въ бѣшенствѣ.

— Вы должны мнѣ *отвѣчать*, а не спрашивать меня!

«Нѣтъ, сударь! извольте вы прежде *отвѣчать*!»

— Вы хотите знать, гдѣ я былъ? — вскричалъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва. — Ну, такъ, знайте-же, сударыня, что я весь прошлый понедѣльникъ пробылъ у моей любовницы, Лезбосовой. Слышали-ль? Угодно-ли, я еще повторю: Я былъ у Лезбосовой? Довольны-ли вы моимъ *отвѣтомъ*? Теперь прошу сказать мнѣ: отъ кого вы получили письмо?

«Очень мнѣ досадно,» отвѣчала Елисавета, внѣ себя отъ гнѣва, «что я не

могу вамъ того-же сказать, то есть, что получила письмо отъ моего любовника.»

— Измѣнница! Наглая обманщица! — вскричалъ, съ яростію, Рамирскій. — Такъ безстыдно лгать въ глаза!... Я все знаю, сударыня: я читалъ это письмо отъ вашего любовника, Жокондова!

«Безсовѣстный, низкій человѣкъ!... Какая выдумка — измѣну и распутство свое прикрывать такою гнусною клеветою! Этого еще не доставало, чтобы дать мнѣ въ любовники дурака, потому только, что онъ осмѣлился написать преглупое и предерзское письмо! Это верхъ безстыдства!» продолжала Елисавета, залившись горькими слезами.

— Напрасно вздумали вы, сударыня, притворяться, и хотите тронуть меня слезами. Лицемерство ваше очень видно.

«Кто? Я хочу тронуть слезами гнуснаго клеветника? Я буду лицемерить передъ человѣкомъ, котораго я всею душею ненавижу и презираю? Узнайте-же,

сударь, что я была прежде оччень равнодушна къ Жокопдову, и мнѣ только нравилось его общество; но теперь, да будетъ вамъ извѣстно, что я страстно влюблена въ него, и сей часъ пойду отвѣчать, на его письмо!» — отвѣчала, съ неистовствомъ, Елисавета. Глаза ея наполнились кровью; она была ужасна въ это время.

— Полно, полно! Напрасно такъ изволите вы горячиться. Мнѣ теперь все равно: влюблены-ли вы въ него, или нѣтъ — теперь я весьма равнодушенъ. Всякое терпѣніе наконецъ истощается; довольно вы меня помучили! Полно! Пора отдохнуть! Объявляю вамъ, что я болѣе не намѣренъ жить съ вами, и вы можете отправляться, куда хотите...

«Вы, сударь, предупредили меня. Я именно тоже готовилась вамъ сказать. Вы должны напередъ знать, что послѣ перпутства вашего, которое вы теперь изволили украсить такою невѣроятною

клеветою, жить съ вами я уже никакъ не могу.

— Хорошо, хорошо, сударыня! Извольте, я во всемъ виноватъ — вы праведница, а я злодѣй — продолжалъ Рамирскій, и гнѣвъ его постепенно увеличивался. — Но, сдѣлайте одолженіе, уберите вы отъ меня къ чорту!

«Вы ошиблись, сударь: я уѣду не къ чорту, а отъ чорта!»

— Извольте ругаться, сколько вамъ угодно — возразилъ Рамирскій, насилу удерживая злость свою. — Я уже сказалъ вамъ, что весьма равнодушенъ ко всему, что вы говорите, только уѣзжайте поскорѣе! Экипажъ для васъ сей часъ будетъ готовъ. Я назначаю вамъ по 10-тъ въ годъ, для содержанія васъ и вашей дочери, которую я за свою уже не признаю, Сдѣлайте только милость, оставьте меня въ покоѣ,

«Извергъ! злодѣй!» вскричала Елисавета, пораженная послѣдними словами

Князя, что онъ не признаетъ дочери. «Тебѣ мало было оклеветать и погубить меня: ты способенъ предать посрамленію невиннаго младенца, собственную кровь твою! Невѣрный, развратный, дѣтоубійца! доверши всѣ твои преступленія однимъ ударомъ: зарѣжь насъ обѣихъ вмѣстѣ! Присутствіе твое ужасно для меня; ты отравляешь воздухъ, которымъ я дышу... И ты осмѣливаешься предлагать мнѣ деньги! Ничего не надобно мнѣ отъ тебя; сейчасъ уйду пѣшкомъ, унесу на рукахъ дочь мою! Я трепещу за нее — ты способенъ пролить кровь невинную.».. Не помня сама себя, вскочила она съ мѣста, и хотѣла броситься къ дверямъ, но душевное волненіе, гореть, бышенство, истощили до такой степени силы ея, что она упала безъ чувствъ на полъ.

Рамирскій испугался, позвалъ слуганокъ; Елисавету подняли, стали приводить въ чувство. Самъ мужъ ея бѣгалъ, хлопоталъ около нея, и былъ въ боль-

шомъ недоумѣніи. Казалось ему, что не возможно притворству и лицемѣрству простираться до такой степени; но — письмо Жокондова — думалъ онъ — такъ ясно ее изобличаетъ! — Между тѣмъ Елисавета опомнилась, и увидѣвъ мужа, просила его, именемъ Бога, оставить ее. «У тебя въ рукахъ ножъ.... Ты хочешь убить дочь свою.... пощади, пощади ее — зарѣжь меня одну!» кричала она, въ бреду и въ изступленіи. До такой степени была она поражена угрозами мужа не признать дочери, и такъ сильно заговорили въ сердце ея, врожденныя каждой матери, чувства любви и привязанности къ дѣтямъ! Но Рамирскій, думая, что она опять притворяется, за тѣмъ, чтобы болѣе взбѣсить его, съ негодованіемъ вышелъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью. За симъ послѣдовалъ вторично продолжительный обморокъ, послѣ котораго возобновилось изступленіе Елисаветы. Она призывала къ себѣ няню дочери, и

со слезами хватала цѣловать ея руки, умоляя спасти дочь ея — отъ отца! «Онъ хочетъ ее зарѣзать!» кричала безпрестанно Елисавета.

Къ утру жаръ прошелъ, но она такъ ослабѣла, что насилу могла дышать, и томнымъ, прерывающимся голосомъ просила, чтобы послали поскорѣе за Священникомъ. Тотчасъ разбудили Князя. Онъ перепугался. Въ ту-же минуту послалъ онъ за Докторомъ и за Священникомъ, хотѣлъ идти просить у жены прощенія, но боялся, что присутствіе его можетъ сдѣлать ей бѣольшей вредъ. На цыпочкахъ подошедъ къ дверямъ спальни, слушалъ онъ: повсюду была глубокая тишина; женщины стояли кругомъ кровати Елисаветиной, въ безмолвіи. Свѣтъ лампы, теплившейся передъ Образомъ, и одна свѣчка, подъ зонтикомъ, стоявшая въ углу обширной комнаты, навели какой-то ужасъ на него. Ему казалось, что Елисаветы уже нѣтъ на свѣтъ; прибли-

житься къ ея кровати не имѣлъ онъ духу, и со слезами возвратился въ свой кабинетъ. Но тамъ опять пришло ему на память письмо Жокондова; онъ вновь взбѣсился. Затѣмъ вскорѣ представился ему обморокъ, и настоящее, кажется, уже совсѣмъ непритворное положеніе жены его. Въ ужасномъ волненіи, сидѣть долго на мѣстѣ онъ не могъ, голова его кружилась; словомъ, не зналъ Рамирскій, что дѣлать! Между тѣмъ совсѣмъ разсвѣтало; ему вздумалось посмотрѣть на дочь, чтобы еще увѣриться: точно-ли она такъ похожа на него, какъ всѣ говорили? Тихими шагами прошелъ онъ по корридорѣ, мимо спальни, въ дѣтскую. Невинное дитя было весело, прыгало на рукахъ кормилицы, и, не понимая, не чувствуя, въ какомъ положеніи были ея родители, и что ей, несчастной, отвергнутой отцомъ, предстоитъ на поприщѣ жизни — съ улыбкою протягивало къ нему ручки свои, называло его: *пани*;

и хотѣло цѣловать. Князь взялъ дочь на руки; сходство ея съ нимъ было, въ самомъ дѣлѣ, разительно; у него невольно потекли слезы. «Нѣтъ! сердце мое не обманываетъ меня!» думалъ онъ. «Она точно дочь моя!» Но оскорбленное самолюбіе и ревность вновь овладѣли имъ. Письмо Жокондова опять пришло ему на память. «Ежели она и точно дочь моя» — думалъ онъ — «все это не оправдываетъ преступной ея матери! Я самъ читалъ письмо, въ которомъ любовная связь ея такъ очевидна!» Онъ отдалъ ребенка нянь, и возвратился въ свой кабинетъ. Безпокойство и душевное волненіе произвели въ немъ сильную головную боль. Онъ долженъ былъ лечь въ постелю.

Священникъ вскорѣ явился, и Елисавета, по совершеніи послѣдняго Христіанскаго долга, почувствовала себя гораздо лучше. Она плакала, и внутренно сознавалась, что сама, запальчивостію, вѣтренностію и неразсудительностью своею,

многому причиною. Ей невольно пришло въ голову, какъ постепенно эти, по общему мнѣнію маловажныя, и даже очень милые въ прелестной женщинѣ недостатки, увлекли ее въ погибель! Будущей жребій несчастной дочери сильно мучилъ ее. «Непризнанной отцомъ за законную дочь, что предстоитъ ей, бѣдной!» думала Елисавета, и горькія слезы, ручьемъ, текли изъ глазъ ея. Однакожь, размышляя далѣе и укрѣпившись молитвою, думала она, что не въ богатствѣ и знатности состоитъ истинное, существенное благополучіе; къ несчастію, ей по опыту было это извѣстно. Она рѣшилась, ежели Богу угодно будетъ сохранить жизнь ея, удалиться въ маленькую свою деревню, совершенно посвятить себя дочери, заняться образованіемъ и воспитаніемъ ея, совсѣмъ по другой методѣ, нежели та, по которой она сама была воспитана, не почитать забавнымъ остроуміемъ легкомыслія и необдумчивости, не радовать-

ся ими, и не рассказывать о нихъ, даже въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ дѣвочки. Приучать, напротивъ, съ малолѣтства къ размышленію и порядку, предупреждать самыя малѣйшія движенія гнѣва, запальчивости и своевольтва. Елисавета хотѣла воспользоваться собственнымъ несчастьемъ своимъ, для отвращенія бѣдствій отъ дочери. Мысль, что она не даромъ будетъ жить на свѣтѣ, и что ей предстоитъ важная и священная обязанность матери, о которой, до сихъ поръ, она совсѣмъ не помышляла, еще болѣе подкрѣпила и успокоила ее. Она велѣла привести дочь къ себѣ, взяла на руки, и цѣловала ее — къ удивленію дѣвочки, потому что прежде никогда не брала она ее къ себѣ и не ласкала. Дитя смотрѣло на мать свою угрюмо, и готово было плакать. Въ это время Елисавета опять поражена была мыслью о томъ, что будетъ съ этимъ невиннымъ младенцемъ, ежели она умретъ! «Но, по милос-

ти Божіей, у меня есть Ангель — сестра Софья,» подумала она, и успокоилась. Докторъ нашелъ ее довольно въ хорошемъ положеніи, только весьма слабою; онъ прописалъ ей лекарство для подкрѣпленія.

Тутъ доложили Князю Рамирскому о приѣздѣ Пронскихъ. Онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ завязанною головою. На лицѣ его видны были такая мрачность и такое уныніе, что Софья испугалась. «Что вы, Князь?» спросила она, торопливо. «Не случилось-ли какого несчастія съ Лизанькою? Гдѣ она?» — Жена моя нездорова. У меня также очень болитъ голова — отвѣчалъ онъ, отворяя дверь въ спальню, куда самъ за ними не пошелъ, но возвратился въ свой кабинетъ.

Со слезами цѣловала гостей своихъ Елисавета. Ей сдѣлалось было дурно, но, успокоившись немного, сообщила она имъ всѣ подробности ссоры своей съ мужемъ, и показала письмо Жокондова, «которое

было только вздорнымъ предлогомъ,» прибавила она, «уже давно обдуманнаго злодѣйства моего мужа. Не стану оправдываться,» продолжала Елисавета—«я кругомъ виновата, за неосторожность и неразсудительность свою; весь вѣкъ мой дѣлала я глупости, и принимая ласково, или—называя вещи настоящимъ ихъ именемъ, потому, что нѣчего мнѣ скрывать-ся отъ васъ—просто, кокетствуя съ этимъ Жокондовымъ, я была слишкомъ безразсудна, тѣмъ болѣе, что тетушка Прасковья Васильевна, справедливо, предупреждала меня.... Да, я сама подала поводъ этому мерзавцу оскорбить меня глупымъ и дерзкимъ письмомъ своимъ! Но, можно-ли было ожидать такихъ ужасныхъ послѣдствій? Я виновата, а за что невинная дочь моя будетъ страдать весь вѣкъ. Отвергнутая, непризнанная дочь—какое посрамленіе, какое бѣдствіе! Выше этого, кажется, уже ничего быть не можетъ...» прибавила Елисавета, задыхаясь отъ ры-

даній. — Успокойся, другъ мой, успокойся, и молись Богу: Онъ милосердый Отецъ нашъ — отвѣчала Софья, цѣлуя ее, со слезами, и подавая ей стаканъ воды. Въ это время Пронскій, не бывъ замѣченъ, положилъ письмо Жокондова въ карманъ къ себѣ и пошелъ къ Князю Рамирскому, предоставляя женѣ своей утѣшать и успокоивать Елисавету. Онъ нашелъ его лежащимъ въ постелѣ, у себя въ кабинетѣ. «Что вы, Князь? Какъ вы себя чувствуете?» — Ужасно болитъ голова — отвѣчалъ онъ, вставая съ постели. — «Да за чѣмъ-же встаете? Лежите — я посижу подлѣ вашей кровати.» — Нѣтъ! я думаю, что движеніе сдѣлаетъ мнѣ пользу. — Они вышли, и скорыми шагами ходили по залѣ, не говоря ни слова. Оба придумывали, какъ начать разговоръ о самомъ непріятномъ предметѣ. Наконецъ, Князь Рамирскій прервалъ молчаніе. «Послушайте, Николай Дмитріевичъ,» сказалъ онъ. «Вы теперь семьянинъ нашъ; я ду-

шевно люблю и уважаю васъ—скрывать-
 ся отъ васъ нѣчего: я выведенъ изъ вся-
 каго терпѣнія недостойными поступками
 и невѣрностію жены моей, и—рѣшился
 на вѣкъ разстаться съ нею.»—Жалю о
 васъ, любезный братъ — отвѣчалъ, со
 вздохомъ, Пронскій. — Въ дѣла мужа и
 жены никто не долженъ вмѣшиваться. Я
 не разсуждаю, кто изъ васъ правъ и
 кто виноватъ, и только еще, съ сердеч-
 нымъ вздохомъ, повторяю: очень, очень
 сожалею о васъ! — «Но, будьте безпри-
 страстны, Николай Дмитріевичъ; войдите
 въ мое положеніе, и вы сами согласитесь,
 что никакого человѣческаго терпѣнія не
 достанетъ сносить такую мучительную
 жизнь!»—Опять скажу вамъ тоже, любез-
 ный Князь: я не имѣю права судить му-
 жа съ женою.... Но, позвольте мнѣ гово-
 рить съ вами, какъ съ Христіаниномъ. Вы
 не можете отвергнуть, что бракъ есть
 одно изъ священныхъ таинствъ, на ко-
 торыхъ основана наша Религія. — «Ко-

несчно,» отвѣчалъ, въ смущеніи, Князь Рамирскій. — Разсмотрите сами, хладнокровно, и во всѣхъ отношеніяхъ, въ чемъ состоитъ важная и священная обязанность супруговъ. Не дали-ль вы обѣта въ храмъ Божіемъ? Не клялись-ли вы, передъ Престоломъ Всемогущаго и Всевидящаго Творца, способствовать къ счастью женщины, которая, можно сказать, великодушію вашему ввѣряла на вѣкъ судьбу свою? Разберите сами, и отдайте сами себѣ отчетъ: исполнили-ль вы обѣтъ свой? Постигнули-ль вы въ полной мѣрѣ обязанность вашу: управлять и руководствовать колеблющимися шагами молодой, неопытной женщины на поприщѣ жизни? Отъ васъ, именно отъ васъ, зависѣло все счастье, временное и вѣчное, этой женщины; но справедливо-ли вы дѣйствовали, и не дадите-ли вы отвѣта передъ Богомъ, что вы погубили ее? Потомъ вспомните: не была-ли первѣйшая обязанность ваша та, чтобы собственнымъ

примѣромъ своимъ поддержать на пути
 чести и добродѣтели слабую отъ приро-
 ды подругу вашу? Вспомните еще, не
 имѣете-ли вы на душѣ упрека въ этомъ
 важномъ отношеніи? Вотъ все, что я мо-
 гу сказать вамъ, любезный братъ, какъ
 Христіанинъ Христіанину! — прибавилъ
 Пронскій, взявъ за руку Князя Рамир-
 скаго, который, въ молчаніи и со слеза-
 ми на глазахъ, ничего не отвѣчалъ ему.
 Замѣтно было, что слова Пронскаго силь-
 но тронули его и поразили до глубины
 души. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мол-
 чанія, Пронскій продолжалъ: «Вы, любез-
 ный братъ, ослѣплены теперь гнѣвомъ
 вашимъ, но когда успокоитесь, то все,
 что я теперь говорилъ, скажетъ вамъ
 собственное ваше сердце, потому, что вы
 не ожесточенный человѣкъ. Разсудокъ и
 сердце обнаружатъ вамъ все въ настоя-
 щемъ видѣ, и вы внутренно сознаетесь,
 что вы — сами во всемъ виноваты.... Во-
 образите только, какое горестное раска-

яніе предстоить вамъ. Мученіе ваше еще тѣмъ болѣе увеличится, что кромѣ временнаго и вѣчнаго погубленія женщины, ввѣрившей вамъ судьбу свою, вы будете причиною посрамленія, то есть, величайшаго несчастія невиннаго существа, собственной вашей дочери!» — Правда ваша, правда, любезный Николай Дмитріевичъ! — вскричалъ Рамирскій, бросаясь со слезами въ его объятія. — Нѣтъ! вчера я слишкомъ завлеченъ былъ бышенствомъ моимъ. Я не могу отвергнуть дочери моей и разстаться съ нею! Опытъ доказалъ мнѣ, до какой степени люблю я этого ребенка. Нѣтъ! никакъ, и никогда, не могу я отпустить ее отъ себя!... Не спорю, и не смѣю оправдываться — продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіе котораго замѣтилъ Пронскій, по лицу его, сильное бореніе страстей — я виноватъ во многомъ! Первое тѣмъ, что я ослѣпленъ былъ страстію къ одному только лицу прелестной, молодой дѣвушки,

не умѣлъ размыслить о послѣдствіяхъ, не разсмотрѣлъ характера и душевныхъ ея свойствъ, искалъ руки ея, и соединился съ нею вѣчными, неразрывными узами супружества, не постигая, какъ вы, точно справедливо, говорите, важной обязанности мужа. Потомъ, сдѣлавъ уже такую безразсудность, я не внималъ тому, что она молода, и что поступая, какъ должно разсудительному человѣку, я могъ-бы еще преобразовать ея характеръ, и воспользоваться точно многимъ расположеніемъ ея къ добру. вмѣсто того, я часто горячился по пустому, говорилъ ей грубости, поступалъ съ нею безъ всякой нѣжности, и совершенно ожесточилъ ее противъ себя. Но, самое главное, чего я въ вѣкъ простить себѣ не могу—я первый нарушилъ супружескую вѣрность! Тщетно стараюсь оправдывать себя тѣмъ, что я завлеченъ былъ кокеткою, и что несносная скука, дома, и ежедневныя непріятности, дѣлаемыя мною женою моею, нѣсколько извѣ-

няютъ меня! Совѣсть—неумолимый судія;
 нельзя заглушить голоса ея навсегда;
 опыты, подобные теперешнему, возбуж-
 даютъ ее, и тягостныя угрызенія ожида-
 ютъ того, кто нарушилъ долгъ совѣсти.
 Все это правда, повторяю еще, и совер-
 шенно обвиняю себя. Но, согласитесь, что
 все это уже слишкомъ далеко зашло! Ка-
 кую жалкую роль въ свѣтъ долженъ
 играть мужъ-рогоносецъ! Можетъ-ли онъ
 сохранить какое-нибѣудь уваженіе къ же-
 нѣ, которая обманула его и нарушила
 свой долгъ? А преступленіе моей жены,
 къ несчастію, такъ явно, что и сомнѣ-
 ваться невозможно. Отнынѣ жизнь наша
 была-бы только непрерывнымъ муче-
 ніемъ. Какими глазами будемъ мы смот-
 рѣть другъ на друга, бывши взаимно
 увѣрены въ измѣнѣ и невѣрности нашей?
 Для общаго спокойствія намъ должно
 разстаться съ нею—только дочери моей
 не могу я отпустить отъ себя. Я готовъ
 на всякія пожертвованія, готовъ отдать

все—только-бы она не отнимала у меня единственного, послѣдняго утѣшенія моего въ жизни — прибавилъ онъ, со слезами. «Любезный Князь! вы говорите, что преступленіе вашей жены *явно*,» продолжалъ Пронскій. «Но на чемъ основываете вы увѣренность вашу?»—На письмѣ Жонконова, которое я самъ читалъ. Дорого, и очень дорого далъ-бы я, чтобы это пагубное письмо никогда не попадалось мнѣ въ руки! Я могъ-бы еще сомнѣваться, могъ-бы думать, что хотя наружности всѣ противъ нея, но какъ человѣкъ ослѣпленный ревностію, я ошибаюсь. Оставалась-бы еще мнѣ тѣнь надежды, что она не измѣнила мнѣ, и не нарушила супружеской вѣрности. Теперь — все кончилось! Прочитайте сами письмо, и вы увѣритесь въ посрамленіи моемъ! — «Вотъ это несчастное письмо,» сказалъ Пронскій, вынимая его изъ кармана. «Оно служитъ разительнымъ доказательствомъ, какъ человѣкъ, обуреваемъ

мый страстями, смотритъ на все въ превратномъ видѣ. Но мы такъ много ходили — признаюсь вамъ, я усталъ; сядемте и отдохнемъ.» Князь схватилъ изъ рукъ Пронскаго письмо, и они пошли въ кабинетъ.

Съ нетерпѣніемъ, въ сильномъ волненіи, началъ Князь Рамирскій пробѣгать глазами письмо Жокондова. Потомъ, отдавая его трепещущею рукою Пронскому, сказалъ: «Должно вамъ признаться, любезный Николай Дмитріевичъ, что я совсѣмъ отвыкъ отъ Французскаго языка, и многого въ этомъ письмѣ не разумѣю: но слова: *amour, feu devorant, sentimens de mon coeur*, которыя, къ несчастію, понимаю, доказываютъ, что этотъ мерзавецъ написалъ любовное письмо къ моей женѣ! Согласитесь, это самолюбіе мое было жестоко оскорблено, и одна только мысль, что жена моя въ перепискѣ съ Жокондовымъ, который позволяетъ себѣ говорить ей о любви и о сердеч-

ныхъ чувствахъ своихъ—уже этого было достаточно для возбужденія моего бѣшенства! Но я увѣренъ, что вы, Николай Дмитріевичъ, не употребите во зло полной довѣренности моей къ вамъ, что вы не захотите бесполезно обманывать меня, потому, что истина откроется, рано или поздно. Прошу васъ: переведите мнѣ по-Русски это письмо.»

— Все, что вы ни говорили теперь, очень справедливо—отвѣчалъ Пронскій.— Жена ваша точно виновата. Вътренностью своею, она сама подала поводъ къ столь оскорбительному для нея письму. Можетъ быть, въ послѣдствіи времени этотъ обветшалый волокита, подражая похвальнымъ примѣрамъ многихъ героевъ Французскихъ романовъ, и достигнулъ-бы своей цѣли, успѣлъ-бы совратить ее съ пути чести и добродѣтели, и въ этомъ случаѣ—извините меня—вы были-бы много сами виноваты, невниманіемъ вашимъ. Но, къ счастью, самое это пись-

мо служить яснымъ доказательствомъ, что она еще не преступница; что никакой переписки и предосудительной связи у нея съ Жокондовымъ не было, хотя признаться должно, что легкомысліе поставило было ее на краю бездны. Я переведу вамъ, отъ слова до слова, глупое это письмо, то есть, буду читать каждое Французское слово по Русски, хотя выйдетъ изъ этого порядочная галиматья.»

«Снѣдаемый пламенемъ страстной любви, которая овладѣла всѣмъ моимъ сердцемъ, и всѣмъ существованіемъ моимъ, я не въ силахъ уже скрывать чувствъ моихъ. Узнайте, что вы предметъ моего обожанія. Я долго колебался, думалъ побѣдить мою страсть, хотѣлъ удалить себя отъ столь опасныхъ для моего сердца прелестей вашихъ, соединенныхъ съ необыкновенною любезностію и умомъ. Вотъ причина внезапнаго отъѣзда моего въ Москву. Но всѣ усилія мои бесполез-

«НЫ; ВЫ ОВЛАДѢЛИ ВСѢМЪ БЫТІЕМЪ МОИМЪ,
 «ВЫ СОСТАВЛЯЕТЕ ПРЕДМЕТЪ МОИХЪ БЕЗПРЕ-
 «СТАННЫХЪ МЫСЛЕЙ. ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ РОБ-
 «КА. НИКОГДА НЕ ОСМѢЛИЛСЯ-БЫ Я СКАЗАТЬ
 «ВАМЪ ЛИЧНО ТО, ЧТО ТЕПЕРЬ ОТВАЖИВАЮСЬ
 «ПИСАТЬ. ПРОИЗНЕСИТЕ МОЙ ПРИГОВОРЪ.
 «ЖИЗНЬ, ИЛИ СМЕРТЬ, ПРИНЕСЕТЪ ВАШЪ ОТ-
 «ВѢТЪ, КОТОРАГО БУДУ ОЖИДАТЬ ЗДѢСЬ ВЪ
 «МОСКВѢ? Но я приказалъ моему управля-
 «ЮЩЕМУ ТАЙНО СЪѢЗДИТЬ КЪ ВАМЪ, И ПО-
 «ЛУЧИТЬ ВАШЪ ОТВѢТЪ, ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ
 «КО МНѢ. СЪ ЧѢМЪ МОЖЕТЪ СРАВНИТЬСЯ
 «БЛАЖЕНСТВО МОЕ, ЕЖЕЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЕ
 «УПАСТЬ КЪ НОГАМЪ ВАШИМЪ ВЛЮБЛЕННОМУ
 «И СЧАСТЛИВОМУ,»

Жокондову.

«И на словахъ глупы любовныя объ-
 ясненія такого рода, а на письмѣ еще
 глупѣе!»—сказалъ Пронскій, отдавая пись-
 мо Князю Рамирскому. Князь былъ въ
 видимомъ смущеніи, смотрѣлъ долго на
 письмо и, какъ замѣтно было, собирался
 съ мыслями.—Добрыйшій, почтенныйшій

человѣкъ!—сказалъ онъ наконецъ, пови-
нуясь душевному движенію.—Вы оказали
мнѣ истинное, совершенное одолженіе, и
облегчили мое сердце отъ ужаснаго бре-
мени, доказавъ мнѣ ясно, что жена моя,
благодаря Бога, еще не преступница. Ос-
корбленное самолюбіе мое, и увѣренность
въ ея измѣнѣ, побуждали меня разстаться
съ нею; но чувство прежней любви та-
илось въ моемъ сердцѣ, и открылось мнѣ
въ то время, когда я почиталъ себя обя-
заннымъ разойтись съ нею. Вы, лю-
безный Николай Дмигріевичъ, вывели
меня изъ заблужденія. Будьте посредни-
комъ моимъ; довершите истинное благо-
дѣяніе, котораго я въ вѣкъ не забуду;
испросите у нея прощенія мнѣ, и при-
мирите насъ другъ съ другомъ!—Прон-
скій, съ чувствомъ, пожалъ ему руку, и
тотчасъ отправился къ женѣ его.

Въ продолженіе этого разговора, и
Софья не оставалась въ бездѣйствіи. Она,
со всею нѣжностію и съ истиннымъ

краснорѣчіемъ, потому что говорила прямо отъ души, показывала сестрѣ, что ей, какъ Христіанкѣ, должно съ терпѣніемъ и кротостію нести крестъ свой; что если-бы она и дѣйствительно была совершенно права, то невинное страданіе въ здѣшнемъ мірѣ долженъ переносить Христіанинъ безъ ропота и съ покорностію къ Провидѣнію. Но ей въ настоящемъ случаѣ совершенно оправдать себя невозможно. И самое главное; ей надобно имѣть въ виду, что она мать; чувство материнской любви должно подкрѣплять ее и подвигнуть на всякія пожертвованія. Последнее болѣе всего подѣйствовало на сердце Елисаветы, «Ты права, милый другъ мой!» сказала она. «Чувство материнской любви, которое, къ несчастію, до сихъ поръ было мнѣ неизвѣстно и такъ внезапно открылось, то что заставляетъ меня рѣшиться на все. Я готова перенести всякое униженіе, всѣ возможные страданія, лишь-бы только отецъ

не отвергалъ дочери и не покрывалъ-бы вѣчнымъ посрамленіемъ всей жизни невиннаго моего дитяти. Я готова упасть передъ нимъ на колѣни, цѣловать его руки и ноги—чувствую въ себѣ столько силы душевной, что способна на все, лишь-бы только смягчить его жестоко-сердіе къ своей дочери!»

Въ такомъ расположеніи нашелъ ее Пронскій, войдя въ спальню. «Любезная сестра!» сказалъ онъ. «Я уполномоченъ отъ вашего мужа испросить у васъ ему прощеніе. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ вами.» Можно вообразить себѣ, каковъ былъ переходъ Елисаветы отъ горести къ радости.—«Онъ виноватъ передо мною? Ему просить у меня прощенія?» вскричала Елисавета. «Нѣтъ! я сама совершенно во всемъ себя обвиняю, и готова на колѣняхъ умолять его о помилованіи.»—Слѣдовательно, я могу объявить ему объ этомъ.—Пронскій хотѣлъ было идти, но Князь, ожидая рѣшенія

судьбы своей въ другой комнатѣ и слыша, что говорила Елисавета, былъ уже на колѣняхъ передъ ея постелью. «Другъ мой! прости меня! Я всему причиною! Вся моя вина!» говорили они, и со слезами бросились въ объятія другъ друга. Пронскій сдѣлалъ знакъ Софьѣ; она пошла въ дѣтскую и принесла дочь ихъ. Присутствіе дитяти возобновило ихъ раскаяніе и обвиненіе самихъ себя. Они попеременно брали дочь съ рукъ на руки, и повторяли увѣренія посвятить всю жизнь свою для успокоенія и счастья другъ друга. Потомъ обратились они съ благодарностію къ примирителямъ своимъ. Всѣ четверо блаженствовали въ полной мѣрѣ. Но мудрено вѣрить, кто чувствовалъ болѣе внутренняго удовольствія: примиренные, или примирители?

ГЛАВА IV.

Dir Selbstaufriedenheit, dir süsse Seelenruh,
Eilt jedes Menschen Wunsch, eilt jede Hand-
lung zu.

Doch wer erreicht dich?..

WIELAND.

« Къ себѣ, внутреннее удовольствіе, къ себѣ,
« душевное спокойствіе, стремятся все жела-
« нія и дѣйствія людей. Но кто достигаетъ?.. »

ВИАНАЪ.

Весь остатокъ дня прошелъ въ об-
щемъ удовольствіи. Примирившіеся суп-
руги повторяли, что именно отъ недо-
разумній и неловкости своей были они
несчастливы. Князь Рамирскій обнималъ

себя, что онъ часто былъ грубъ въ обращеніи, горячился по пустому, не имѣлъ должнаго вниманія и снисхожденія къ молодости жены. Напротивъ, она говорила, что вѣтренностію своею и неодумчивостію дѣлала ему много непріятностей, не умѣла смирять себя и соображаться, по обязанности своей, съ его характеромъ, и что она всему причиною, тѣмъ-же болѣе, что нѣсколько разъ предостерегали ее сестра Софья и тетушка Прасковья Васильевна, но она не уважила ихъ совѣтомъ.

«Милые друзья!» сказала имъ Софья. «Теперь вы на самомъ опытѣ узнали, что важныя дѣйствія бываютъ отъ маловажныхъ причинъ; увѣрились также и въ той истинѣ, что въ супружествѣ не должно пренебрегать никакою бездѣлицею, и что, очень часто, какое нибудь мѣлочное, какъ кажется, невниманіе другъ къ другу, имѣетъ пагубныя послѣдствія! Наблюдая супружество ваше съ самаго

начала, я именно въ этомъ увѣрилась. Помнишь-ли, Лизанька, за что у васъ произошла первая непріятность? Можно-ли повѣрить? За башмаки! Ты не хотѣла уважить весьма дѣльнаго замѣчанія твоего мужа, что послѣ дождя ходить въ цвѣтныхъ, тоненькихъ башмакахъ нездорово и убыточно. Ты вздумала блистать своимъ остроуміемъ на его счетъ, и очень нескромно шутить и подсмѣивать, то есть, просто дурачить его. Башмаки были основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ вашихъ непріятностей. Но, да послужить все случившееся съ вами важнымъ для васъ урокомъ на будущее время! Счастливъ, кто изъ прошедшихъ ошибокъ своихъ извлекаетъ ту пользу, чтобы впредь не впасть въ такія же ошибки. Послушайте меня, вспомните старинную Русскую пословицу: «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ» — предайте все прошедшее совершенному забвенію. Вы оба были виноваты, и взаимно прос-

тили другъ друга. Будьте-же великодушны въ полной мѣрѣ; не вспоминайте прошедшаго, и не позволяйте себѣ, рѣшительно никогда, дѣлать упреки одинъ другому. Прошедшаго возвратить уже не лѣзя; начните жить какъ будто-бы снова.» — Точно, точно справедливо! — сказалъ Князь Рамирскій. — «Сущая истина!» прибавила Елисавета, цѣлуя своего мужа.

«Кажется теперь можно надѣяться, что Лизанька будетъ спокойна и счастлива» — сказала Софья мужу своему, оставшись съ нимъ наединѣ. — «Переломъ былъ ужасный, потрясеніе такъ сильно, что она была на волосокъ отъ смерти, но за то послѣдствія благотворны.» — Дай Богъ, чтобы ты не ошиблась въ своемъ ожиданіи, добрая, милая женщина! — сказалъ Пронскій, цѣлуя съ чувствомъ ея руки. — Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на твое лицо во время примиренія ихъ! Какая радость

сіяла въ твоихъ глазахъ! Мнѣ кажется, что ты была счастлива не менѣе самой сестры твоей. Ты и всегда мила, какъ нельзя больше, а въ это время была точно, какъ говоритъ тетушка Прасковья Васильевна, *совершенная красавица!* — «А ты развѣ не таковъ-же былъ? Будто я не замѣтила, что ты, отвернувшись, утиралъ слезы платкомъ? И этъ-то, тихонько обтертыя слезы увеличили замѣченное тобою счастье на моемъ лицѣ! — отвѣчала Софья. — Однакожъ, скажи, пожалуйста, отъ чего-же ты опасешься, что я, можетъ быть, ошибаюсь на счетъ сестры?» — Укрѣпи се Богъ! Вотъ все, что я могу сказать. Только, кажется мнѣ, что доживъ уже до нѣкоторыхъ лѣтъ безъ размышленія, безъ строжайшаго и внимательнаго наблюденія за самимъ собою, тяжело передѣлывать себя. Впрочемъ, съ помощію Божіею, до всего достигнуть можно. По крайней мѣрѣ, такого важнаго неудовольствія между

ними, по всѣмъ вѣроятностямъ, уже ожидать нельзя. Будутъ кой-когда маленькія перепалки, но — это такъ и быть! А совѣтоваль-бы я тебѣ, другъ мой, стараться обратить все вниманіе сестры на дочь ея, возбудить и подкрѣпить въ ней своими совѣтами чувства материнской любви, которая такъ внезапно и такъ сильно открылась въ ней и произвела чудеса. Повѣрь, что если-бы не дочь, то всѣ наши краснорѣчивыя убѣжденія остались-бы безуспѣшны. Знаешь-ли? Съ женщинами такого рода надобно иногда подыматься на хитрости. Предложи ты ей установить съ тобою, какъ можно чаще, переписку о воспитаніи ея дочери; постарайся возбудить въ ней самолюбіе; попроси, чтобы она сообщала тебѣ наблюденія надъ постепеннымъ развитіемъ характера и способностей ея малютки; постарайся доказать ей, что нравственное воспитаніе ребенка должно начинаться съ самыхъ цѣленокъ, и что не-

справедливо умствование, будто-бы надобно дать свободу росту ребенку, и не заниматься до нѣкоторыхъ лѣтъ нравственнымъ его образованіемъ. Неправда! Еще повторяю: оно должно начинаться почти съ самыхъ пеленокъ. Впрочемъ само собою разумѣется, что оно должно быть принаровлено и соразмѣрно возрасту и способностямъ ребенка. Точно также смѣшно учить пятилѣтняго младенца высшей Геометріи, или Астрономіи, какъ 60-лѣтняго человѣка заставлятъ играть въ куклы. Я не знаю, хорошо-ли я объяснилъ тебѣ образъ моихъ мыслей, но ежели ты понимаешь меня, то постарайся передать все это и сестрѣ. Попроси ее, какъ будто для себя, потому что и ты готовишься быть матерью, сообщать тебѣ нравственные наблюденія надъ ея дочерью. Повѣрь, что переписка такого рода сдѣлаетъ ей большую пользу, нечувствительно будетъ способствовать къ собственному

ея, моральному усовершенствованію, и тѣмъ болѣе, что ты въ отвѣтахъ своихъ будешь подкрѣплять ее. Занятія такого рода отвлекутъ ее отъ разсѣянія и отъ скуки, которая есть основаніе всѣхъ нашихъ неудовольствій. Согласна-ли ты со мною? — прибавилъ Пронскій. — Я могу ошибаться — скажи мнѣ откровенно твое мнѣніе, и мы вмѣстѣ придумаемъ, какъ лучше устроить все это дѣло. — «Очень тебя понимаю, и совершенно согласна. Не далѣе, какъ завтра, передамъ Лизанькѣ».

— Да скажи, пожалуйста — продолжалъ Пронскій — что это за компаньонка Миссъ Клокъ, и на что она надобна? Учиться сестрѣ по Англійски, кажется, нѣтъ никакой нужды. Да и къ чему компаньонка для замужней женщины? Мужъ и дѣти — вотъ настоящіе компаньоны ея. Признаюсь тебѣ, мнѣ кажется, такого рода *паразитки*, Англичанки, а пуще всего Француженки, живущія у

молодыхъ женщинъ, для компаніи, угодливостію своею фантазіямъ ихъ, потворствомъ и согласіемъ своимъ на всякій вздоръ, который придетъ имъ въ голову, имѣють чрезвычайно вредное вліяніе на ихъ нравственность, нечувствительно вкореняють въ нихъ своеволие, капризы, упрямство, и приучають къ лѣни. При томъ-же я гроша не держу, ежели эту миссъ хорошенько спросить, то, можетъ быть, откроется, что Жоконовъ по совѣту ея написалъ письмо къ Княгинѣ, и къ счастію еще, что имѣлъ глупость послать по почтѣ. Весьма вѣроятно, что она взялась-бы передать ему отвѣтъ, хлопотать за него, и со временемъ, когда-бы открылась настоящая интрига между ними, она, за нѣсколько сотъ рублей, взяла-бы роль посредницы и любовнаго Меркурія. Много есть такихъ примѣровъ! Очень-бы хорошо ты сдѣлала, если-бы постаралась удалить ее отъ сестры. — «Кажется, что Миссъ Клокъ не такова» —

отвѣчала Софья. — «Она жила долго у насъ въ домѣ, для Англійскаго языка, когда мы были всѣ не за-мужемъ, и послѣ замужства Елисаветы, съ которою она болѣе всѣхъ была дружна, переѣхала она къ ней, и живетъ теперь за самую дешевую цѣну. Но, Богъ знаетъ! Отвѣчать ни за что нельзя. Мнѣ самой давно казалось, что она подбивала Елисавету противъ мужа, или, по крайней мѣрѣ, часто вмѣстѣ подсмѣивалась надъ нимъ. Да и одно то, что онъ разговариваютъ въ присутствіи его на такомъ языкѣ, котораго онъ не понимаетъ, можетъ возбудить въ немъ подозрѣніе, что онъ или смѣются, или замышляютъ что нибудь противъ него. Правда твоя—я поговорю сестрѣ, чтобы она отпустила ее, и тѣмъ болѣе еще представлю ей, что на эти деньги, которыя ей платить, можетъ она взять хорошую и опрятную Нѣмку, въ няни къ дочери. Надобно правду сказать: въ дѣтской у нея чрез-

вычайная нечистота, и ребенка водять неопратно; я постараюсь доказать ей, что это весьма вредно для здоровья дитяти.

Подобное же сужденіе было въ дѣви-
чей, между Аннушкою Софьи и двоюрод-
ною сестрою ея, Машею, отданною въ
приданое за Елисаветою. «Долго-ли бу-
детъ господамъ вашимъ ссориться между
собою? — сказала Аннушка. — Право, вчу-
жъ смотрѣть на нихъ тошно. Какъ это,
когда къ вамъ ни прѣдешь, все одно и
тоже — весь домъ верхъ дномъ. Что-бы
имъ жить, какъ наши молодые! Никогда
непріятнаго слова другъ другу не ска-
жутъ; сердце радуется, смотря на нихъ.» —
Какая разница! — отвѣчала Маша. — Софья
Васильевна ваша — ангелъ во плоти, а на-
ша барыня — Богъ знаетъ что такое!
Чортомъ ее называть нельзя; она часто
бывается добра и разговорлива, а иногда
подступиться къ ней нельзя — все не по

ней, ничѣмъ ей не угодишь! И молодого
вашего барина хвалятъ люди его, а
нашъ-то куда своеобычливъ, и золь иног-
да, особливо-же когда поссорится съ
барынею. Тутъ не попадайся ему никто
подъ руку—всѣхъ бьетъ и колошматить,
до полу-смерти; бѣдному Федюшкѣ, ка-
мардину его, пуще всѣхъ тогда достает-
ся. Онъ, бѣдный, отъ пинковъ, пощечинъ
и тычковъ въ зубы и уши, почти со-
всѣмъ оглохъ. Барыня еще—славу Богу—
не такъ дерзка на руку, и сама никогда
не дерется. Но ужъ и у нея, въ то вре-
мя, когда поссорится она съ Княземъ,
держи ухо востро: то ей подай, другое
принеси, и все ей тогда не въ угоду, за
все бранится и ворчитъ, такъ, что хоть
бѣжать бы изъ дому на ту пору.

«Да за что они перебрались те-
перь?» — продолжала Аннушка. «Видно,
что дѣло было не на шутку: ты связы-
вала, что они кричали во все горло, на
весь домъ, и даже молодую вашу Княж-

ну разбудили и испугали, а потомъ барыня упала на полъ, и вы безъ чувствъ отнесли ее на постелю.» — Видишь-ли ты, говорятъ, Князь перехватилъ какое-то письмо изъ Москвы, отъ этого чорта—какъ-бишь зовутъ его.... все забываю.... вотъ отъ этого сосѣда.... Руской что-ли онъ, или Нѣмецъ, Богъ его знаетъ — только онъ болтаетъ все не по нашему. Я давно говорила: быть изъ этого бѣдѣ! Повадился сюда таскаться всякій день! Давай ему самыхъ густыхъ сливокъ; меду не наготовятся на него—бутылки по три выпивалъ въ день! Все сидитъ, бывало, съ барынею, лопочутъ Богъ знаетъ по-каковски, и пѣшкомъ ходятъ и гулять ѣздятъ—все вмѣстѣ! Баринъ уже давно искоса посматривалъ на него; слова, бывало, не промолвить съ нимъ въ лады; но нѣтъ, этотъ бѣсъ ни на что не смотрѣлъ: такъ присушило его къ нашему дому, что ни чѣмъ Князь отвадить его не могъ.

«Ну! теперь, слава Богу! наши Господа помирили ихъ» — сказала Аннушка. «Авось теперь будетъ у васъ тишь, да гладь, да Божья благодать».

— Да, пока, дай Богъ здоровья вашимъ Господамъ, они поладили, и мы поуспокоились: да надолго-ли? Въдь это не въ первой. А я всегда говорю: покуда эта подколодная змѣя, Агличанка — Клочокъ, или волчокъ — будетъ жить у насъ, то не бывать покоя въ нашемъ домѣ. — Всѣ домашніе называли Миссъ Клокъ, иные Волчокъ, другіе клочокъ, и терпѣть ее не могли, какъ-то бываетъ почти во всѣхъ господскихъ домахъ, гдѣ живутъ иностранцы. Нашъ православный народъ, особенно-же въ дальнихъ провинціяхъ, сохранилъ еще до сего времени нѣкоторое предубѣжденіе противъ иностранцевъ. Хорошій человекъ, а жаль, что Нѣмецъ, говорятъ еще тамъ многіе, и имена иностранныя вообще всѣ выговариваютъ на выворотъ. — Эта злодѣйка

Волчокъ настраиваетъ барыню на все дурное — продолжала Маша. — Она переносица, и все мутитъ, да кутитъ въ домъ. Не даромъ замѣтила я, что этотъ полу-Нѣмецъ сосѣдъ, который надѣлалъ всю кутерьму, часто съ нею, одинъ наединѣ, разговаривали, и онъ о чемъ-то съ поклонами ее упрашивалъ. Она, потихоньку отъ барыни, получала отъ него и сама отправляла къ нему нѣсколько писемъ. Ужъ не замышляетъ-ли она обокрасть барыню, да бѣжать? Отъ нея все станется!—Собесѣдницы остановились на этой мысли, и, по долгомъ разсужденіи, согласились, что вѣрно *Волчокъ* намѣрена обворовать Княгиню и уйдти. Въ общемъ совѣтѣ положено было, что-бы Аннушка сказала объ этомъ своей *Генеральшѣ*.

Очень пріятно провели Пронскіе цѣлую недѣлю у примирившихся супруговъ. Софья, по совѣту мужа своего, старалась укрѣпить въ Елисаветѣ чувства материн-

ской любви къ дочери, и она согласилась на предложенную ей переписку о воспитаніи—«но за чѣмъ,» сказала Елисавета, «чтобы мнѣ учиться у тебя, не только воспитанію, а всему. Тебя маменька не даромъ называетъ колдуньею; со всѣми успѣла ты поладить, всѣмъ угодить, всѣ тебя любятъ, и ни съ кѣмъ во всю жизнь не имѣла ты непріятности: научи меня, какъ ты успѣла все это сдѣлать, открой мнѣ колдовство свое, милая Соничка?» — Что касается до миссъ Клокъ, то, безъ всякаго затрудненія согласилась Елисавета отпустить ее. А когда узнала отъ Софьи, по словамъ Маши, которыя ей были переданы Аннушкою, что Миссъ тайно переписывалась съ Жокондовымъ, то взбѣсилась до такой степени, что хотѣла выгнать ее въ тотъ-же день, пѣшкомъ, изъ дома. Насилу могла уговорить ее Софья показывать видъ, что она ничего не знаетъ, и отпустить безъ всякой непріятности, за тѣмъ, чтобы не сдѣлать

гласной исторіи, которая, по обыкновенію, могла-бы распространиться и подать поводъ къ разнымъ толкамъ.

Князь Рамирскій былъ чрезвычайно доволенъ отъѣздомъ Миссъ Клокъ; онъ давно ее не жаловалъ, и подозрѣвалъ, что не только она, вмѣстѣ съ женою его и съ Жокондовымъ, смѣется надъ нимъ и дурачить его, но что готова и помогать этому волокитѣ въ любовныхъ его замыслахъ. Самымъ событіемъ открылось, что подозрѣніе его было основательно. Онъ также съ удовольствіемъ согласился на желаніе жены своей взять къ дочери Нѣмку. Вообще, въ продолженіе всего этого времени, Князь Рамирскій былъ очень милъ, внимателенъ, ласковъ къ женѣ своей, и она, съ своей стороны, соотвѣтствовала ему; особенно же вниманіе ихъ другъ къ другу увеличивалось, когда была съ ними маленькая ихъ Наташа. Елисавета безъ ужаса не могла вспомнить, что предстояло ей до-

чери, если-бы она была не признана и отвергнута отцомъ. Теперь съ восторгомъ смотрѣла на нее Елисавета, воображая, что малютка Наташа ея вырастетъ, будетъ прекрасно воспитана, богата, выйдетъ за хорошаго жениха, и она подъ старость найдетъ спокойствіе и утѣшеніе въ будущемъ ея семействѣ. Все это, при пылкости воображенія Елисаветы, уже мечталось ей, и она относилась съ признательностію къ Богу, что угрожавшее ей бѣдствіе миновалось такъ благополучно. Нѣсколько разъ, со слезами, благодарила она Пронскаго, и однажды, въ сердечномъ изліяніи, насильно схватила и поцѣловала его руку. Софья не могла равнодушно видѣть сего душевнаго движенія Елисаветы; она сама называла мужа своего ангеломъ, и, не удерживая слезъ радости своей, цѣловала его въ глаза, губы, щеки, приговаривая: «А этотъ ангелъ—мой мужъ, мой собственный Николинъка, мой другъ, мое сокро-

вище! Вотъ такъ-то мнѣ досталось, отъ маменьки, въ Петербургъ, при нашей помолвкѣ. Терпи и ты! Я свое взяла—отмстила ей, и непременно напишу къ ней объ этомъ. Однакожъ, еще мы не квиты. Ты такъ изволишь вести себя, что еще часто будетъ тебѣ доставаться тоже. Пронскій былъ счастливъ въ полной мѣрѣ. — Пстой-же, голубушка, — сказалъ онъ.—Да, ежели ты со мною такъ поступаешь, то и я не буду въ долгу!—Онъ началъ также цѣловать Софью, приговаривая: А вотъ это мой ангелъ, моя собственная Соничка, мой другъ, мое сокровище!... Что взяла? Видишь-ли, что у меня мстительный характеръ? Не думай, чтобы и я также не написалъ къ маменькѣ объ этомъ.—Елисавета, бывшая свидѣтельницею истинной, супружеской любви, тяжело вздохнула, дамая, что она не умѣла быть также счастливою, какъ Софья, вспомнивъ при томъ, что въ первое время супружества своего точно такъ-

же могла-бы она пріобрѣсть и утвердить на вѣкъ привязанность къ себѣ мужа. Онъ страстно былъ влюбленъ въ нее, а она, напротивъ, часто отвергала ласки его, съ неудовольствіемъ....

Князь Рамирскій повторялъ также нѣсколько разъ благодарность свою Пронскому. По многимъ причинамъ былъ онъ чрезвычайно радъ примиренію съ женою. Гласный разводъ съ нею, за невѣрность ея, былъ слишкомъ тяжелъ для его самолюбія потому, что мужъ-рогоносецъ, во всякомъ случаѣ, и смѣшенъ и жалокъ. При томъ-же, исторія его могла-бъ быть поводомъ къ разнымъ толкамъ, не въ его пользу. Чувство привязанности къ женѣ точно таилось въ его сердцѣ, а всего вѣроятнѣе, что и эгоизмъ много дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ. Оставшись одинъ, послѣ ссоры съ женою, онъ съ ужасомъ представилъ себѣ, какая несносная тоска будетъ ему въ обширномъ его домѣ! Взять къ себѣ любовницу свою,

Лезбосову, было противно не только благоприличію, но и нравственнымъ его чувствамъ. Что касается до малютки дочери, ему только въ то время, когда онъ рѣшился разстаться съ нею, открылось, въ какой степени былъ онъ къ ней привязанъ. Прежде и въ голову не приходило ему, что онъ такъ сильно любитъ этого ребенка. Сверхъ того, взятая имъ на себя обязанность — давать женѣ 10 т. въ годъ, по скупости его, была ему также весьма тягостна.

Наканунъ дня, назначеннаго Пронскими для ихъ отъѣзда, получили они съ нарочнымъ письма изъ деревни своей. Мачиха увѣдомляла ихъ, что она, и всѣ въ домѣ, здоровы, и прислала письма, полученные въ ихъ отсутствіе. Распечатавъ первый пакетъ, Пронскій, къ общему удивленію, перекрестился, и сказалъ: «Слава Богу!» — Начальникъ города, гдѣ содержался Аглаевъ въ тюрьмѣ, увѣдомлялъ его, что онъ скончался, исполнивъ

всѣ обязанности Христіанина; приобщаясь Св. Таинъ, соборовался масломъ, и умеръ съ чистымъ покаяніемъ. — Изъ тысячи рублей, оставленныхъ ему Пронскимъ, около 200 рублей истрачено было на содержаніе его во время болѣзни и на похороны; остальные за тѣмъ присланы были обратно. Всѣ согласились, что смерть его, особенно-же съ чистымъ покаяніемъ, есть истинное милосердіе Божіе.

Прочитавъ другое письмо, Пронскій улыбнулся, и подалъ его женѣ своей. Молчалинъ, компаньонъ Графа Клешнина, «имѣлъ честь увѣдомить Его Превосходительство Николая Дмитріевича, и «Ея Превосходительство супругу его, «Софью Васильевну, что сестрица ихъ, Ея «Сіятельство, Графиня Наталья Васильевна изволила благополучно развѣшиться «отъ бремени, и что новорожденный «Графъ Федоръ Федоровичъ, благодаря «Всевышняго, находится въ возде-

«номъ здравіи.» Молчаливъ сообщалъ однакожь, что Графъ Ѳедоръ Степановичъ въ отлучкѣ, въ отъѣздѣ полъ, съ собаками, и что онъ пишетъ по приказанію Графини, которая разрышилась отъ бремени въ отсутствіе своего супруга, и что «хотя Ея Сіятельство, послѣ родовъ, еще очень слаба, и сама писать не можетъ; но желая сообщить скорѣе свою радость, возложила на него столь пріятное порученіе.» Сама Наталья принисывала слабою рукою, что маленькій ея *Графъ Ѳединька* очень милъ, и, по возвращеніи мужа ея, будутъ крестить его *Князь Антонъ Александровичъ Чванкинъ* и *Графиня Вѣра Степановна* старшая ея золовка.

Пронскій смѣлся такому церемоніальному извѣщенію, о прибытіи въ здѣшній свѣтъ важной особы, сына Графа Клешинина. Софья оскорбилась холодностію и поступкомъ совсѣмъ не родственнымъ, а Елисавета не шутя разсердилась. «Такъ-

ли должна писать родная сестра?» сказала она. — «И какъ имѣть духъ поручить увѣдомленіе, о такомъ пріятномъ событіи, постороннему человѣку? И кому-же? Какому-то Молчалину! Ежели она была въ силахъ написать: *маленькій Графъ Оединька*, крестить его будутъ Кн. Ан. Ал. Чванкинъ, и прочій вздоръ, то, кажется, гораздо-бы легче ей было написать прямо отъ сердца: «Милая Сестра! я родила благополучно сына Оединьку.» Ей меньше-бъ было труда написать эти пять, или шесть словъ, и она поступила бы какъ должно родной сестрѣ. Я на вашемъ мѣстѣ» — прибавила Елисавета — «послѣ этого, просто, не поѣхала-бы къ нимъ никогда. Что за чванство? И чѣмъ вы хуже ея?» — Почему-жъ намъ не ѣхать? — отвѣчалъ Пронскій. — Какъ вы находите ея поступокъ? Очень гадкимъ и не родственнымъ? За чѣмъ-же вы намъ совѣтуете поступить и съ нею также, не по родственному? Ежели одинъ

не хорошо сдѣлалъ, то почему и другой
обязанъ быть противъ него также ду-
ренъ? Мы поступимъ какъ должно род-
нымъ: поѣдемъ провѣдать, поздравить и
 насладиться лицезрѣніемъ *Его Сіятель-*
ства, Графа Федора Федоровича.

На другой день отправились Пронскіе
 въ Москву, съ тѣмъ, чтобы пробыть нѣ-
 сколько дней у Свѣяжской, и потомъ
 ѣхать къ Клешнинымъ.

ГЛАВА V.

Liebe und Tugend, miteinander zu verbinden.
Sie beide zugleich zu genießen. O! das wurde
erst vollkommene Glückseligkeit seyn .

W I L L A N D.

Съединить вмѣстѣ любовь и добродѣтель, и
обѣими вмѣстѣ наслаждаться--вотъ совершен-
ное счастье.

В и л л а н д ъ

Они пріѣхали прямо въ домъ къ Свѣ-
яжской. Описывать взаимную радость и
пріемъ, сдѣланный хозяйкою, было-бы
безполезно. Намъ извѣстно, что Пронскіе
уважали и любили ее, какъ родную

мать, а она всегда говорила, что не знает, могла-ли-бы она любить собственныхъ дѣтей своихъ такъ сильно, какъ Софью, потому, что ежели-бы у нея была дочь, то все имѣла-бы она хотя какое-нибудь безпокойство и непріятность, или въ совершенныхъ лѣтахъ, или при ея воспитаніи. Но отъ Софьи, во всю жизнь свою, ничего, кромѣ утѣшенія и радости, она не чувствовала. Она называла ее душевною своею дочерью, и со слезами ее цѣловала; мужа ея называла Свіяжская своимъ собственнымъ красавцемъ, и теперь находила, что онъ еще больше *похорошѣлъ*.

Воспитанницу Свіяжской, Княгиню Фольгину, нашли Пронскіе въ самомъ жалкомъ положеніи. Ея здоровье совершенно разстроилось. Доктора, на консилиумахъ, рѣшительно объявили, что ей надобно ѣхать въ чужіе края, пользоваться минеральными водами, то есть, какъ обыкновенно водится, желали сбыть

ее съ рукъ, и отпустить умереть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ Москвѣ.

«Я не знаю, что и дѣлать съ нею!» сказала Свѣяжская Софѣ, оставшись съ нею наединѣ. «Она совсѣмъ меня измучила. Въ чужіе края ѣхать не соглашается; говоритъ, что ей тяжело разстаться надолго съ дѣтьми; но мнѣ известна настоящая причина: она деликатится, боится, что ея путешествіе и содержаніе въ чужихъ краяхъ будутъ мнѣ дорого стоить; но, вы меня знаете: неужели я что-нибудь пожалую для нея? Я хотѣла тебя попросить, милая Соничка, поговорить съ нею, чтобы она не дурачилась, и оставила неумѣстную свою щекотливость. Можно-бы употреблять и здѣшнія, искусственныя минеральныя воды; но онѣ, вмѣсто пользы, должны сдѣлать ей большой вредъ: она ежедневно встрѣчалась-бы на нихъ съ своимъ мужемъ. Совсѣмъ здоровый, онѣ ѣздятъ

на воды всякій день, любезничают и волочиться за больными женщинами. На Кавказъ далеко; она не вынесетъ такой дальней дороги. Право, ума не приложу, что мнѣ съ нею, бѣдною, дѣлать!» — Да какія воды совѣтуютъ ей: не укрѣпительныя-ли, имѣющія желѣзныя частицы? — спросила торопливо Софья. «Именно такія воды и такія ванны вельно ей употреблять,» отвѣчала Свѣяжская. — Такъ, знаете-ли, тетушка.... Но вдругъ, Софья остановилась. «Что такое?» — Ничего, тетушка! Я хотѣла только спросить у васъ, какія воды должно ей пить — отвѣчала Софья, покраснѣла, и начала разговоръ о другомъ. Свѣяжская догадывалась, что она хотѣла предложить, но не настаивала и не требовала дальнѣйшаго объясненія.

«Я давеча сдѣлала было, безъ тебя, большую вѣтренность,» сказала Софья, оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ. «Княгинѣ Фольгиной должно употреб-

лять минеральныя воды. Тетушка въ
 большомъ затрудненіи; я хотѣла пред-
 ложить ей пріѣхать къ намъ весною.
 Липецкъ отъ насъ такъ близко; тамош-
 нія воды имѣютъ именно тѣ качества,
 которыя Княгинѣ надобны. Мы могли-
 бы тамъ все приготовить для нихъ. Мнѣ
 очень-бы этого хотѣлось, и я увѣрена,
 что тетушка и Княгиня, вѣрно, съ удо-
 вольствіемъ приняли-бы мое предложе-
 ніе — пріѣхать прежде къ намъ, при на-
 чалѣ весны, и отъ насъ переселиться на
 лѣто въ Липецкъ; мы имѣли-бы удоволь-
 ствіе часто видаться съ ними. Все это
 сорвалось было у меня съ языка, въ
 разговоръ съ тетушкою; но вспомнивъ,
 что безъ совѣта твоего не имѣю я пра-
 ва и не должна ничего дѣлать, и что,
 можетъ быть, тебѣ этого не захочется,
 вдругъ остановилась и смѣшалась. Къ
 счастью, тетушка не замѣтила моего сму-
 щенія. А ты, какъ думаешь объ этомъ,
 милый другъ мой?» прибавила Софья.

— Какъ тебѣ въ голову пришло сомнѣваться, чтобы я не одобрилъ такого предложенія? Да, ежели-бы мнѣ это и не такъ было приятно, то для того, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе—ты сама знаешь—я на все готовъ. А въ этомъ случаѣ, ты и придумала очень хорошо—отвѣчалъ Пронскій.—Такъ, стой-же, голубушка! Ежели ты во мнѣ осмѣлилась сомнѣваться, такъ я тебѣ отплачу—прибавилъ онъ. «Что-же ты хочешь сдѣлать?» — Ничего, ничего! Вотъ ты увидишь.—«Сдѣлай милость, скажи!»—Ага! и женское любопытство появилось на сцену! Такъ, вотъ нѣтъ! не скажу!—«Я давно тебѣ объявила, что имѣю всѣ женскія слабости, и просила о снисхожденіи; теперь о томъ-же упрашиваю моего отца и командира. Скажи, сдѣлай милость, что ты думаешь?» — Ну, такъ знай-же, мать и командирша: ты хотѣла предложить тетушкѣ и Княгинѣ, чтобы онѣ весною, на проѣздѣ въ Липецкъ, заѣхали къ

намъ, а я буду просить ихъ, чтобы онъ теперь-же, по возвращеніи нашемъ отъ сестры Натальи Васильевны, поѣхали-бы, вмѣстѣ съ ними, въ Петровское, пробыли-бы у насъ всю осень и зиму, а весною мы всѣ вмѣстѣ отправимся въ Липецкъ. А? что ты на это скажешь? — «Злой, мстительный, упрямый, своенравный человекъ! Вотъ, что я тебѣ скажу,» отвѣчала Софья, бросившись цѣловать его.

Свіяжская и Княгиня Фольгина, съ удовольствіемъ, согласились на предложеніе Пронскихъ. Свіяжская потому, что, кромѣ привязанности ея къ молодымъ, ей пріятно было общество мачихи Пронскаго; да и старый другъ ея, мать Софьи, была тамъ-же, а Княгиня Фольгина съ радостію желала куда нибудь уѣхать изъ Москвы, гдѣ она претерпѣла столько непріятностей, и гдѣ, по необходимости, должна была иногда встрѣчаться съ мужемъ своимъ, виновникомъ ея несчастія. Пронскіе просили, чтобы она взяла съ

собою и дѣтей своихъ, съ гувернанткою, увѣряя, что домъ у нихъ большой, и безъ всякаго стѣсненія всѣмъ мѣсто будетъ, а притомъ по сосѣдству ихъ есть хорошіе учителя музыки и рисованья, которые будутъ и безъ того ѣздить для дѣтей покойной сестры Катерины.

Посѣщеніе Клешинымъ было весьма непродолжительное. Они нашли стараго Графа въ подагру, которая весьма усилилась отъ простуды на охотѣ. Наталья, нѣсколько оправившаяся послѣ родовъ, была, по обыкновенію, наряжена какъ кукла, сохраняла всю важность и всю принужденность свою. Замѣтно было, что съ Молчалинымъ обращалась она нѣсколько ласковѣе. Впрочемъ, пріемъ ея, при входѣ сестры въ комнату, при всѣхъ былъ по прежнему холоденъ, даже и оставшись наединѣ она не была нѣжнѣе. Разсказывала, какимъ образомъ крестили ея сына, и о томъ, что она ошиблась въ расчетъ своемъ, когда ей

родить, почему не могла поспѣть въ Москву, и насилу успѣли привезть отсюда бабушку.

Знаменитый новорожденный былъ въ вождѣлѣнномъ здравіи; но не смотря на то, что онъ былъ Графъ Федоръ Федоровичъ Клепнинъ, подобно сыну какой нибудь простой крестьянки, онъ еще не держалъ головы, и такъ-же плакалъ и былъ слабъ, какъ и всякій недавно родившійся ребенокъ. Явная ошибка природы! Какъ это, для Принцевъ, Князей, Графовъ, и ежели не для всѣхъ уже Дворянъ, то, по крайней мѣрѣ, хотя для знатныхъ, нѣтъ у нея никакого отличительнаго преимущества противъ простаго народа? — Старушки, золовки Натальи, такъ-же ежедневно румянились, бѣлились, сурмили брови, и по прежнему были молчаливы и церемонны. Словомъ: такая-же была во всемъ домъ нестерпимая тоска, такое-же единообразіе, какъ прежде. Провскіе поспѣшили поскорѣе

уѣхать. Впрочемъ, никто ихъ и не удерживалъ.

Еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы, и въ бытность у Клешнинныхъ, Софья чувствовала себя не очень здоровою. Какіе-то странные и неизвѣстные до того времени припадки, происходили съ нею: голова часто кружилась, дѣлалась иногда тошнота и отвращеніе отъ пищи. Она думала, что какъ нибудь простудилась, и не говорила ни слова мужу, въ надеждѣ, что все это такъ пройдетъ. Но по возвращеніи въ Москву, сообщила она о припадкахъ своихъ Свѣяжской и Княгинѣ Фольгиной, въ то время, когда у ней былъ Докторъ, приглашенный для совѣта, по случаю отъѣзда ея изъ Москвы. Княгиня Фольгина, выслушавъ Софью, отвѣчала съ убыбкою, что болѣзнь ея очень благополучно окончится чрезъ девять мѣсяцовъ. Докторъ, пощупавъ пульсъ, также подтвердилъ, что она беременна. Софья была въ полной радости; ей хо-

тѣлось быть матерью, и тѣмъ болѣе потому, что мужъ ея нѣсколько разъ повторялъ, что къ совершенному его благополучію не достаетъ только быть отцемъ. Свіяжская, съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ однакожъ съ нѣкоторою боязнію, цѣловала и крестила Софью. Въ это время вошелъ Пронскій въ комнату. «Что ты, Соничка, такъ бѣдна?» сказалъ онъ, подходя къ ней ближе. «Я уже давно замѣчаю по лицу твоему, что ты нездорова.» Софья смотрѣла на него съ радостною улыбкою, и молчала. — Нездорова? Ну, да, нездорова — отвѣчала, съ усмѣшкою, Свіяжская. — Но это такого рода болѣзнь, которая пройдетъ съ прибытіемъ въ здѣшній свѣтъ новаго, такого-же моего красавца, какъ ты. Что ты на это скажешь? — Пронскій не дослушалъ послѣднихъ словъ Свіяжской; онъ, со слезами, уже цѣловалъ Софью. Мысль, что онъ будетъ отцомъ, привела его въ восхищеніе. Однакожъ, успокоясь

немного отъ восторга, просилъ онъ Софью заняться своимъ положеніемъ, хотѣлъ тотчасъ самъ сказать, и привезть Аккушера и бабушку, и посовѣтоваться съ ними. «Напрасныя хлопоты!» сказала Княгиня Фольгина. «Она молода, здороваго сложенія, счастлива и разсудительна: вотъ самыя главныя условія для благополучныхъ родовъ. Будьте спокойны, Николай Дмитріевичъ; черезъ девять мѣсяцевъ вы сдѣлаетесь отцомъ здороваго, полного херувимчика. Чего вамъ больше хочется — сына, или дочь?» — Сына, сына! — вскричалъ Пронскій. — Мнѣ кажется, что я отъ радости съ ума сойду, когда у меня родится сынъ. — «А ежели такъ, то я рожу тебѣ дочь», отвѣчала, со смѣхомъ, Софья. — Роди хоть сына, хоть дочь, да только счастливо — прибавила Свѣяжская, утирая свои слезы.

Черезъ нѣсколько дней выѣхали друзья наши, всѣ вмѣстѣ, изъ Москвы, посовѣтовались напередъ съ нѣсколькими ба-

бушками и акушерами, которыхъ Пронскій приглашалъ не всѣхъ вдругъ, вмѣстѣ, а по-одиначкѣ; всѣ успокоили его на счетъ положенія Софьи. Дорогою былъ онъ внимателенъ и заботливъ, до самой малѣйшей бездѣлицы. Посадилъ камердинера своего на козлы кареты, и убѣдительноше упрашивалъ объѣзжать всякій толчокъ, или, ежели не лѣзя уже объѣзжать, то сдерживать лошадей и спускать какъ можно тише. На всякомъ мосту, и на горахъ, выводилъ онъ Софью изъ кареты; на ночлегахъ осматривалъ самъ вездѣ, чтобы нигдѣ не дуло. устилалъ полъ войлоками и коврами, чтобы не было шуму, когда она спитъ, и давалъ большія деньги хозяевамъ на квартирахъ, чтобы они выносили ребятъ своихъ, для того, чтобы ночью, крикомъ своимъ, не испугали и не растревожили они Софьи. Съ чувствомъ принимала она услуги и такое вниманіе къ ней, и нѣсколько разъ, со слезами, благодарила

и цѣловала своего мужа: «Ты меня всѣмъ избалуешь, другъ мой!» говорила она. «Вотъ посмотри, ежели я не начну дѣлать такихъ-же фарсовъ, какъ Любинька!» прибавила онъ, съ усмѣшкою. — Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ можно бояться этого — отвѣчалъ Пронскій. — Ты такъ на нее во всемъ похожа! — Они рассказали Свѣяжской и Княгинѣ Фольгиной проказы Любиньки, произведенныя ею при нихъ.

По возвращеніи въ Петровское, была новая сцена у Софьи съ мачихою Пронскаго. Въ восхищеніи цѣловала ее Пронская, крестила, называла Ангеломъ, ниспосланнымъ съ небесъ на радость и утѣшеніе ея. Добрая старушка не могла безъ восторга вообразить, что Николушка ея, котораго она сама носила на рукахъ, будетъ отцомъ! Мать Софьи также со слезами радости узнала о ея состояніи. Она положила себѣ обѣтъ — всякой день, въ продолженіе ея беремен-

ности, класть по 50-ти земныхъ покло-
новъ, а послѣ родовъ Софьи ѣхать мо-
литься въ Ростовъ, Угоднику Божию
Дмитрію Ростовскому, тѣмъ болѣе, что
предложено было, ежели Софья родить
сына, дать ему имя: *Дмитрій*, въ честь
отца Пронскаго; при томъ-же это имя
было фамильное въ родѣ Пронскихъ.

ГЛАВА VII.

Eclairer les hommes, c'est beaucoup; mais on
fait encore plus,

Lorsqu'on fait aimer et régner les vertus.

ДЖЕЛЛО.

Просвѣщать людей — важное дѣло; но еще
болѣе заставить ихъ повиноваться добродѣ-
тели и любить ее...

ДЖИЛЛ.

Осень и зима прошли почти непри-
мѣтно. Многочисленное семейство, состав-
ленное изъ добрыхъ людей, которые всѣ
безъ памяти любили хозяина и хозяйку,
не видало, какъ мчалось время. Елиса-
вета, съ мужемъ своимъ и съ дочерью,

узнавъ о беременности Софьи, тотчасъ пріѣхала провѣдать *благодѣтелей своихъ*: такъ она и мужъ ея называли, въ глаза, Пронскихъ. Они пробыли очень долго. Пріятно было смотрѣть на нихъ, какъ они перемѣнились, были внимательны, снисходительны, и какъ старались угождать другъ другу. Старая Холмская, цѣлуя Елисавету, со слезами благодарила Бога, что наконецъ видитъ ее счастливою. «А всѣмъ этимъ обязана я Ангеламъ, здѣшнимъ хозяевамъ,» отвѣчала Елисавета. «Самъ Богъ можетъ только заплатить имъ за все, что они для меня сдѣлали!» Свѣтланина, съ мужемъ и дѣтьми, также пріѣхала погостить къ Пронскимъ. Послѣ перваго, неудачнаго опыта, она не возобновляла уже никакикъ *штукъ* противъ Софьи. Впрочемъ, она была умная, образованная женщина; бесѣда съ нею была очень пріятна, и узнавъ покороче Софью, она сама отъ души любила ее.

Пріѣзжалъ на короткое время и Алексѣй, съ своею женою; но она скоро всѣмъ надоѣла, и ей самой было скучно. Она опять была беременна; съ нею опять, по прежнему, часто дѣлались дурноты—она падала въ обморокъ, рисуясь и сохраняя привлекательныя *attitudes*; но мужъ ея не былъ уже такъ милъ и заботливъ въ эту беременность, какъ въ первый разъ. У него былъ уже наследникъ, слѣдовательно, была надежда *пересчитать* милліонъ послѣ смерти Фамусовыхъ. Изъ чего-же ему много хлопотать теперь? *Интересные* рассказы Любиньки, о припадкахъ беременности ея, о странномъ вкусѣ, то къ той, то къ другой пищѣ, и о прочихъ ея *фантазіяхъ*, весьма мало интересовали. Всѣ слушали ее безъ вниманія, и она вскорѣ отправилась въ родительскій домъ, обработывать свою милую меменьку.

Пребываніе Любиньки тѣмъ болѣе всѣмъ надоѣло, что она нарушала обыкновен-

ный образъ жизни въ Петровскомъ. По слабости нервъ, не могла она слышать музыки; бѣганье и игра дѣтей ее беспокоили; курить трубки, до которыхъ Свѣтланинъ и Пронкій были большіе охотники, при ней не позволялось — надлежало уходить въ дальнія комнаты, чтобы табачный запахъ не достигалъ до деликатнаго носа этой милой причудницы. Всѣ чрезвычайно были рады, когда Любинька уѣхала, и все пошло прежнимъ порядкомъ.

Увтромъ собирались всѣ вмѣстѣ пить чай; потомъ всякій занимался, чѣмъ хотѣлъ. Мужчины, или уходили въ свои комнаты читать или отправлялись гулять и осматривать хозяйство. Въ Петровскомъ была большая суконная фабрика, и всѣ нужныя къ ней машины и заведенія; много было кой-чего посмотреть. Свѣтланинъ имѣлъ самъ такую-же фабрику, и былъ опытенъ по этой части; при томъ-же долго путешествовалъ онъ въ чу-

жихъ краяхъ, и обозрѣвалъ лучшія тамошнія заведенія. Онъ совѣтовалъ Пронскому иное перемѣнить, другое улучшить; дѣлали всему этому опыты, и время шло нечувствительно. Князю Рамирскому особенно былъ занимателенъ разговоръ съ Свѣтланинымъ. У него было множество дворовыхъ людей, которыхъ онъ кормилъ даромъ; ему давно хотѣлось употребить ихъ на какое нибудь полезное заведеніе, и тѣмъ болѣе съ тѣхъ поръ, какъ винокуренный заводъ его, по малымъ поставкамъ вина, сталъ давать доходу годъ отъ году менѣе.

Дарья Петровна Пронская, Княгиня Фольгина, Свѣтланина и Княгиня Рамирская, утромъ, послѣ чая, садились въ своихъ комнатахъ, за работы. Старая Холмская уходила къ себѣ молиться Богу, и не прежде обѣда возвращалась въ гостиную. Свѣяжская любила читать, и никто не мѣшалъ ей. Софья или занималась все утро хозяйствомъ, или была

у дѣтей въ классѣ; она вела дѣятельную жизнь, столь необходимую въ ея положеніи. Словомъ: всякій имѣлъ свободу дѣлать, что угодно, и заниматься, чѣмъ кому хотѣлось.

Для дѣтей, и по привычкѣ старой Холмской, обѣдали всегда рано; потомъ, кто хотѣлъ, ложился отдыхать, а для другихъ всегда, черезъ часъ, или два послѣ обѣда, стояло уже у крыльца нѣсколько саней, тройками. Княгиня Рамирская какъ-то сказала однажды, что она любить, когда звенятъ колокольчики; на другой-же день, у каждой тройки было по колокольчику. Ъздили желающіе, въ числѣ которыхъ, разумѣется, были всѣ дѣти, кататься верстъ пять, или шесть. Свѣтланина и Княгиня Фольгина, разговаривая между собою, сказали, что онѣ любятъ Русскія, ямскія пѣсни. Софья услышала ихъ разговоръ, и съ тѣхъ поръ, ежедневно, на двухъ, или трехъ особыхъ тройкахъ, садилось нѣсколько

кучеровъ и фабриканти. Они очень согласны пѣли: *Не одна-то одна во полѣ дороженька пролегала, или: Не бѣлы-то снѣга во чистомъ полѣ, и прочія, заунывныя пѣсни.* Только часто Княгиня Фольгина невольно плакала подъ эти пѣсни, вспоминая о своемъ положеніи; но она старалась скрывать слезы и находила въ нихъ облегченіе своей горести. Софѣ гулянье, на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ, было очень полезно, и подкрѣпляло ея здоровье; но мужъ никогда безъ себя не отпускалъ ее, садился самъ на облучкѣ, въ ея саняхъ, сдерживалъ лошадей въ ухабахъ, на раскатахъ всегда соскакивалъ съ облучка, и держалъ сани; а жена, видя такую пріятную для нея заботливость, пользовалась всякою возможностью, во время катанья, цѣловать его.

Съ раскраснѣвшимися отъ мороза щеками и съ свѣжею головою, возвращались съ катанья. Самоваръ ожидалъ уже

на столъ, въ залъ, и чай согрѣвалъ гулявшихъ. Вечеромъ, старушки, и изъ молодыхъ дамъ, кто хотѣлъ, садились въ вистъ, или въ мушку, по маленькой. Брани никогда за игрою не бывало, и часто все оканчивалось общимъ хохотомъ, потому что старая Пронская непременно, на смѣхъ, кого нибудь обсчитывала, или обманывала въ картахъ, и потомъ сама объявляла объ этомъ. Чаше всего доставалось отъ нея Пронскому; онъ былъ подставной, садился иногда играть за другихъ, не понималъ ни одной игры, безпрестанно ошибался, и маменька отъ всей души забавлялась надъ нимъ. «Да вѣдь вы сами виноваты» — говорилъ онъ. «Зачѣмъ вы меня остановили при первыхъ моихъ опытахъ въ картежной игрѣ? Я усовершенствовался-бы, и самъ обманывалъ васъ, еще почище, нежели вы меня теперь!»

Князь Рамирскій, съ Свѣтланинымъ играли каждый вечеръ въ шахматы; они

а были страстные охотники и больше мастера; иногда вечера два, или три, продолжалась у нихъ одна игра. Софья, Анисавета, Свѣтлана, Княгиня Фольна, или которая нибудь изъ гувернантокъ, играли для дѣтей на фортепiano. Дѣти отъ всей души танцевали Французскія кадрили, мазурки, вальсы, Русскія пляски. Во время отдыха отъ танцевъ, Софья придумывала и предлагала разные игры, для развитія понятія дѣтей: или отгадывать подъ музыку, что надобно дѣлать; или отыскивать спрячанные вещи, и проч. Натанцовавшись и напрыгавшись до сыта, дѣти ужинали рано, и спокойно засыпали. Всегда были они веселы, здоровы, и охотно учились, потому что видѣли желаніе тетиньки Софьи Васильевны, которую всѣ они страстно любили. Одно слово, одинъ строгій взглядъ ея, были уже для нихъ самымъ большимъ наказаніемъ.

Къ 6-му Декабря, дню именинъ Прон-

скаго, приготовила для него Софья разные дѣтскіе сюрпризы. Княгиня Фольгина и Свѣтланина, узнавъ о ея намѣреніи, просили употребить и ихъ дѣтей. День начался тѣмъ, что послѣ обѣдни и молебна въ церкви, во время которыхъ Софья возсылала сердечное моленіе и благодареніе къ Богу, за неизрѣченныя Его милости, по возвращеніи домой всѣ дѣти вошли въ одно время въ гостиную. Дѣвочки присѣли, а мальчики поклонились, и поочередно, какъ было напередъ назначено, подходя къ Пронскому, произнесли, сообразные съ лѣтами ихъ и положеніемъ cadaго, поздравительныя стихи, на Французскомъ и на Русскомъ языкахъ. Когда дошла очередь до бѣдныхъ сиротъ, дѣтей несчастной Катерины, какое-то общее чувство унынія распространилось между всѣми. Старшая дочь, Соничка, была настоящій портретъ покойной матери своей; она, не по лѣтамъ, была необыкновенно умна, смышлена, чув-

свительна, и начинала уже понимать, что у нея нѣтъ ни отца, ни матери, и что всѣмъ обязана она благодѣтелямъ своимъ, дядѣ и теткѣ. Впрочемъ, и бабушка часто ей объ этомъ твердила, показавши, въ выученныхъ ею стихахъ: *Notre bienfaiteur, notre Ange tutélaire* (Благодѣтель нашъ, ангелъ хранитель), она не могла говорить болѣе, зарыдала, и бросилась цѣловать руки Пронскаго. Онъ самъ заплакалъ, схватилъ ее въ свои объятія, и началъ цѣловать; потомъ взяла ее бабушка, и также заплакала. Никто не могъ быть равнодушнымъ при этой сценѣ. Но развеселила всѣхъ маленькая Наташа, дочь Елисаветы. Она только что начала немного лепетать; очень долго учила ее Елисавета, и предполагала большое для себя удовольствіе, когда дочь ея, при всѣхъ, скажетъ: *Je vous félicite et je vous aime, mon oncle, bienfaiteur de mes parens* (Поздравляю, и люблю васъ, дядинька, благодѣтель мо-

ихъ родителей); но никакъ не могла добиться Елисавета, чтобы дочь ея запомнила слова. Не имѣя успѣха, рѣшилась она, по крайней мѣрѣ, разсмѣшить; сзавди всѣхъ дѣтей, принесла Наташу, на рукахъ, въ гостиную. «Послушайте, послушайте, какую рѣчь произнесетъ моя дочь!» сказала она — «вы удивитесь.» Всѣ собрались кругомъ ея, бабушка встала съ своего мѣста; въ особенности-же дѣти ожидали съ нетерпѣніемъ, что Наташа будетъ говорить. «Ну, скажи-же, Наташа, чему я тебя научила,» напредила ей Елисавета, и шепнула на ухо. Малютка протянута къ Пронскому ручонки, и сказала, что говорила ему всякій день: *Bon jour, mon oncle* (здравствуйте, дядинька!). Всѣ захохотали, и болѣе всѣхъ дѣти, ожидавшія, по словамъ Елисаветы, что и Наташа будетъ говорить стихи, какъ они. Это распространило общую веселость; дѣти передражничали ее, рассказывали другъ другу, какъ говорила

Наташа, и помирали со смѣху. «Неправда-ли, маменька,» сказала Елисавета, передавая малютку свою на ея руки, «что у васъ внучка очень смыслена, и большая затѣйница?» Между тѣмъ взяла она своего мужа за руку, и вмѣстѣ съ нимъ, подошла къ Пронскому. «Мы хотѣли, чтобы Наташа объяснила, что мы чувствуемъ» — сказала Елисавета — «и что мы постараемся внушить ей, когда она вырастетъ, то, что ты истинный благодѣтель ея родителей!» Пронскій расцѣловалъ ихъ обоихъ, и отвѣчалъ, что они слишкомъ много даютъ ему цѣны, что ему не стоило почти никакого труда объяснить имъ и показать въ настоящемъ видѣ все дѣло, то есть, что они оба добры, оба взаимно другъ друга всегда любили, и что все было, такъ сказать, одно недоразумѣніе между ними. «Впрочемъ,» прибавилъ Пронскій, «ежели-бы я и въ самомъ дѣлѣ что нибудь успѣлъ сдѣлать для васъ, то уже слишкомъ вознаграж-

день, видя ваше согласіе!» — Да, ежели-бы и въ прежнее время нашего супружества мы пріѣхали къ вамъ и прожили у васъ, какъ теперь — отвѣчала Елисавета — то примѣръ вашъ сильно-бы по-дѣйствовалъ на насъ, и мы возврати-лись-бы домой съ истиннымъ желаніемъ подражать вамъ и быть также счастли-выми. — «Точно, справедливо,» сказалъ Князь Рамирскій; — «всякій добрый, бла-гомыслящій человѣкъ, уже однимъ при-мѣромъ своимъ, способствуетъ общему благу. А у васъ съ Софьею Васильевною есть и кромѣ того чему поучиться. Я чрезвычайно радъ, что пріѣхалъ сюда. Дастъ Богъ, и мы съ тобою, милая Ли-занька, заживемъ такъ-же, какъ они,» прибавилъ Князь Рамирскій, цѣлуя свою жену. — Авось, Богъ поможетъ истинно-му, душевному желанію моему походить, хотя немного, на сестру Соничку — от-вѣчала Елисавета.

Послѣ того Священникъ, съ приче-

томъ, пришли поздравить именинника, и пропѣли многая лѣта Болярину Николаю, и супругъ его, Боляринъ Софій. «Черезъ годъ, въ это время, авось Богъ дастъ, прибавятъ къ этому: и съ чадомъ ихъ!» сказала потихоньку Софья мужу своему. «Ты не можешь вообразить, какъ я была счастлива, уча дѣтей говорить тебѣ поздравленія, и думая, что черезъ нѣсколько лѣтъ я также буду учить.... Кого: дочь или сына?» прибавила она, съ улыбкою. — Ахъ, нѣтъ! пожалуста сына, сына! — отвѣчалъ Пронскій. «Ну, хорошо, хорошо! Стало быть: нашего Митиньку? Мнѣ представилось уже, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на тебя, подходитъ къ тебѣ, шаркаетъ ноженкою, и говоритъ поздравленіе.» — А я цѣлую его и тебя! — прибавилъ Пронскій, обнимая ее и отирая глаза.

Въ это время доложили имъ, что дворовые люди, фабриканты и крестьяне, собрались поздравить ихъ, въ лакейской

и въ сѣняхъ. Пронскій вышелъ къ нимъ. «Благодарствуйте, благодарствуйте, братцы, за поздравленіе ваше! Выкушайте винца. Я хотѣлъ было поподчивать васъ, какъ должно, но теперь зимняя пора; многіе изъ васъ въ отлучкахъ. Въ день моего рожденія весною, милости просимъ; тогда мы и поѣдимъ и выпьемъ съ вами!» — Много довольны твоею милостию — говорили ему старики крестьяне. — Да, покажи намъ молодую твою *Енаральшу*! — вскричалъ одинъ пожилой мужичекъ, выпивъ большой стаканъ. — Я ее, матушку нашу, еще не видалъ; ѣздилъ въ это время съ рядою, въ *Одесту* (Одессу), а она безъ меня вылечила старуху мою. Позволь ей, матушкѣ нашей, сказать: *спасибо*, за милость ея! — «Изволь, изволь» — отвѣчалъ Пронскій, и велѣлъ слугѣ позвать Софью. — Ну, вотъ тебѣ, пріятель, *моя Генеральша*!» — А! такъ, вотъ она! — И всѣ дворовые и крестьяне поклонились ей. «Благо-

дарствуйте, благодарствуйте, любезные друзья," сказала Софья, «за то, что пришли насъ поздравить.» — А вамъ, кормильцы, спасибо за вашу ласку! — отвѣчали имъ всѣ, съ новыми поклонами. — Благодарствуй, матушка, что вылечила мою старуху — прибавилъ крестьянинъ, вызвавшій Софью. — Она денно и нощно молить за тебя Богу! — Экая здоровая, экая добрая и ласковая! — говорили между собою крестьяне, расходясь по домамъ. — Ну, малой! Настоящая Енаральша! — прибавляли другіе.

«Пойдемъ теперь, мой другъ, по моему департаменту," сказала Софья. «Въ двѣвчѣй собрался здѣшній прекрасный полъ; онѣ хотятъ также тебя поздравить. Сверхъ того, прѣехала моя кормилица, изъ дальней деревни, которая досталась брату Алексѣю, и она очень хочетъ тебя видѣть.» — Пойдемъ, пойдемъ — отвѣчалъ Пронскій. — Да, чѣмъ же ты будешь ихъ подчивать? Неужели

также простымъ виномъ? — «Иныя, пожалуй, не откажутся; но я знаю приличія, и у меня приготовлено для нихъ виноградное, Сантуринское. Пожалуста замѣть, какъ иныя будутъ морщиться, отказываться, и какъ будто насильно пить — а онѣ-то и настоящія пьяницы!» прибавила, со смѣхомъ, Софья. Въ дѣвицей именно все то происходило, что она предсказывала. Кормилица ея была въ восторгъ отъ Пронскаго; особенно-же, когда онъ, вынувъ изъ книжника 50 рублей, подарилъ ей. «Экого ангела, экого красавца да притомъ-же еще и *Ендарала*, Богъ тебѣ послалъ!» говорила она Софья. «Не даромъ ты была богомольна: вымолила ты себѣ муженька!»

Къ обѣду собралось много сосѣдей, съ женами и съ дѣтьми. За столомъ не подавали ужаснаго осетра, музыка не играла, пѣвчіе не пѣли: *Прославимъ, прославимъ*; немного было и блюдъ, но все было вкусно, сытно и хорошо. Вина не пода-

вали по различію, кому лучшаго, кому похуже—всѣмъ было одинаковое угощеніе, и всѣ были довольны ласкою и вниманіемъ добрыхъ хозяевъ. Въ то время, когда пили за здоровье именинника, опять растрогали всѣхъ малютки, сироты Аглаева. Софья, вставъ изъ-за стола, подошла съ ними къ мужу своему поздравлять его. Она выучила было Соничку еще сказать ему нѣсколько привѣтствій; но Пронскій, вспомнивъ утреннюю сцену, не могъ равнодушно слушать ее, не далъ докончить, схватилъ опять на руки и съ чувствомъ цѣловалъ ее. Потомъ, вмѣстѣ съ женою, подошелъ онъ благодарить старушекъ своихъ, за ихъ поздравленіе. «Думала-ли я, годъ тому назадъ,» сказала Пронская, отирая свои слезы, «что здѣсь, въ Петровскомъ, буду я такъ счастлива, увижу моего Николушку женатаго на такомъ ангелѣ, и буду сидѣть въ день его именинъ за большимъ столомъ, съ такимъ множествомъ добрыхъ и милыхъ мнѣ лю-

дей? А всѣмъ этимъ мы тебѣ обязаны!»— прибавила Пронская, обращаясь къ Свѣ-
яжской, сидѣвшей подлѣ нея, и пожавъ
съ чувствомъ у нея руку.

Тотчасъ послѣ обѣда, Софья отпра-
вилась съ дѣтьми въ нижній этажъ, гдѣ,
потихоньку отъ мужа, уже давно многое
готовилось. Пронскій догадывался, но по-
казывалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.
Онъ пригласилъ мужчинъ, кто любитъ
курить трубку, къ себѣ въ кабинетъ.
Дамы, иныя сѣли играть въ карты, другія
разговаривали между собою о хозяйствѣ
и о дѣлахъ своихъ; не было никакого
злорѣчія и насмѣшекъ другъ надъ дру-
гомъ, потому что ни хозяинъ, ни хозяй-
ка, не подавали сами никакого повода къ
этому. При томъ-же, обыкновенно, всякій
гость соображается съ манеромъ и то-
номъ, господствующими въ томъ домѣ,
куда онъ приглашенъ. Разумѣется, что въ
числѣ гостей были нѣкоторые, не очень
дружно жившіе между собою, отдалялись

и не разговаривали другъ съ другомъ, но, по крайней мѣрѣ, соблюдена была ими вся въжливая наружность.

Въ 5-ть часовъ всѣхъ пригласили внизъ.

Въ большой комнатѣ, гдѣ была дѣтская классная, готовились сюрпризы. Началось тѣмъ, что жена и всѣ дамы, родныя Пронскаго, поднесли ему подарки своей работы: одна бисерный чубукъ, другая кошелекъ, и проч. Даже сами старушки хлопотали и трудились для него втайнѣ: Пронская связала и подарила пасынку шерстяную фуфайку; Свѣжская шейный платокъ, изъ разноцвѣтнаго гаруса; старая Холмская козы перчатки. Пронскій былъ тронутъ до глубины души такимъ вниманіемъ; онъ съ благодарностію цѣловалъ руки всѣхъ. Потомъ дѣти поднесли ему, чисто и хорошо написанные ими стихи, говоренные каждымъ изъ нихъ поутру. Нѣкоторые представили рисунки своей работы, тайно отъ него (и, вѣроятно, съ пособіемъ учителя) приготовлен-

ные. Другіе играли довольно пріятно на фортепіано. Но всего болѣе утѣшилъ и отличился племянникъ Пронскаго, 12-ти лѣтній сынъ Свѣтланиныхъ. У него была необыкновенная способность къ музыкѣ; онъ прелестно сыгралъ трудный концертъ Шпора, особенно-же *адажіо* всѣхъ тронуло. Всѣ хвалили его, и можно вообразить, въ какомъ восторгѣ были отецъ и мать его! Потомъ начались опыты въ декламации. Театра устроить Софья не хотѣла, первое потому, что она не нашла, кромѣ нѣкоторыхъ пьесъ сочиненія Жанлисъ, рѣшительно ни одной хорошей дѣтской комедіи, принаровленной къ понятіямъ дѣтей и сообразной съ ихъ лѣтами. При томъ-же, всѣхъ дѣтей употребить было невозможно; слѣдовательно, могла-бы возродиться между ими нѣкоторая зависть; самолюбіе маменекъ могло-бы также оскорбиться, почему ихъ дѣти не избраны, или почему даны имъ роли хуже и не столь интересныя, какъ

другимъ. Ей также, по многимъ опытамъ, извѣстно было, что растолкованіе каждому роли его весьма затруднительно, и однѣ только репетиціи и слаживаніе пьесы занимають много времени, пріучають дѣтей къ разсѣянію, отвлекають ихъ отъ ученія, такъ, что послѣ того очень трудно бываетъ поставить ихъ въ прежнее положеніе. Вообще, думала она, всѣ дѣтскіе спектакли похожи, просто, на кукольныя комедіи: восхищаются ими только родители, взирающіе, съ свойственною имъ снисходительностію, на юныя дарованія чадъ своихъ, а постороннимъ, хладнокровнымъ зрителямъ, спектакли эти несносно скучны, да и въ дѣтей вселяють они суетность и тщеславіе. «На что обращать вниманіе ихъ,» думала Софья,» на игранье чужихъ ролей, когда вся обязанность родителей—стараться внушить въ нихъ охоту представлять, какъ можно лучше, собственную свою ролю, на поприщѣ предстоящей имъ жизни? Напро-

тивъ того, вытверживаніе наизустъ лучшихъ стиховъ великихъ поэтовъ и правильное произношеніе изощряетъ память ребенка, открываетъ ему, нѣкоторымъ образомъ, даръ слова и способность изъясняться, и — самое главное — оставляетъ въ сердцѣ его хотя нѣсколько высокихъ чувствъ и безсмертныхъ мыслей поэта.»

Слѣдуя этому мнѣнію своему, Софья все устроила, и сама, въ видѣ суфлёра, стала съ тетрадью, чтобы подсказывать тому, кто забудетъ. Всѣ сѣли по мѣстамъ. Выступила первая на сцену крестница ея, Соничка, одѣтая пастушкою, и произнесла, очень хорошо, оду Державина: *Богъ*. Потомъ братъ ея, Фединька, въ одеждѣ генія, сказалъ нѣсколько строфъ изъ оды Ломоносова: *Царей и царствъ земныхъ отрада!* За нимъ, очень мило, меньшей ихъ братъ, Петруша, въ Русской рубашечкѣ, обстриженный въ кружокъ, прочиталъ басню Крылова: *Попрыгунья стрекоза*. Но всѣхъ восхитилъ и

заслужилъ общую похвалу, сынъ Кня-
 зини Фольгиной, прекрасный собою,
 стройный мальчикъ, представшій въ ко-
 стюмъ Фингала. Онъ, вмѣстѣ съ се-
 трою, одѣтою въ костюмъ Моины, от-
 личио хорошо сыгралъ цѣлую сцену изъ
 трагедіи Озерова. Мать, смотря на не-
 го, плакала, только не отъ радости, а
 отъ горестию вспоминая, что отецъ его
 такой-же чудесный актеръ. Она боялась,
 чтобы со временемъ не былъ сынъ ея во
 всемъ похожъ на отца. Свѣяжская отга-
 дала причину слезъ ея, съ состраданіемъ
 на нее поглядѣла, но не сказала ни сло-
 ва, чтобы еще болѣе не разстроить ее
 разговоромъ о такомъ тягостномъ пред-
 метѣ. Дѣти Свѣтланиныхъ, также въ ко-
 стюмахъ, говорили нѣкоторые монологи,
 по-французски, изъ трагедій Расина Эс-
 биръ и Говелія. Словомъ: всѣ дѣти чи-
 тали стихи, никто не былъ обиженъ, ни
 чье самолюбіе не было оскорблено, и
 никто другъ другу не завидовалъ. Въ

заключеніе спектакля, чтобы послѣ важнаго развеселить зрителей, сама Софья, по желанію мужа, съѣла за фортепіано, и пропѣла нѣсколько любимыхъ его куплетовъ, изъ водевилей, слова Князя Шаховскаго, Хмѣльницкаго и Писарева, съ прелестною музыкою Верстовскаго и Алябьева. Наконецъ, по общей просьбѣ, спѣла Софья нѣсколько Русскихъ пѣсень. Всѣ были въ восхищеніи, потому что кромѣ необыкновенно пріятной мелодіи этихъ пѣсень, у насъ, въ деревняхъ, еще многіе любятъ національное Русское пѣніе. Старая Пронская, не умѣя и не хотѣя удерживать душевнаго движенія, бросилась цѣловать Софью, называя ее ангеломъ. Всѣ были довольны, и говорили, что никакой дѣтскій спектакль не могъ бы принести подобнаго удовольствія. Въ 7 часовъ кончился сюрпризъ; но готовилось еще новое, въ большой залѣ, въверху, которая была вся иллюминирована разноцвѣтными шкаликами; по срединѣ,

на стѣнѣ, горѣль вензель Пронскаго, украшенный цвѣтами. Между тѣмъ, пока еще въ залѣ все приготавлилось, просидѣли всѣхъ въ гостиную пить чай.

«Какова моя Соничка?» сказала старая Пронская Свѣяжской, идя вмѣстѣ съ нею по лѣстницѣ. — «Настоящая колдунья! Какъ все хорошо она уладила!» — А посмотри, какъ миль будетъ дѣтскій маскерадъ и разныя кадрили въ большой залѣ! — отвѣчала Свѣяжская. — «Послушай, Прасковья Васильевна: давай мы сами, съ тобою вдвоемъ, сдѣлаемъ сюрпризъ этой колдуньѣ!» — сказала Пронская, довольная и въ душѣ своей счастливая, бывъ при томъ увлечена веселымъ своимъ характеромъ. «Только ты не согласишься! Ты слишкомъ умна, слишкомъ разсудительна, то есть, просто, глупа, моя мать!» — Да, что такое? — отвѣчила Свѣяжская, помирая со смѣха. — «Нѣтъ, ты слишкомъ глупа: все у тебя ходи по ниточкѣ; все у тебя размѣряно циркулемъ!

А по моему, ежели веселиться, такъ веселиться; ты-же все умничаешь, вездѣ у тебя приличія, то есть, просто—ты набитая дура!»—Да скажи, пожалуйста: за что ты мнѣ говоришь такія нѣжности, и чего ты отъ меня требуешь? — спросила Свіяжская, продолжая хохотать отъ всего сердца. Въ это время подошла къ нимъ Софья, и, цѣлуя руки у свекрови своей, спрашивала, о чемъ онѣ смѣются. «Поди, поди, матушка! не твое дѣло. Хоть ты и колдунья, а не отгадаешь, за что я сей часъ разбранила вотъ эту дуру, твою тетушку.» Софья отъ души стала смѣяться съ ними. Въ это время ее позвали, и она занялась гостями, изъ которыхъ нѣкоторые собирались ѣхать домой.—Да, чего-же тебѣ, умницѣ, отъ меня дуры хочется? — продолжала Свіяжская. «Да, ты не согласишься!»—Ну! право, соглашусь; скажи только.—«Дашь-ли ты честное слово?»—Даю.—«Ежели такъ, то пойдемъ поскорѣе, въ мою комна-

ту.» — Пронская схватила Свіяжскую за руку, и скорыми шагами пошли онѣ изъ гостиной, «Эй, Василиса! Василиса!» кричала Пронская, войдя въ свою комнату. «Гдѣ эта старая дура? Въкѣ ея нѣтъ, когда надобно! — Чего, матушка, заглазѣлась? гдѣ ты была?» — Въ залѣ, сударыня; смотрѣла, какъ тамъ хорошо все освѣщено. — «Еще успѣешь наглядѣться. Въдѣ у тебя ключъ отъ кладовой?» — У меня-съ. — «А ключъ отъ сундука, гдѣ лежатъ старинныя театральныя платья?» — Также у меня. — «Ну, сей часъ, возьми фонарь, ступай туда, вынь, какой тебѣ первый попадется, мужской сюртукъ, парикъ, трехъугольную шляпу и старинный робронъ, съ фижмами, и принеси все это сюда. Да, смотри, ходи скорѣе, а то, въдѣ у тебя вотъ какіе крошечные шаги, по вершочку!» — прибавила Пронская, передражнивая, какъ она ходитъ, Свіяжская, и сама Василиса, хохотали, смотря на нсе. «И она-же, старая дура,

смѣется! Развѣ я неправду говорю? Ну, ступай-же, ступай, и мигомъ назадъ! — Вотъ видишь, г-жа умница — дурою я тебя не стану уже называть, потому что ты очень мила—вотъ, что я вздумала — продолжала Пронская, обращаясь къ Свѣяжской.—Я надѣну старинный мужской сюртукъ, а ты одѣнься старинною дамою; мы явимся, въ залу, и протанцуемъ менуэтъ. Какъ удивится Софья!... Особенно-же, отъ тебя она никакъ не ожидаетъ такихъ проказъ! — Прекрасно, прекрасно!—отвѣчала Свѣяжская, продолжая хохотать — авось я вспомню нѣсколько старинныхъ па менуэтныхъ! Да, послушай, голубушка, кто-жъ намъ сыграетъ? Въдѣ безъ музыки не лзя. Надобно еще кого нибудь пригласить въ нашъ заговоръ. — «Въ самомъ дѣлѣ! Да, чего-же лучше? Николушку! Ему жена дѣлала сюрпризы, онъ также долженъ сдѣлать сюрпризъ для нея. Эй, Маша! позови сюда Николушку! Постой, позови сюда еще

кого нибудь. Да ходите попроворнѣе — съ мѣста ни одна не можетъ сдвинуться! Бѣги сей часъ въ кладовую: скажи Василисѣ, чтобы принесла еще старинный кафтанъ, парикъ и трехъ-угольную шляпу. Покойный батюшка жилъ открыто: у него былъ свой театръ, и всѣхъ этѣхъ глупостей осталось множество.» — Пронскій пришелъ, хохоталъ отъ всего сердца, и съ радостію согласился участвовать въ новомъ сюрпризѣ. Между тѣмъ изъ кладовой принесено было все, что надобно. Пронская спѣшила одѣваться, и отъ нетерпѣнія ворчала на Василису за ея мѣшкотность. «Ахъ! какъ ты мнѣ надоѣла своею неповоротливостію! Да отвяжись ты отъ меня — выдь, пожалуйста, за-мужъ — я тебѣ дамъ хорошее приданое. Николушка! поищи Василисѣ жениха.» — Да кто, сударыня, возьметъ меня? Развѣ отъ лихорадки, или, чтобы, вмѣсто чучелы, поставить на огородъ — отвѣчала Василиса, со смѣхомъ. «Ну, вѣдь я

тебѣ дамъ приданое. Какъ-же осмѣлится мужъ твой поставить тебя вмѣсто чучель?»—продолжала Пронская, смѣясь. — Всѣ хохотали, при мысли отдать старую, 60-ти-лѣтнюю Василису за-мужъ.

Туалетъ скоро былъ готовъ. Пронскій надѣлъ, сверхъ фрака, широкій Французскій кафтанъ; мачиха его, также сверхъ своего платья, надѣла какой-то старый бархатный сюртукъ. «Парики довольно гадки»—сказала она; — «но, такъ и быть! Сюрпризъ продолжится недолго; вся наша цѣль только заставить смѣяться!» За Свѣяжскою было больше всѣхъ хлопотъ. По небольшому ея росту и худобѣ, робронъ былъ слишкомъ длиненъ и широкъ; но, кое-какъ, все ушили на скорую руку. «Постойте, постойте!» — сказалъ Пронскій. — Менуэтъ, авось, я какъ нибудь спликаю; но, самое главное—у меня нѣтъ скрипки!»—Вотъ бѣда, въ самомъ дѣлѣ! Слона-то мы и не примѣтили—сказала, со смѣхомъ, Свѣяжская. — «Василиса! сей

часъ бѣги, достань намъ скорѣе скрип-
 ку!» — кричала Пронская, толкая ее въ
 дверь. «Того и гляжу, что Софья, осмо-
 трѣвъ, какъ одѣты дѣти, хватится насъ
 и придетъ сюда. Вотъ тебѣ и всѣ хло-
 поты наши даромъ пропадутъ!» — Всего-
 бы легче было Василисѣ взять скрипку
 у музыкантовъ, которые привезены были
 для маскарада отъ одного сосѣда, но ей
 это и въ голову не пришло. Она отпра-
 вилась прямо къ Васинькѣ Свѣтланину,
 который, во время сюрприза, игралъ
 концертъ. «Пожалуйте бабушкѣ вашу
 скрипку.» — Какую скрипку? на что ей? —
 отвѣчалъ Васинька, съ удивленіемъ. Онъ
 былъ уже одѣтъ по Тирольски, и гото-
 вился идти въ залу, танцовать, вмѣстѣ
 съ сестрою. «Да, пожалуйста, сударь, по-
 скорѣе!» повторила Василиса. «И дядинь-
 ка Николай Дмитріевичъ приказалъ.» Съ
 нѣкоторымъ неудовольствіемъ, Васинька
 понесъ самъ, въ комнату къ бабушкѣ,
 свою скрипку; но отворивъ дверь и уви-

дѣвъ старушекъ такимъ образомъ одѣтыхъ, захохоталъ во все горло и побѣжалъ въ залу объявить. Насилу успѣлъ Пронскій взять изъ рукъ его скрыпку. «Ахъ! что я видѣлъ!» кричалъ Васинька матери своей. Всѣ, въ особенности-же дѣти, обступили его, но онъ отъ смѣха ничего не могъ выговорить.

Въ слѣдъ за нимъ и уморительная кадрили вступила въ залу. Пронскій, во Французскомъ кафтанѣ, въ парикѣ, со скрыпкою, шелъ впереди почтенныхъ старушекъ. Онъ хотѣли было становиться танцовать менуэтъ; но всѣ, и онъ сами, до такой степени расхохотались, что не до танцевъ было. «Ахъ! Боже мой! Да это Дарья Петровна?... Но кто-жъ другая? Неужели Прасковья Васильевна?» говорили всѣ, окруживъ гостей и смѣясь отъ души. «Это вы, милая, добрая маменька?» говорила Софья, цѣлуя ее и утирая свои слезы, катившіяся отъ смѣха и внутренняго удовольствія. «И вы, тетушка, и вы

рѣшились? Ну, ужъ это подлинно чудеснѣйшій сюрпризъ.» — Эта интригантка хотъ кого съ ногъ собьетъ — отвѣчала, со смѣхомъ, Свѣяжская. «А каковъ мойто? Посмотрите, посмотрите!» продолжала Софья, бросившись цѣловать своего мужа.—Ага! что взяла, госпожа колдунья?— сказала Пронская, снимая съ себя сюртукъ и парикъ, и надѣвая чепчикъ, который подала ей Василиса.—Я вѣдь тебѣ сказала, что не отгадаешь! Прасковѣ Васильевнѣ не лѣзя было не согласиться на мои проказы. Я такъ краснорѣчиво убѣждала ее, называя глупою и набиитою дуροю — прибавила она, цѣлуя Свѣяжскую. Всѣ долго хохотали; потомъ начались дѣтскіе, характерные танцы: по Русски, по Венгерски, по Тирольски, матлотъ, и проч. Среди этихъ танцевъ, вошли въ залу двѣ сгорбившіяся старушки, съ костылями. Софья и Свѣтланина успѣли, не бывъ никѣмъ замѣчены, переодѣться. «Кто это? Кто это?» кричали

дѣти, окруживши ихъ. Старушки обратили общее вниманіе; всѣ ихъ обступили. «А! да, это маменька! Это тетинька!» кричали дѣти, съ громкимъ смѣхомъ. Опять возобновился общій хохотъ. Примѣръ, поданный двумя почтенными старушками, первыми въ семействѣ, распространилъ общее веселье и охоту подражать имъ. Свѣтланинъ — человѣкъ уже пожилой и весьма серьезный — вдругъ явился въ старинномъ гусарскомъ мундирѣ, въ сапогахъ со шпорами, съ саблею, ташкою и въ киверѣ. Онъ невзначай подошелъ къ женѣ своей, и гремя шпорами, ударивъ саблю объ полъ, вскричалъ ей по Венгерски: *Кудри на главу, басама лельки!* Можно вообразить себѣ ея удивленіе и последовавшій потомъ общій смѣхъ! Даже и самъ Князь Рамирскій, по предварительному соглашенію съ женою своею, вошелъ вмѣстѣ съ нею. Онъ, одѣтый въ ямской кафтанъ, въ рукавицахъ и въ шапкѣ, а она въ бархатномъ сарафанѣ,

привезенномъ Софьею изъ Москвы, въ подарокъ кормилицѣ, бывшей у ея Наташи. Послѣ смѣха, который былъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ всякаго такого появленія, Свіяжская и Софья убѣждали Елисавету вспомнить старину — проплясать по Русски. Она, въ молодости своей, славилась необыкновеннымъ искусствомъ, и часто на балахъ, по общей просьбѣ, самъ отецъ заставлялъ ее. Елисавета была такъ счастлива, такъ довольна, что не колебалась ни на минуту исполнить общее желаніе. Оркестръ заигралъ: *Я по цвѣтикамъ ходила*, и она, съ большою пріятностію, проплясала, самую граціозную въ міръ, Русскую пляску. Дѣти, поощренные примѣромъ старшихъ, просили, чтобы и имъ позволено было также переодѣваться. Тогда началось истинное, чистосердечное веселье: они блаженствовали, безпрестанно переодѣвались, и думали, что никто ихъ не узнаетъ. Однакожъ всѣ боялись

наконецъ, чтобы Софья не слишкомъ утомилась. Въ 11-ть часовъ шумъ и маскарадъ кончились, но долго, долго вспоминали всѣ объ этомъ вечерѣ.

Общее удовольствіе и согласіе, сначала, не много-было нарушилось Свѣтланиною. Она всѣмъ надоѣла и задержала другихъ, своею излишнею и даже несносною разборчивостію и мѣлочнымъ вниманіемъ въ туалетъ маленькихъ своихъ дочерей, одѣвая ихъ въ маскарадные характерныя платья. То ей казалось не приколотъ бантикъ, то не такъ завязана была ленточка; иное надобно было распоротъ, другое подшить. Нѣсколько разъ заставляла она дочерей своихъ переменять башмаки, перчатки, ленты, пояса. Вдругъ думала, что такой-то цвѣтъ лучше къ лицу, потомъ что другой; у всѣхъ спрашивала она безпрестанно совѣта, и такъ наскучила, что Елисавета вышла изъ терпѣнія, и начала прямо говорить, что очень смѣшно, въ домѣ у родныхъ,

въ деревнѣ, простирать до такой степени вниманіе на подобный вздоръ, и что она чрезъ это дѣлаетъ вредъ самымъ дѣтямъ, пріучаетъ ихъ къ тщеславію и внушаетъ въ нихъ привязанность къ нарядамъ. Свѣтланиной не понравилась правоучительная выходка Елисаветы, и у нихъ открылась было весьма непріятная сцена между собою. Но Софья, кое-какъ, все уладила, и не дала слишкомъ усилиться перепалкѣ, хотя, внутренно, и соглашалась въ справедливости замѣчанія Елисаветы. Ей пришла на память любимая сентенція ея мужа, которую онъ часто повторялъ: *И умные люди бываютъ не безъ глупости!*

Время проходило такимъ образомъ нечувствительно. Не только мужъ, свекровь и мать заботились о томъ, чтобы угодить Софьѣ и успокоить ее, но и всѣ живущіе въ домѣ и пріѣзжавшіе къ ней, даже мадамы, гувернантки дѣтей, вообще старались доставить ей удовольствіе, и

предупреждали всѣ ея желанія. Съ душевною благодарностію видѣла она такое общее вниманіе, но не допускала себя успокоиться на лаврахъ, непрерывно наблюдала за собою, не позволяла себѣ никакихъ фантазій, и, къ общему удивленію, не имѣла никакого страннаго вкуса и привязанности къ какой нибудь вредной пищѣ. Сначала, нѣсколько дней, ей хотѣлось ѣсть все соленое и кислое; однакожъ и отъ этого постепенно отучила она себя. Впрочемъ, привязанность къ соленому и кислому, по замѣчанію опытныхъ женщинъ, предвѣщала, что она родить сына, и мужу ея было нѣсколько досадно, что вкусъ ея перемѣнился. Софья отнюдь не нѣжилась, дѣлала много движенія, и вообще вела себя, какъ должно умной и разсудительной женщинъ, пекущейся не только о собственномъ своемъ здоровьѣ, но и о будущемъ своемъ ребенкѣ, на котораго образъ жизни матери, во время ея беременности,

имѣеть сильное вліянія и отзывается весь
вѣкъ.

Часто въ продолженіе этого времени, Софья, бывъ въ полной мѣрѣ и во всѣхъ отношеніяхъ благополучна, видя любовь и привязанность къ себѣ мужа, родныхъ и всѣхъ окружавшихъ ее, бесѣдуя наединѣ съ Свѣяжскою, говорила, что она право сама не понимаетъ, за что ее всѣ такъ любятъ, и что это должно приписать ни чему другому, какъ только необыкновенному ея счастію. «Другъ мой! по блакости Провидѣнія, вообще всѣ люди, отъ Царя до пастуха, имѣютъ одинаковое право на счастіе; но оно даромъ не дается и безъ заслужъ не пріобрѣтается. Ты *трудилась* всю свою жизнь, и ежели тебѣ труды эти не казались тягостными, то ты на самой себѣ доказываешь всю истину божественныхъ словъ Спасителя нашего: *Иго мое благо и бремя мое легко есть*; ты доказываешь также на опытѣ, какъ сладко, какъ легко Творцу

повиноваться! Ты, другъ мой, старалась
весь вѣкъ ему повиноваться, и за то
пользуешься счастьемъ, на которое при-
обрѣла все право. Только помни еще
Его-же, Спасителя нашего, слова: *Бдите*
и молитесь, да не внидете въ напасть,
то есть: стремись постоянно къ одной
цѣли, и неутомимо трудитесь!» Такъ го-
ворила добрая Свѣяжская. Со слезами,
Софья поцѣловала руку ея, повторяя:
Точно, точно! *Иго мое благо и бремя мое*
легко есть!» Она внутренно поклялась
весь вѣкъ Ему повиноваться, и возврати-
лась въ дружеское общество своего се-
мейства еще веселѣе, еще милѣе.

ГЛАВА VII.

« Autour de toi lève les yeux,
« Heèreuse mère, et connaît ton empire,
« Et tu diras dans un tendre délire:
« Non, celles, qui n'ont pas goûté
« L'ivresse et les douceurs de la maternité,
« Ne concevront jamais, ce qu'on voudra dire.

Д У М О У С Т И В Р.

« . . . Обрати взоры на окружающее тебя,
и счастливая мать, узнай свое владычество, и
« ты, съ душевнымъ умиленіемъ: Нѣтъ! кто
« сама не испытала упоения и сладости быть
« матерью, никогда не пойметъ, что будутъ ей
« говорить объ этомъ.

Д Ю М У Т Ъ Е.

Но по мѣрѣ приближенія срока къ родамъ, Пронскій сталъ сильно беспокоиться. «Не лучше-ли, другъ мой, ѣхать намъ съ тобою родить въ Москву?» говорилъ

онъ Софья. «Тамъ, въ случаѣ, сохрани Богъ, какого нибудь несчастія — скорѣе найти можно пособіе. Я говорю: намъ, именно потому, что, можетъ быть, мнѣ еще тяжеле будетъ, чѣмъ тебѣ въ это время. У меня волосы становятся дыбомъ! Безъ ужаса не могу вообразить себѣ, что со мною будетъ!» — Милый другъ мой! — отвѣчала Софья. — Ты самъ знаешь, что для спокойствія твоего, я готова ѣхать, не только въ Москву, но хотя на край свѣта. Позволь мнѣ однакожъ сказать мое мнѣніе. Я чувствую себя, благодаря Бога, очень хорошо, и никакихъ необыкновенныхъ и непріятныхъ признаковъ несчастныхъ родовъ не предвижу. Сынишка твой молодецъ, хоть куда. Мы съ тобою, по милости Божіей, Христіане, а Богъ вездѣ! Въ здѣшнемъ уѣздѣ отличная, ученая бабушка; я слышала не только отъ Ѳедосьи Алексѣевны Бразильской, которая уже нѣсколько разъ съ нею рожала, но и отъ многихъ, что она

мастерица своего дѣла, и въ нѣсколькихъ несчастныхъ родахъ показала необыкновенное искусство. Притомъ-же она вселаго и добраго характера: ты это самъ знаешь; она уже нѣсколько разъ была у насъ. Впрочемъ — сохрани Богъ какого нибудь несчастія—Губернскій городъ отъ насъ близко; тамъ извѣстный Аккушеръ. А самое главное — ты самъ согласишься что душевное спокойствіе нужнѣе всего въ моемъ положеніи. Мнѣ здѣсь такъ хорошо, такъ весело, и, признаюсь, мнѣ тяжело было-бы разстаться съ почтенными нашими старушками. Я безпрестанно буду мучиться, думая объ нихъ, что онѣ обо мнѣ беспокоятся. Еще также весьма важный предметъ: зима приходитъ къ концу; дороги вездѣ испортились; ѣздѣ въ Москву можетъ сдѣлать мнѣ болѣе вреда, нежели пользы. Одинъ несчастный толчокъ можетъ имѣть послѣдствія на весь вѣкъ. Самъ все это сообрази и обдумай. Впрочемъ, еще тебѣ повторяю:

ежели ты хочешь, я сей часъ готова ѣхать.

«Ты говоришь правду,» отвѣчалъ Пронскій, подумавъ нѣсколько минутъ. «Мнѣ и самому жаль добрыхъ нашихъ старушекъ. Маменька изстрадается безъ тебя, а ей самой ѣхать съ вами, по теперешней дурной дорогѣ, вредно; она можетъ совсѣмъ разстроиться. Притомъ-же, въ самомъ дѣлѣ, теперь вездѣ большіе ухабы, въ особенности-же около Москвы всегда дурна дорога. И такъ, благословясь и поручивъ себя въ милость Божію, останемся здѣсь, прибавилъ Пронскій. — Я очень радъ, что ты имѣешь довѣренность къ здѣшней бабушкѣ. Я приговорю ее и заплачу все, что она захочетъ, только никуда не отпущу отъ себя. А Аккушера приглашу я для собственнаго моего успокоенія. Авось, дастъ Богъ, не будетъ въ немъ нужды; но должно заблаговременно принять всѣ мѣры предосторожности.

Зима прошла. Наступилъ Май мѣсяцъ, въ половинѣ котораго, по расчету Софьи, должно было ей родить. Бабушка, уже за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, всѣмъ къ ней переселилась. Аккушеръ также былъ приглашенъ. Всѣ въ Петровскомъ, со страхомъ, ожидали критической минуты. Но Софья, благодаря Бога, чувствовала себя хорошо, и сама успокоивала и развеселяла мужа своего. Рамирскіе и Свѣтланины уѣхали послѣ Новаго года домой, но обѣщались быть непременно къ родамъ Софьи.

Въ самый тотъ день, когда начала она чувствовать муки, пріѣхали Свѣтланины. По объявленію бабушки, что наступило рѣшительное время, Софья нисколько не смѣшалась, не потеряла присутствія духа, сама всѣмъ распорядилась, и, желая отдалить мужа, чтобы онъ не былъ свидѣтелемъ предстоящихъ ей страданій, вызвала она тайно Свѣтланину въ свою комнату, и объявля, что минута развязки

приближается, просила, чтобы она уговорила мужа своего увести Пронскаго на фабрику, и тамъ заговорить его, и удержать, какъ можно долѣе. «Добрый, милый братъ,» прибавила Софья, «пойметъ, что̀ это значить, и, вѣрно, сыграетъ свою ролю искусно, а меня облегчить чрезвычайно, тѣмъ, что я не увижу безпокойства моего мужа въ это время.» Свѣтланинъ отдалъ всю справедливость нѣжности и благоразумной предосторожности Софьи, и взялся исполнить ея желаніе.

Рѣшительно — никому въ домъ ничего не было извѣстно. Софья и Свѣтланина, которая была опытна, и имѣла притомъ твердость духа, заперлись въ спальнѣ, вмѣстѣ съ бабушкою. Аннушка призвана была для прислугъ. Впрочемъ, все нужное заблаговременно было приготовлено, по приказанію самой Софьи. Акушера посадили подлѣ спальни, въ ея кабинетъ. Муки были сильныя и труд-

ныя, какъ обыкновенно при первыхъ родахъ; но Софья мужественно все переносила, не произнесла ни одной жалобы, и, къ удивленію Свѣтланиной, ни разу не закричала. Часа черезъ два благополучно все окончилось. Здоровенькій, прекрасный мальчикъ, какъ двѣ капли воды похожій на отца, явился въ здѣшній міръ.... Радость Софьи, что желаніе мужа ея исполнилось, и что она родила сына, была столь велика, что Софья упала въ обморокъ, но Аккушеръ скоро привелъ ее въ чувство.

Первый крикъ ребенка услышали въ двѣвчей. Василиса вбѣжала въ гостиную, гдѣ всѣ сидѣли, и, ничего не подозрѣвая, преспокойно играли въ карты. «Что это, матушка Дарья Петровна,» сказала она своей барынѣ; — «ужь не поздравить-ли васъ съ чѣмъ нибудь? Какъ будто ребеночекъ кричитъ въ спальнѣ у молодой барыни Софьи Васильевны!» — Вотъ какой вздоръ! Все тебѣ чудится! Она не-

давно была здѣсь съ Варинькою, и вмѣстѣ съ нею пошли, кажется, къ дѣтямъ въ классную. — Но въ это самое время выбѣжала Свѣтланина въ гостиную. «Поздравляю васъ, маменька, со внукомъ Дмитріемъ Николаевичемъ!» — Какъ! — вскричала Пронская. И столъ, на которомъ играли, полетѣлъ къверху ногами, и карты, бывшія у нея въ рукахъ, попали прямо въ носъ старой Холмской. — Можно-ли? Соничка родила? — Въ нѣсколько секундъ была она у постели Софьи и со слезами цѣловала ея руки. Всѣ за нею послѣдовали. «Да, покажите-же мнѣ внука! Ахъ, Боже мой! Да гдѣ же Николушка?» — Онъ на фабрику — отвѣчала Свѣтланина — и пресерьёзно слушаетъ рассказы моего мужа. — «Да, пошлите-же къ нему!» И въ одно мгновеніе была уже она сама на дорогѣ къ фабрику. Но Аннушка выбѣжала прежде ея и бросилась туда-же. Еще отъ самаго крыльца начала она кричать: «Николай

Дмитріевичъ! Николай Дмитріевичъ!» Когда подбѣжала она ближе къ фабрикѣ, то голосъ ея услышалъ Управляющій и поспѣшилъ сообщить Пронскому, что Аннушка бѣжитъ, и что-то такое кричитъ во все горло. Онъ въ торопяхъ толкнулъ Свѣтлана, стоявшаго передъ нимъ, зацѣпилъ сюртукомъ за крючекъ у двери и оторвалъ всю полу, уронилъ свою шляпу, и выбѣжалъ на встрѣчу Аннушкѣ. «Поздравляю, поздравляю!»—кричала она, задыхаясь, и бросившись, со слезами, цѣловать его руки. «Богъ далъ вамъ сынка!» Пронскій, не слушая уже болѣе, при первомъ словѣ: *поздравляю*, обнялъ, расцѣловалъ ее, потомъ вырвался отъ нея такъ неосторожно, что она упала на землю, и стремглавъ побѣжалъ домой. На половинѣ дороги встрѣтилъ онъ мачиху свою, которая, со слезами, бросилась цѣловать и поздравлять его. Онъ былъ въ какомъ-то изступленіи, самъ себя не помнилъ, говорить ничего не могъ, вырвался изъ

ея объятій и побѣжалъ далѣе. Усердная Василиса и нѣсколько слугъ, которые слѣдовали за Пронскою, изъ дома, взяли ее подъ руки и повели назадъ, почти безъ чувствъ.

Въ гостиной, побѣжавъ уже къ спальнѣ, Пронскій опомнился, и подумалъ, что внезапное его появленіе можетъ быть вредно женѣ, при ея слабости; онъ остановился, и первое движеніе его было броситься передъ Образомъ на колѣни и со слезами благодарить Бога. Въ это время вышли къ нему Свѣяжская и Свѣтланина, поздравляли его отцомъ семейства, и звали къ женѣ, которая, слава Богу, чувствовала себя довольно хорошо, и уже давно ждетъ его. Потихоньку вошелъ онъ въ спальню.

«Это ты, другъ мой?» сказала слабымъ голосомъ Софья. «Поздравляю тебя!» Пронскій плакалъ, цѣловалъ ея руки, и ничего отъ радости говорить не могъ. Какъ я рада, что твое желаніе испол-

нилось: я родила тебѣ молодца! Говорятъ, онъ на тебя похожъ, какъ двѣ капли воды. Да, подайте его сюда; я еще сама не видала сынишка своего," прибавила Софья, по нѣкоторомъ отдохновеніи. — Потихе, и немного говори — напредила ей Свѣтланина. Въ это время старая Холмская, которая уже успѣла расцѣловать Софью, потомъ, вышедши въ другую комнату, упасть въ обморокъ, опомниться, и присутствовать при томъ, какъ ребенка мыли и пеленали, взяла его отъ бабушки и поднесла къ постелѣ Софьи. «Дайте, дайте мнѣ посмотреть на давно ожидааннаго гостя!» сказала Софья, взявъ его къ себѣ, и цѣлуя у матери своей руки. Улыбка радости сіяла на лицѣ Софьи, когда она увидѣла сына своего. — Посмотри, посмотри, мой другъ! твой носъ, твои губы! Глазенокъ его теперь еще не видать; но я вдвое больше буду любить его за то, что онъ такъ уменъ, и родился въ те-

бя!» Пронскій, стоя на колѣняхъ передъ кроватью жены своей, смотрѣлъ съ какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ душевнаго умиленія на нее и на сына своего. Въ это время вошла старая Пронская въ спальню, и громко закричала: «Да, дайте-же мнѣ посмотреть на моего внука!» Свѣяжская тотчасъ остановила ее, прося, чтобы она говорила тише. «Благодарствую, голубушка, что остерегла; я вѣкъ свой дѣлаю глупости....» — Милая, милая маменька! — сказала Софья — пожалуйста сюда, посмотрите, какой умный у насъ сынишка: какъ онъ похожъ на отца! — Пронская поцѣловала родильницу, перекрестила ее, и взявъ съ рукъ ея ребенка, съ восторгомъ смотрѣла на него, и такъ сильно начала цѣловать, что онъ закричалъ, и она, испугавшись, поспѣшила отдать его бабушкѣ. Между тѣмъ Аккушеру уже давно было непріятно, что родильница много говоритъ, и что у нея такъ много народу въ комна-

тѣ.» Сдѣлайте одолженіе, Софья Васильевна,» сказалъ онъ, «послушайтесь меня: поменьше говорите, и успокойтесь.» — Да мнѣ ничего, любезный Петръ Егоровичъ — отвѣчала она. — Я, слава Богу, хорошо себя чувствую; мнѣ такъ легко, такъ спокойно! — «Все это прекрасно,» продолжалъ Аккушеръ — «и обыкновенно такъ бываетъ послѣ счастливыхъ родовъ; только тутъ-то и надобно беречь себя, и быть осторожною. Сдѣлайте одолженіе, Милостивыя Государыни» — прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ — «дайте ей успокоиться.» — Всѣ потихоньку вышли, и отправились въ дѣтскую, въ слѣдъ за ребенкомъ. — Мнѣ, любезный Петръ Егоровичъ, позвольте остаться — сказалъ Пронскій. — Даю вамъ слово, что я не буду ничего говорить съ нею, и останусь только для прислугъ. — «Милый, милый другъ мой!» произнесла слабымъ голосомъ Софья. Она въ самомъ дѣлѣ очень ослабѣла, и вско-

рѣ крѣпко заснула. Пронскій, снявъ съ себя осторожно сапоги, вышелъ на цыпочкахъ изъ спальни, подтвердить, чтобы не дѣлали шуму, и ходили какъ можно тише. Но все уже напередъ было обдумано и приготовлено Аннушкою; вездѣ розостлала она ковры, петли въ дверяхъ смазала масломъ, чтобы не было скрыша, когда ихъ отворяютъ, и сама стояла на часахъ у спальни. Она первая попалась Пронскому, когда онъ вышелъ отъ жены. Онъ опять расцѣловалъ ее, и отдалъ ей всѣ деньги, бывшія у него въ карманѣ, рублей до двухъ сотъ. Потомъ, бывъ успокоенъ, что она не допуститъ никакого шуму и крику, возвратился потихоньку къ постелѣ жены своей, сѣлъ на стоявшія подлѣ креслы, и съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее. Блѣдность и какое то небесное спокойствіе, начертанныя на лицѣ Софьи, дѣлали ее еще прелестнѣе. Аннушка принесла ему сафьянные спальныя сапоги его, и, по сдѣлан-

ному имъ знаку, возвратилась по прежнему къ притину своему. Слезы радости текли изъ глазъ Пронскаго, и онъ, невольно упавъ опять на колѣни, молился, возсылая пламенные чувства благодарности къ Богу. Въ этомъ положеніи увидала его Софья, послѣ кратковременнаго отдохновенія. «Другъ мой! другъ мой!» сказала она, со слезами умиленія — «за что я такъ счастлива?» — Ты спрашиваешь у меня, за что ты счастлива, когда я по сту разъ въ день дѣлаю себѣ такіе-же вопросы! Но, пожалуйста, успокойся и усни. — Софья посмотрѣла на него съ радостною улыбкою, и перекрестилась. «О Боже милосердный! какъ и чѣмъ возблагодарить за неизрѣченныя Твои милости!» сказала она, и опять закрыла глаза.

Въ продолженіе этого времени, въ дѣтской была сцена другаго рода. Старая Пронская не отходила отъ своего внука. Она уже нѣсколько разъ твердила всѣмъ, что сходство его съ отцомъ, во

всѣхъ чертахъ, разительно. «Да, открой глазенки твои, глупенкій мальчишка!» говорила она. «Мнѣ-бы очень хотѣлось, чтобы у него были Соничкины прелестные глаза!» прибавила она. — И въ этомъ исполнилось твое желаніе — отвѣчала Свіяжская. — У него, именно, большіе чудесные глаза Софьи; я давеча съ удовольствіемъ это замѣтила. Но что-жъ ты имъ совсѣмъ завладѣла? Экая интересанка! — продолжала Свіяжская, со смѣхомъ. — Дай и намъ посмотрѣть на него; вѣдь онъ и намъ такой же внучекъ, какъ тебѣ!

Будто нарочно, въ это время вошла и Елисавета, съ мужемъ своимъ, въ дѣтскую. Еще въ деревнѣ, когда они подъѣзжали къ господскому дому, Прикащикъ остановилъ ихъ, съ поздравленіемъ, что Богъ далъ Ихъ Сіятельствамъ племянничка. Елисавета кричала послѣ того кучеру, чтобы онъ скакалъ во весь опоръ, и, выскочивъ у крильца изъ кареты, бѣжала прямо въ спальню къ Софѣ. На-

силу, уже у самыхъ дверей, остановила ее Аннушка, сказавъ, что сестрица започивала, и всѣ теперь въ дѣтской у новорожденнаго. Она, съ мужемъ своимъ, поспѣшила туда. Можно вообразить себѣ радость ея, взаимныя поздравленія, рассказы, сужденія о сходствѣ ребенка. Между тѣмъ, Дворецкій уже нѣсколько разъ приходилъ докладывать, что обѣдъ готовъ; никто его не слушалъ, и онъ велѣлъ отнести кушанье въ кухню. Въ 5-ть часовъ наконецъ вспомнили, что никто еще не обѣдалъ. Мы сказали, что благополучное разрѣшеніе Софьи было слѣдствіемъ разсудительности ея, и вниманія за собою, во время беременности. Послѣ родовъ она скоро оправилась; обыкновенной молочной лихорадки у нея не было, потому что она, съ согласія и одобренія мужа своего, сама стала кормить ребенка. Черезъ нѣсколько дней она могла уже вставать съ постели; но мужъ ея, по совѣту Аккушера, котораго слова считалъ онъ

вѣрнѣе оракула *Калхаса*, просилъ ее до девяти дней не вставать, и изрѣдка, на самое короткое время, позволялъ ей садиться на *Вольтеровскія* кресла, которыя перенесъ изъ своего кабинета, положивъ притомъ на нихъ множество мягкихъ подушекъ. *Софьѣ* было довольно скучно подобное положеніе, потому что она чувствовала себя совсѣмъ здоровою, но, въ угожденіе мужу, она исполнила его желаніе.

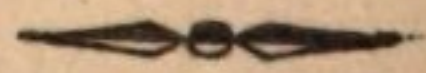
Черезъ девять дней было, такъ называемое, *размытіе рукъ*, то есть, подарки *Аккушеру* и бабушкѣ. Онъ и она такъ были довольны щедростью *Пронскаго*, мачихи его и *Свѣяжской*, что отъ души желали *Софьѣ* — какъ можно чаще родить. Послѣ того *Аккушеръ* уѣхалъ въ городъ, а бабушка осталась на крестины, которыя назначены были на другой день.

По желанію *Софьи*, приглашены были крестить: свекровь ея съ *Княземъ Рамирскимъ*, старая *Холмская* съ *Свѣтла-*

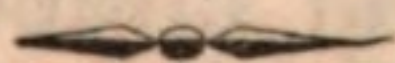
нинымъ, и Свіяжская съ братомъ Алексѣемъ, который, получивъ столь лестное приглашеніе отъ Его Превосходительства, Николая Дмитріевича, съ гордостію объявилъ объ этомъ тещѣ своей и женѣ, и въ тотъ-же день отправился въ Петровское. Софья была увѣрена, что избранныя ею крестныя матери будутъ любить и не оставятъ въ молитвахъ своихъ ея Митиньку.

Описаніе дальнѣйшихъ подробностей жизни счастливыхъ супруговъ было-бы бесполезно. Мы надѣемся, что слабыя черты характера, образа мыслей и поступковъ Софьи, представленныя нами, въ продолженіе всей ея жизни послужатъ вѣрнымъ и благонадежнымъ доказательствомъ, что она совершитъ благополучно поприще свое въ здѣшнемъ мірѣ, и не совратится со стези счастья и добродѣтели. Мы видѣли ее въ разныхъ состояніяхъ. Послушная и покорная дочь, добрая родная, вѣрный другъ, внимательная су-

пруга — она, вѣрно, будетъ нѣжная и попечительная мать. Мы видѣли обращеніе и искусство воспитанія Софьи съ другими дѣтьми, сиротами ея сестры. Добрый, почтенный мужъ ея умѣлъ отдать ей всю справедливость, и оцѣнить необыкновенныя душевныя свойства ея. Онъ понималъ ее, и былъ достоинъ ея въ полной мѣрѣ. Совершеннаго счастья существовать въ мірѣ не можетъ: чѣмъ нибудь и какъ нибудь бываетъ оно нарушено. Но мы, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣемъ право надѣяться, что Софья и мужъ ея достигнутъ возможнаго благополучія въ здѣшней жизни, и будутъ умѣть поддержать его.

ГЛАВА VIII.

The proper study of man is man,

Рорв.

Настоящая наука для человека — человекъ.

Попп.

Пора кончить. Разсказать все не достанетъ ни силы, ни терпѣнія, ни дарованія, ни времени. Мы представили нѣкоторыя черты; иные характеры обрисовали слегка, о другихъ только намѣкнули, и многіе оставили совсѣмъ безъ описанія, напримѣръ: характеръ вельможъ.

«Которые собою сами
 «Умѣли титла заслужить
 «Похвальными себѣ дѣлами,
 «Кого ни знатный родъ, ни санъ,
 «Ни счастье не украшали,
 «Но кои доблестью снискали
 «Себѣ почтеніе отъ гражданъ.

Сколько великаго, сколько утѣшительнаго для человѣчества представить такой характеръ! И, къ счастью, есть извѣстные и очень извѣстные намъ образцы, съ которыхъ можно-бы срисовать для подкрѣпленія благомыслящихъ, и въ доказательство имъ, что прямая дорота чести, труды на пользу общую, и постоянное, непоколебимое шествіе этою дорогою, гораздо ближе и благонадежнѣе приведутъ насъ къ настоящему предназначенію нашему въ здѣшней жизни.

Въ противоположность тому, характеръ, со всѣми оттѣнками, описанный въ слѣдующихъ стихахъ Державина:

«Осель останется осломъ,
 «Хотя осыпь его звѣздами:

«Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,

«Онъ только хлопаетъ ушами.

«О, тщетно счастія рука,

«Противъ естественнаго чина,

«Безумца рядить въ господина,

«Или въ шумиху дурака!

Сколько истинно комическаго въ такомъ характерѣ! Изобразить его надменную ничтожность, глупое самодовольство, смѣшную самоуувѣренность, что все онъ дѣлаетъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, или слѣпое счастіе или знатный родъ его поставили, когда, напротивъ, первый изъ окружающихъ его мошенниковъ (а при такихъ людяхъ всегда ихъ изобиліе), взявшій на себя трудъ водить его за носъ, безпрестанно посвящаетъ — или, просто, возвращаетъ его въ настоящую ролю — въ полновѣсные дураки! И въ образцахъ такого рода, къ несчастію, недостатка нѣтъ. Есть съ чего заимствовать многое! Васъ-ма-бы занимательно было описаніе такихъ характеровъ, въ то время, когда они сой-

дутъ со сцены и поступятъ въ званіе частныхъ людей.

Вообще, мы почти не коснулись сословія знатнаго и богатаго Дворянства. А какое обширное поле! Развратные, безнравственные, безпутные старики и старухи, вѣроломные супруги, беспечные родители, филантропки и раскольницы нашего времени, молящіяся по Католическимъ книгамъ, и имѣющія Аббатовъ отцами-наставниками, молодые, полу-выучившіеся люди, толкующіе о Философїи, Метафизикѣ, Статистикѣ, Юриспрюденціи, *Правахъ народовъ!* Весьма-бы любопытно было описать общество этихъ великихъ мудрецовъ, которые, за стаканомъ Шампанскаго, съ трубкою въ зубахъ и съ очками на глазахъ, то есть, со всѣми признаками глубокой учености, судятъ и рядятъ о своемъ отечествѣ, не видавъ его и ничего не зная объ немъ — *Петербургскіе* далѣе Царскаго Села, или Петергофа, а *Московскіе* далѣе Тверской заста-

вы, Воробьевыхъ горъ, Нескучнаго сада, или — много, много — далѣе подмосковной маменьки своей, верстахъ въ 20-ти.

Потомъ могъ-бы слѣдовать характеръ истиннаго героя, на полѣ бранномъ и въ судѣ, ибо по весьма справедливому мнѣнію Фонъ-Визина, «неустрашимость есть добродѣтель, слѣдовательно она принадлежитъ всѣмъ состояніямъ». И дѣйствительно, ежели разобрать съ безпристрастіемъ, то, можетъ быть, нелицепріятный, справедливый судья долженъ еще болѣе имѣть величія и твердости духа, нежели воинъ, подвизающійся противъ внѣшнихъ враговъ отечества. Подвиги воина явны, и вознаграждаются славою, почестями, общимъ хорошимъ мнѣніемъ, когда, на-противъ, безпристрастный судья, ратоборствующій противъ внутреннихъ, гораздо опаснѣйшихъ враговъ, долженъ непрерывно бороться съ коварными не-пріятелями, дѣйствующими противъ него тайно, въ непроницаемомъ мракѣ козней,

ухищреній и клеветы — а чѣмъ награждается?

Сколько любопытныхъ подробностей можетъ представить такой неустрашимый герой добродѣтели, имѣющій скромное и никому неизвѣстное возмездіе, за свое тягостное противоборство, въ глубинѣ возвышенной души своей и въ спокойной совѣсти! Что касается до неправедныхъ и пристрастныхъ судей, преклоняющихъ вѣсы Правосудія на сторону знатнаго, могущественнаго, а всего чаще богатаго, или для удовлетворенія какимъ либо другимъ постыднымъ страстямъ своимъ, то — бесполезны будутъ всѣ усилія вразумить ихъ! Сколько тяжелыхъ истинъ говорили и говорятъ имъ на сценѣ, въ журналахъ, въ книгахъ! Ихъ мѣдныя лбы отражаютъ всѣ пущенныя на нихъ стрѣлы! Никто изъ нихъ на свой счетъ ничего не принимаетъ!

«Про взятки Климычу читаютъ,

«А онъ, украдкою, киваетъ на Петра,

сказалъ — и какъ справедливо! И. А. Крыловъ. А *полу*? Вотъ отличительная черта нравовъ нашего вѣка! И, дѣйстви-тельно: сколько есть у насъ полу-геро-евъ, полу-ученыхъ, полу-Русскихъ, полу-невѣждъ, полу-подлецовъ? Характеры на поприщѣ службы, также въ частной, домашней жизни, открываютъ весьма много новаго и занимательнаго, для наблюда-тельныхъ взоровъ.

Еще какую обильною жатву предста-влять писателю съ дарованіемъ характеры и домашняя жизнь интригановъ, или *про-идохъ* — Придворныхъ, Министерскихъ, Губернскихъ, Уѣздныхъ, и даже деревен-скихъ! Потомъ *паразитовъ*, или, употребляя старинное Русское названіе, *прихлѣба-телей*, начиная также съ Придворныхъ, продолжая потомъ наблюденія свои въ чертогахъ вельможъ и знатнаго дворян-ства, и оканчивая въ смиренномъ, кры-томъ соломою домикѣ небогатаго помѣ-щика. Вездѣ они есть, вездѣ, подобно му-

хъ И. А. Крылова. Они пролѣзутъ, вездѣ равнымъ образомъ дѣйствуютъ, и у всѣхъ, съ нѣкоторыми, маловажными оттънками, у нихъ одинаковыя свойства душевныя. А *Купечество?* и проч. и проч. — Какое пространное поле! Есть гдѣ разгуляться воображенію! Есть надъ чѣмъ позабавиться! Мы ограничили себя, и удовольствовались, представивъ только нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, *Русскихъ Дворянъ*, большею частію средняго состоянія, въ городахъ и деревняхъ.

Теперь, оканчивая нашъ *опытъ*, можемъ мы, имѣя у себя въ рукахъ полныя записки (*Memoires*) семейства *Холмскихъ*, ежели угодно читателямъ, удовлетворить любопытство ихъ на счетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, о коихъ упомянули мы, сообщая собственно исторію одного семейства.

Надлежало-бы начать съ самой знатной особы, съ *Его Высочайшаго Преосвященства*,

которому Сундуковъ давалъ праздникъ, или, по крайней мѣрѣ, съ *Его Превосходительства*, и притомъ еще *Сіятельства* Графа Ѳедора Степановича Клешина. Но мы признали удобнѣе слѣдовать хронологическому порядку, рассказывая о каждомъ лицѣ по мѣрѣ вступленія его на сцену, въ нашемъ повѣствованіи.

Картины наши начались знаменитымъ Сундуковымъ. Сообщимъ о немъ самомъ и о его семействѣ, нѣсколько подробностей, и потомъ скажемъ имъ на вѣкъ: *прости*, прибавивъ притомъ, что невольно вырвется у всякаго, при встрѣчѣ съ такими людьми: *хоть-бы вѣкъ съ вами не видаться!*

Тимоѳей Игнатьевичъ Сундуковъ продолжаетъ подвизаться со славою на избранномъ имъ поприщѣ, то есть, самымъ вѣроломнымъ образомъ обманывать и обкрадывать всѣхъ, кто ему попадется подъ руку, не исключая даже и родныхъ

дочерей. Мы знаемъ, какъ онъ поступилъ съ своимъ зятемъ, Чадскимъ; точно также выдалъ онъ и другихъ дочерей, и равномерно поступилъ съ прочими зятьями. И дѣльно! На что, какъ говорится, класть охулку на свою руку? Зачѣмъ оставлять похвальныя привычки? Продолжайте, продолжайте, господа, подобные Сундукову! Не внимайте голосу совѣсти, и утвердитесь въ томъ мнѣніи, что честь, добродѣтель, справедливость — предразсудки, просто одни только слова, не заключающія въ себѣ никакого смысла. Подвизайтесь подобно ему, и вы будете счастливы въ здѣшнемъ и будущемъ свѣтѣ!!!... Между тѣмъ, Тимоѳей Игнатьевичъ достигнулъ уже до званія Губернскаго Предводителя, и надѣется, какъ утверждаютъ, получить мѣсто, на которое нынѣшнее его званіе даетъ ему нѣкоторое право. Но общая повсюду молва, будто въ наше время жирныя, большіе осетры, поздравительныя куплеты, прославленіе въ

Звучныхъ стихахъ добродѣтелей, спектакли, иллюминаціи, и даже напоминанія Секретаря, потеряли свою цѣну и ни къ чему не ведутъ. Слѣдовательно, со всею достовѣрностію заключить можно, что Тимофеей Игнатьевичъ ошибается, и надежда его не совершится. Жаль, очень жаль—но для немногихъ.

Предсказаніе, что врядъ ли Тимофеей Игнатьевичъ Сундуковъ получитъ то мѣсто, на которое онъ имѣлъ виды, достигнувъ до званія Губернскаго Предводителя, оправдалось самымъ событіемъ. Чудеса свершились въ нашихъ глазахъ. Мощная рука истиннаго Благодѣтеля нашего Николая I-го, подвинула насъ впередъ на цѣлое столѣтіе. Ежели вспомнимъ, что было не далѣе какъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ, и сравнимъ, что теперь, то нельзя не притти въ изумленіе чудесному преобразованію и улучшенію общественной нравственности. Многія изданныя въ царствованіе

Николая I-го новыя законоположенія, въ особенності-же о Дворянскихъ выборахъ, рекрутскій уставъ, увеличенное жалованье гражданскимъ чиновникамъ, всего же болѣе незабвенный памятникъ правленія его—Сводъ Законовъ и данное сообразно духу настоящаго времени на-направленіе образованію и воспитанію юношества, имѣли такое благотворное вліяніе на общественную нравственность, что описанныя въ нашей книгѣ злоупотребленія, безстыдное и наглое лихоимство, ябедничество, своеволие, развратъ содѣлались уже теперь не современныиъ изображеніемъ нравовъ, а историческими фактами.

Не осмѣлуются теперь дворяне, подобно Тимоѣею Сундукову, являться на выборы и употреблять прежнія козни и интриги для наполненія судовъ безнравственными и развратными кліентами своими. Теперь всякій благомыслящій дворянинъ имѣетъ возможность принять уча-

стїе въ общемъ дѣлѣ и воспользоваться
 Всемилостивѣйше предоставленнымъ намъ
 драгоцѣннѣйшимъ правомъ избирать изъ
 среды себя судей, коимъ ввѣряемъ мы
 спокойствіе и благосостояніе свое и имѣ-
 ній нашихъ. Не будетъ уже теперь стыд-
 но, какъ бывало прежде, всякому обра-
 зованному и хорошей нравственности мо-
 лодому дворянину, принимать на себя
 званіе уѣзднаго Судьи, Исправника и За-
 сѣдателя; при увеличенномъ-же окладѣ
 жалованья, которое открываетъ средства
 содержать безъ нужды себя съ семей-
 ствомъ и въ должности секретарей, по-
 вытчиковъ и канцелярскихъ чиновниковъ,
 пойдутъ честные и хорошіе люди.

Словомъ, Тимоѳей Игнатьевичъ, прочи-
 тавъ со вниманіемъ новыя постановленія
 о дворянскихъ выборахъ, долженъ былъ
 внутренно сознаться, что все и навсег-
 да уже окончилось для него. Онъ при-
 зналъ за благо, сколь возможно поспѣ-
 шилъ удалиться съ поприща, на кото-

ромъ съ компанією своею столь долго подвизался, и не дослуживъ еще трехлѣтія, Тимоѳей Игнатьевичъ вышелъ въ отставку.

Мы знакомы съ двумя его дочерьми, Ея Сіятельствомъ Княгинею Прасковьею Тимоѳеевною Буасековою и Полковницею Глафирою Тимоѳеевною Чадскою. Такъ всегда называетъ ихъ папенька, и мы, изъ уваженія къ нему, сохранили полный ихъ титулъ.

Княгиня часто гнѣвается на своего супруга и насмѣхается надъ нимъ; иногда и папенька ея, бывъ въ дурномъ нравѣ, не спускаетъ Сіятельному: изволить называть его обветшалымъ волокитою, пустымъ человѣкомъ, нищимъ, и прочее. Его Сіятельство, Князь Буасековъ, сноситъ все съ примѣрнымъ великодушіемъ, по самой простой причинѣ—потому, что ежели онъ вздумаетъ разсориться, уѣхать отъ тестя и оставить свою супругу, то ему, рѣшительно, нѣгдѣ будетъ прекло-

нить сіятельной головы своей. Впрочемъ, въ утѣшеніе свое, имѣетъ онъ счастье часто слышать на праздникахъ Сундукова, или когда у него бываетъ много гостей: «*Ваше Сіятельство, Князь Борисъ Ильичъ!* гдѣ твоя жена, дочь моя, *Княгиня Прасковья Тимоѳеевна?*» Или: «Да, подайте, *Ваше Сіятельство*, руку такой-то дамѣ.» При томъ-же онъ всегда за большими обѣдами имѣетъ честь идти во второй парѣ, непосредственно за своимъ тестемъ. Впрочемъ, Сіятельныя фигуры кое-какъ произрастаютъ въ здѣшнемъ мірѣ, и имѣютъ довольно много дѣтей.

Что касается до Глафиры Тимоѳеевны, то общая молва была (однакожъ не все-му вѣрить можно — люди такъ *теперь* злорѣчивы), что еще прежде замужства своего имѣла она съ однимъ молодымъ Французомъ, гувернёромъ въ домѣ близкихъ сосѣдей ихъ, нѣкоторыя совѣщанія и дружескую переписку — разумѣется — о *литтературѣ*. Теперь, на свободѣ, быв-

ши ни замужняя женщина, ни вдова, имѣетъ она всю возможность, отъ скуки, предаваться страсти своей къ *литтературѣ*. Носится слухъ, что она расположилась, получивъ слѣдующее ей послѣ смерти отца имѣніе, отправиться съ однимъ юнымъ *литтераторомъ* въ Парижъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія. Говорятъ, что ея маменькѣ, урожденной Княжнѣ Развратовой, извѣстно было намѣреніе Глафиры; что она одобряла такое стремленіе къ познаніямъ, и даже сама хотѣла сопутствовать ей, для пріобрѣтенія въ Парижѣ новыхъ свѣдѣній въ словесности.

Утверждаютъ даже, что Г-жа Сундукова предпринимала было нѣкоторыя, ближайшія мѣры къ предускоренію путешествія своего въ Парижъ. Мужъ ея, какъ-то внезапно очень занемогъ, такъ, что долженъ былъ пить парное молоко. Много виноватыхъ въ его болѣзни поступило, какъ въ деревняхъ говорятъ.

подъ красную шапку; другіе водворились на всегдашнее жительство въ отдаленныхъ, и весьма любопытныхъ, странамъ Сибири. Однакожь, въ послѣдствіи времени открылось, что супруга его (еще упомянемъ, урожденная Княжна Развратова) хотѣла употребить съ пользою корешокъ, данный ей извѣстною въ ихъ сторонѣ колдуньею, за тѣмъ, чтобы болѣе приворожить къ себѣ своего мужа. Но колдунья, вѣроятно, ошиблась корешкомъ, и дѣйствіе было противное ожиданію нѣжной супруги. Сундуковъ, отдавая всю справедливость опыту столь чрезмѣрной любви жены своей, хотѣлъ выгнать ее изъ дома; но мысль, что такое распоряженіе, можетъ быть, не понравится знатнымъ ея роднымъ, и обратитъ гнѣвъ ихъ на него, способствовала къ восстановленію прежней счастливой супружеской жизни.—Однакожь это было не на долго. Сундукова вскорѣ послѣ того, внезапно, кончила полезную и до-

стохвальную жизнь свою. Слѣдовательно, намѣреніе Графиры Тимоѳеевны — ѣхать въ Парижъ, для усовершенствованія своего, подъ руководствомъ юнаго литтератора — можетъ совершиться еще не скоро. — Какая потеря для Просвѣщенія! Вотъ, можно сказать, примѣрное несчастіе! Число *Русскихъ* *Кориннъ*, возвращающихся столь образованными, столь благовоспитанными изъ чужихъ краевъ, должно-бы увеличиваться. Въмѣсто того, Глафира Тимоѳеевна, со всею доброю волею, со всѣмъ расположеніемъ къ просвѣщенію, должна влачить бесполезно жизнь свою въ углу отдаленной провинціи.

Княгиня Рамирская, послѣ примиренія съ мужемъ, чрезъ посредничество *Пронскихъ*, провела нѣсколько лѣтъ спокойно и счастливо. Бывали иногда кой-какіе, маловажныя перепалки; но воспоминаніе, въ какое ужасное положеніе были поставлены мужъ ея и она сама, со сторо-

ны мужа грубостью, невѣжливостью, скупостью и запальчивостію, а со стороны жены вѣтренностью, легкомысліемъ, необдумчивостью, и также неумѣстною горячностью, заставляло супругомъ смиряться другъ передъ другомъ, и переносить съ терпѣніемъ взаимные недостатки. Притомъ-же, Князь и Княгиня до такой степени были привязаны къ дочери своей, что одинъ взглядъ на нее укрощалъ бунтующія ихъ страсти. Но, увы! никакія проказы даромъ съ рукъ не сходятъ! Елисавета, въ продолженіе всего времени супружества своего, до самаго примиренія, такъ усердно старалась разрушить счастіе свое, во всѣхъ отношеніяхъ, что здоровье ея совершенно разстроилось, и она преждевременно кончила жизнь. Однакожъ, она умерла спокойно, поручивъ дочь свою сестрѣ Софьѣ, которая, съ согласія своего мужа, взяла малютку къ себѣ въ домъ, и занимается ею, какъ собственною дочерью.

Князь Рамирскій плакалъ искренно, провожая бранные остатки жены своей къ послѣднему пристанищу. Послѣ похоронъ, онъ самъ привезъ свою Наташу къ Пронскимъ, и подводя ее, съ горькими слезами, къ Софѣ, говорилъ, что онъ вручаетъ ей все, что есть для него драгоцѣннаго въ мѣръ, послѣднее свое утѣшеніе, и что онъ дѣлаетъ весьма большое усиліе надъ собою, разставаясь съ дочерью, но исполняетъ священную волю покойницы. Послѣ того, въ обширномъ его домѣ, преслѣдуетъ его повсюду пренесноснѣйшая тоска; ничто не веселитъ и не занимаетъ его: ни хозяйство, ни лошади, ни винокуренный заводъ, ни суконная фабрика, которую завелъ онъ подъ руководствомъ Свѣтланина. Часто, совсѣмъ неожиданно для людей своихъ, вдругъ велитъ Князь запрягать скорѣе и подавать коляску свою, садится въ нее, не говоря ни слова; но кучеру не нужно спрашивать — онъ везетъ его

прямо къ Пронскимъ. Тамъ отдыхаетъ сердце Князя и показывается иногда улыбка на блѣдномъ его лицѣ, когда выбѣгаетъ на встрѣчу и бросается ему на шею милая Наташа. Дѣвочка эта растетъ, хорошеетъ, свѣжа и румяна, какъ роза, и чрезвычайно привязана къ отцу. Со слезами радости, и съ полнымъ сердцемъ, внимаетъ онъ разсказамъ ея о томъ, что она выучила, слушаетъ, какъ она играетъ на фортепіано, смотритъ на ея рисунки, или, сидя въ углу, взираетъ съ радостью, какъ она ловко и пріятно танцуетъ. Видя быстрые успѣхи дочери, Князь Рамирскій часто, не говоря ни слова, подходитъ къ Софѣѣ, и со слезами цѣлуетъ ея руки. Такое краснорѣчивое изъясненіе благодарности сильнѣе всѣхъ словъ! Впрочемъ, умѣренная жизнь Князя Рамирскаго, при большомъ его богатствѣ, конечно, сдѣлаетъ то, что Наташа будетъ одна изъ *первыхъ* и *лучшихъ* невестъ въ Москвѣ, куда, разумѣется, она

должна будетъ со временемъ явиться. Много, много предстанетъ обожателей! Но воспитанная Софьею, имѣя примѣръ ея руководствомъ, она, конечно, безъ всякаго оправданія будетъ виновата, ежели неудачно выйдеть за мужъ.

Добрая старушка, Холмская, перенесла много горя въ продолженіе жизни своей. Часто, съ горькими слезами, она внутренно укоряла себя, что во всемъ сама кругомъ виновата. Впрочемъ, со времени замужства Софьи постепенно успокоилась Холмская, и по немногу забываетъ все прежнее, ознаменованное тревоженіями и бурями земное поприще свое. Теперь старость ея проходитъ очень тихо; медленными и непримѣтными шагами приближается она ко гробу. Милыя дѣти ея, зять и дочь, употребляютъ всѣ попеченія, чтобы утѣшить, успокоить, украсить остатокъ дней доброй старушки. Впрочемъ, и угодить ей очень легко; она не имѣетъ никакихъ прихотей, и всѣмъ до-

вольна; особенно-же съ тѣхъ поръ счастлива она въ полной мѣрѣ, когда внимательный зять ея устроилъ у себя въ домъ церковь, и она ежедневно можетъ быть у службы Божіей. Послѣ того возвращается она въ свою теплую, спокойную комнату, вяжетъ для внуковъ чулки, или раскладываетъ грань-пасьянсъ, и слушаетъ рассказы старой попадьи, компаньенки своей. По вечерамъ, ея любимое занятіе играть съ внуками въ дурачки, когда они, послѣ классовъ, напрыгаются до сыта, и должны, передъ ужиномъ и спаньемъ, отдыхать. Бабушка пользуется этимъ отдыхомъ, и внуки, чтобы угодить ей, безпрестанно проигрываютъ. Старушка увѣрена, что она большая мастерица, и выигрываетъ у нихъ по своему искусству.

Намъ извѣстно, какъ несчастливо окончили *Аглаевы*. Примѣръ мужа служить разительнымъ доказательствомъ, что человекъ, съ самымъ лучшимъ расположе-

ніемъ, и со всѣми наклонностями къ добру, не имѣя характера и твердости правилъ, словомъ: безъ воспитанія, основаннаго на истинныхъ началахъ Религіи, близокъ къ безпрестанному паденію и безднѣ погибели, въ которую влечетъ за собою и все семейство свое. А, надобно правду сказать, въ нашемъ дворянскомъ быту довольно *Аглаевыхъ*. Характеръ его заслуживаетъ вниманіе. Должно во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть, и съ безпристрастіемъ хладнокровно вникнуть въ самихъ себя: мы увѣримся въ той непреложной истинѣ, что нерадѣніе къ точному и непремѣнному исполненію обязанностей нашихъ, въ томъ состояніи, гдѣ мы, по волѣ Провидѣнія, поставлены, и самое малѣйшее отступленіе съ прямой стези, особенно-же въ семейной жизни, приближаетъ насъ къ погибели, въ которую *Аглаевъ* повергнулъ себя, и самыхъ близкихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ для него людей — жену и дѣтей своихъ. *Милые,*

добрые Аглаевы, которыхъ, повторимъ еще, встрѣчаемъ мы безпрестанно въ нашемъ дворянскомъ сословіи! остановитесь, одумайтесь, и повѣрьте:

Той земли не сыщете вы краше,

Гдѣ ваша милая, и гдѣ живетъ вашъ другъ!

Обратите все попеченіе ваше на то, чтобъ быть сколько возможно счастливѣе въ тѣсномъ кругу вашего семейства. Вспомните, что отъ васъ, именно отъ васъ, зависитъ благополучіе безпомощныхъ, слабыхъ подругъ вашихъ. Вспомните, что есть невинныя существа, обязанныя вамъ бытіемъ своимъ, и что вы должны быть для нихъ примѣромъ и руководствомъ на тернистомъ пути жизни! Ограничьте ваши прихоти, живите сообразно съ вашимъ состояніемъ, не дѣлайте долговъ, и, повѣрьте, что не только предосудительно, но и весьма обидно, ежели о супругъ и объ отцѣ семейства станутъ говорить: «Аглаевъ не много мотовать, не много

вътренъ, любить разсѣянную жизнь, не откажется поиграть въ карты, любить хорошо покушать, иногда не прочь и отъ того, чтобы съ другими выпить и погулять, *однакожъ*, *завсѣмъ* тѣмъ, онъ *премилый и предобрый малый!* Но, кажется, мы проповѣдуемъ въ пустынь. По крайней мѣрѣ, мы сказали Гг-мъ *Аглаевымъ* все, что было у насъ на душѣ.

Съ другой стороны, примѣръ бѣдной Катерины служить урокомъ для васъ, *добрыя женичины....* совѣстно прибавить, да нельзя не сказать правды — *неразсудительныя, пустыя женичины*, число которыхъ въ нашемъ дворянскомъ быту также весьма велико! Излишняя чувствительность, безхарактерность, способность обо всемъ плакать и унывать, приходитъ въ отчаяніе, а не дѣйствовать, какъ должно подругѣ своего мужа, приводить въ ослабленіе умственные и тѣлесныя силы, разстроивать здоровье, и преждевременно сокращать вашу жизнь, которая принад-

лежить уже не вамъ, а вашему семейству — скажите: не вашего-ли портрета черты высказали мы? Каковъ онъ?—Притомъ-же, и это, кажется, болѣе всего должно убѣдить васъ: спросите у всѣхъ мужчинъ, и всякій съ безпристрастіемъ долженъ сказать вамъ, что вы не только не *интересны*, но весьма безобразны и отвратительны во время вашихъ болѣзней и слезъ. Какія-же еще ужасныя послѣдствія бываютъ послѣ: необыкновенная худоба, желтый цвѣтъ лица, потухшіе, безъ всякаго выраженія глаза, морщины на лицѣ, и прочія, тому подобныя злополучія. Напротивъ того, счастливая, здоровая, свѣжая, румяная женщина есть краса природы. Это мы говоримъ не отъ себя: прочитайте Бюффона. — Но, кажется, и черезъ эту моральную выходку мы не только ничего не пріобрѣтемъ, а потеряемъ. Насъ назовутъ грубіянами и пустомелями.... Такъ и быть! Не мы первые, и не мы послѣдніе! Потерпимъ за правду.

Впрочемъ, судьба сиротъ Аглаевыхъ, по милости Божіей, теперь, въ полной мѣрѣ и во всѣхъ отношеніяхъ обезпечена. Нравственное образованіе ихъ, и физическое воспитаніе, отлично хороши. Состояніе будетъ у нихъ порядочное. Имѣніе послѣ матери осталось неприкосновеннымъ. Елисавета, еще при жизни своей, упросила мужа исполнить обѣщаніе, данное имъ при помолвкѣ Катерины, и онъ передалъ формальнымъ актомъ сиротамъ Аглаева приданую ея деревню. Пронскій также утвердилъ за ними то, что принадлежало Софѣѣ. Всѣ три сестры получили на части свои имѣніе въ одномъ мѣстѣ, и теперь все ихъ имѣніе принадлежитъ сиротамъ Аглаевымъ. Старая Холмская также, по настоянію зятя своего, отдаетъ имъ-же, что послѣ нея останется. Опекунъ ихъ, Пронскій, войдя въ управленіе имѣніемъ, ѣздилъ самъ нарочно осматривать деревню, и хотя нашелъ все, чего надлежало ожидать, въ боль-

шомъ безпорядкѣ, но распорядился на мѣстѣ, устроилъ и увеличилъ доходы, изъ которыхъ не тратитъ онъ на сиротъ ни копѣйки, а все отсылаетъ, для приращенія процѣнтами, въ Опекунскій Совѣтъ. Мачиха его ежегодно отдѣляетъ для Аглаевыхъ, отъ доходовъ своихъ, по нѣскольку тысячъ рублей, тайно отъ Софьи. Добрая Свѣяжская, вѣроятно, также не забудетъ ихъ въ своей духовной. Даже самъ Князь Рамирскій, поощренный примѣромъ общаго желанія способствовать будущему благосостоянію бѣдныхъ сиротъ, обѣщался отдѣлять въ пользу ихъ половину барыша, который надѣется получать съ суконной своей фабрики. Одинъ только дядюшка, Алексѣй Васильевичъ Холмскій, ни копѣйкою не участвуетъ въ dobroхотной складкѣ для сиротъ, и даже, когда прѣзжаетъ онъ къ Пронскимъ (что случается съ нимъ довольно рѣдко, потому, что жена его безпрестанно беременна, и никуда его отъ себя не отпу-

скаеть), то цѣлуетъ ихъ, если они сами подойдутъ здороваться и прощаться, а впрочемъ весьма равнодушенъ онъ къ сиротамъ сестры. Но Богъ съ нимъ! И безъ него, дѣла ихъ такъ устроились, что врядъ-ли при отцѣ и матери могли-бъ быть лучше. Со всею достовѣрностію предполагать должно, что Аглаевы проживутъ жизнь свою гораздо счастливѣе, нежели покойные ихъ родители.

Добродѣтельная, во всемъ пространствѣ и во всѣй силѣ этого слова, *Свіяжская*, потому, что она во всю жизнь готова была на услуги и пособіе людямъ, не только деньгами, но временемъ своимъ и здоровьемъ, получила уже должное возмездіе и въ здѣшнемъ мірѣ, въ ожиданіи того блаженства, которое ожидаетъ сію праведницу въ вѣчности. Она всѣми любима, уважаема, и счастлива въ полной мѣрѣ. По лѣтамъ своимъ она довольно еще свѣжа, только не можетъ уже такъ часто ѣздить, какъ бывало прежде. Она

совсѣмъ переселилась на житіе въ Москву, потому, что старая столица наша, по всей справедливости, называется дворянскимъ гробомъ. Кто гдѣ ни бываетъ, а умирать почти всѣ являются въ Москву. Пронскіе, ея душевныя дѣти, какъ она всегда ихъ называетъ, выдаются съ нею очень часто. Когда Свѣяжская не въ силахъ сама быть у нихъ въ Петровскомъ, то они, нарочно для нея, прѣзжаютъ въ Москву, провѣдать ее, погостить у нея недѣлю, или двѣ.

Недавно были они у Свѣяжской съ ма-чихою, и съ сыномъ своимъ, ея крестникомъ. Они нашли ее не очень здоровою, и даже въ постелѣ; но прѣздъ ихъ оживилъ и подкрѣпилъ добрую старушку. Она встала, говоря съ улыбною, что не смѣетъ принимать лежа такую церемонную и капризную гостью, какова Дарья Петровна. «А ежели такъ» — отвѣчала Пронская, цѣлуя ее, и смѣясь отъ всего сердца — «то я повалю тебя на постелю,

закрою одѣяломъ, и сяду на ноги, чтобы ты не могла встать!» Общество и бесѣда Свіяжской, не смотря на слабость и старость ея, еще до такой степени пріятны и занимательны, что не видать, какъ идетъ время. Пронскіе, во всю послѣднюю бытность свою въ Москвѣ, никуда отъ нея не выѣзжали. «Ахъ, вы, милые, настоящіе собственные мои красавцы! — сказала Свіяжская, смотря съ умиленіемъ на Софью, сидѣвшую подлѣ мужа, съ сыномъ на рукахъ. — «Да знаете ли, что вы оба еще *похорошѣли*, особенно съ этимъ херувимчикомъ? Какъ ты одолжила меня, Соничка, что привезла мнѣ показать его! Признаюсь въ моей слабости: мнѣ страхъ какъ хотѣлось его видѣть, но совѣстно было написать къ вамъ. Впрочемъ, ты давнишняя колдунья, и напередъ отгадала мои мысли!» — прибавила старушка, обнимая и цѣлуя Софью. Послушай, голубушка — сказала тогда старая Пронская — ты не можешь повѣ-

рить, какъ справедлива система твоя о красотѣ; чѣмъ болѣе смотрю я на тебя, тѣмъ болѣе нахожу, что и ты совершенная красавица.—«А ты сама, развѣ не красавица?—отвѣчала Свіяжская, съ улыбкою. «Ты счастлива и спокойна; лицо твое служить тому доказательствомъ; слѣдовательно ты красавица. Повѣрь мнѣ, какъ Профессору этой системы!»—Полно, голубушка! куда мнѣ съ тобою равняться! Я худая, блѣдная, желтая, изсохшая старуха, настоящая Кіевская вѣдьма, а ты, напротивъ, прелестная, хорошенькая старушечка — возразила Пронская. — «Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, милая маменька! не говорите этого!» прервала Софья, цѣлуя свекровь—и вы настоящая красавица.» — Добрая, милая маменька! — прибавилъ Пронскій, обнимая ее—да кто въ мірѣ можетъ быть прелестнѣе васъ?

Свіяжская располагаетъ, при смерти своей, завѣщать деревни свои Софѣ, но скрываетъ еще намѣреніе свое, за тѣмъ,

что боится сопротивленія со стороны ея самой и мужа ея. Она говорила нѣсколько разъ другу своему, Кирбитовой: «Не съ тѣмъ хочу я передать имъ мои деревни, чтобы обогатить ихъ. Слава Богу! у нихъ хорошее состояніе; но я тогда спокойно умру, съ увѣренностію, что крестьяне мои не станутъ роптать на меня, и будутъ спокойны и счастливы подъ ихъ управленіемъ.» Деньги, и все движимое имущество свое, расположилась она раздѣлить по поламъ, между дѣтьми Княгини Фольгиной и сиротами Аглаевыми.

Теперь, по хронологическому порядку, слѣдуетъ *Алексію Холмскому* явиться на сцену. Судьба соединила его съ семействомъ Фамусовыхъ. Мы не будемъ разлучать ихъ.

Фамусосъ, какъ намъ извѣстно, сидѣлъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, у одного окна и на однихъ креслахъ, пилъ въ свое время чай, водку, курилъ трубку, нюхалъ табакъ, завтра-

калъ, обѣдалъ, ужиналъ и ложился спать. Такимъ образомъ продолжалась пріятная и полезная его жизнь. Впрочемъ, ему не о чемъ было заботиться. Попечительная сго супруга всѣмъ управляла, имѣя при томъ внимательнѣйшее наблюденіе чтобы у него не было недостатка въ табакѣ, чаѣ и водкѣ; ежегодно шила она ему по одному новому сюртуку, которые приказывала подавать ему въ большіе праздники. Однажды, выпивъ нѣсколько рюмокъ водки передъ обѣдомъ, Фамусовъ почувствовалъ, что голова его кружится, и что ему дѣлается дурно. Онъ не успѣлъ даже позвать камердинера своего, чтобы пособили ему дойти до спальни. Принесли его въ постелью безъ памяти, послали за священникомъ, исповѣдали глухою исповѣдью, и черезъ нѣсколько часовъ окончилась жизнь почтеннаго мужа.

Фамусова очень была огорчена, и, въ самомъ дѣлѣ, справедливо говорила, что привыкнувъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ,

не только къ человѣку, но къ какой нибудь кошкѣ, или собакѣ, тяжело разстаться, и что ей теперь трудно войти въ гостиную, гдѣ привыкла она столько времени видѣть на одномъ мѣстѣ фигуру своего мужа. Но добрая Каролина Карловна не предчувствовала, что и ей самой предназначено было вскорѣ соединиться съ супругомъ своимъ въ вѣчности.

Первая мысль достопочтеннаго Алексѣя Васильевича, зятя ихъ, когда узналъ онъ о смерти тестя, была та, что напрасно у насъ нѣтъ обычая, какъ въ Индіи, женамъ сжигаться на кострѣ, вмѣстѣ съ умершими мужьями. Среди размышленій, столь доброжелательныхъ для Каролины Карловны, начала она говорить съ нимъ что-то вразсужденіи похоронъ покойника. Дѣло шло о деньгахъ, и Алексѣй Васильевичъ, съ свойственною ему деликатностію, отвѣчалъ, что она не имѣетъ никакого права всту-

паться въ это, потому, что имѣніе Любиньки все отцовское, что у нея, Каролины Карловны, нѣтъ никакой собственности, и, начиная съ нынѣшняго-же дня, онъ беретъ на себя все управленіе; и что онъ самъ сдѣлаетъ распоряженія о похоронахъ.

Можно вообразить себѣ изумленіе Каролины Карловны!... Она была такъ твердо увѣрена въ добротѣ, кротости, благодарности милаго *Алексѣя Васильевича*! Онъ, во время сватовства и послѣ сватъбы, много разъ повторялъ, что любить ее, привязанъ къ ней какъ къ родной матери, и что пока онъ будетъ живъ, то никогда не забудетъ милости ея, потому, что она способствовала его женитьбѣ. И вдругъ такой непредвидѣнный сюрпризъ!... Ей было слишкомъ 70-ть лѣтъ. Испугъ, отъ внезапной смерти мужа, разстроенное издавна здоровье, а болѣе всего такая неожиданная выходка зятя — все это вмѣстѣ было причи-

ною, что самой Фамусовой сдѣлался ударъ, прямо въ голову, и она скончалась черезъ нѣсколько часовъ послѣ мужа.

Любинька была огорчена до глубины души смертію родителей, особенно-же матери. Никто такъ не угождалъ ей, и не баловалъ ее во время беременности, какъ мать. Съ нею сдѣлалась *настоящая* дурнота и продолжительный обморокъ, послѣ котораго она ослабла и легла въ постелю.

«Какой случай! Какое примѣрное несчастіе!» говорилъ Алексѣй Васильевичъ сосѣдямъ своимъ, пріѣхавшимъ *провѣдать* его. «Можно-ли? Обоихъ, столь почтенныхъ, столь драгоценныхъ для меня людей, потерять въ одинъ день!» Но ежели-бы онъ предался внутреннему чувству радости, то прыгаль-бы, можетъ быть, выше, чѣмъ во время прибытія въ здѣшній свѣтъ наследника, обезпечившаго ему принадлежность всего имѣнія драго-

цѣнныхъ и почтенныхъ для него людей!
 А теперь, уже и свершилась мечта его!
Велико дѣло миллионъ. «При томъ-же,»
 думалъ Холмскій, «какъ кстати умерли
 вмѣстѣ — однѣ хлопоты и одни убытки
 на похороны!» Но среди глубокой гру-
 сти своей, онъ не потерялъ присутствія
 духа, отобралъ тотчасъ изъ ридикюля
 покойницы всѣ ключи, самъ все осмот-
 рѣлъ, и все запечаталъ. Потомъ нашилъ
 плёрезы на черный фракъ свой, и ве-
 лѣлъ немедленно заняться шитьемъ тра-
 урныхъ платьевъ, для жены и дѣтей.
 Гробы, и покровы на покойникахъ, были
 великолѣпные. Холмскій самъ подводилъ
 жену свою, одѣтую въ глубокой трауръ,
 и повязанную бѣлымъ платкомъ, въ по-
 слѣдній разъ прощаться съ родителями.
 Ей сдѣлалось дурно; онъ отдалъ ее на
 руки женщинъ, и пошелъ пѣшкомъ за
 покойниками. Выходя изъ дома, онъ за-
 мѣтилъ, что позабылъ бѣлыя, лайковыя
 перчатки, и два бѣлыхъ платка, для

утиранья слезъ, послалъ тотчасъ каммердинера своего, и кодь скоро все было принесено, то имѣлъ уже возможность предаться въ полной мѣрѣ своей горести. Идя за гробами, онъ закрылъ глаза платкомъ, и, такъ сказать, вытаскивалъ слезы, но онъ — упрямый! — не хотѣли являться. Холмскій желалъ казаться печальнымъ; да мысль о миллионѣ безпрестанно была въ головѣ его и невольно распространяла какую-то веселость на его лицѣ. Однакожъ, онъ теръ безпрестанно глаза, чтобы они показывали, какъ онъ горько плакалъ. Послѣ обѣдни и отпѣванія, которыя совершалъ Архимандритъ, съ множествомъ Священниковъ и пѣвчими, Холмскій пошелъ на кладбище, и бросилъ горсть земли на опущенные въ могилу гробы. Словомъ: похороны были великолѣпныя, и все, что слѣдовало къ обнаруженію истинной, сердечной печали Холмскаго, потерявшаго столь почтенныхъ и драгоценныхъ для него лю-

дей, соблюдено было въ точности. Но чего-же другаго и можно было ожидать отъ столь милаго, добраго, внимательнаго, примѣрнаго роднаго?

Всѣ приличія были сохранены. Алексѣй Васильевичъ преодолевалъ нетерпѣніе свое. Не прежде шести недѣль, послѣ поминовенія, возвратясь изъ церкви, приступилъ онъ къ обзрѣнію того, что было предметомъ сладостныхъ мечтаній его, въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Но, увы!—открылось капитала вдвое менѣе, нежели онъ ожидалъ, и то нѣкоторая часть въ пустыхъ векселяхъ! Весьма сильно негодовалъ онъ, и внутренно бранилъ покойную маменьку, которая, вѣроятно, подражая, почти общему обыкновенію, распространила нарочно слухъ о миліонѣ, для привлеченія жениховъ приданымъ вдвое болѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ было. Это непріятное открытіе весьма охладило любовь Холмскаго къ женѣ. Потомъ, разсматривая счета о доходахъ и

описи имѣнія, онъ обнаружилъ новое злополучіе. Деревни были въ разныхъ, невыгодныхъ губерніяхъ, небольшими клочками, малоземельныя, черезполосныя, приносили самый ничтожный доходъ, и, какъ видно было, находились въ большомъ безпорядкѣ. Это обратило уже привязанность Холмскаго къ прелестямъ жены въ совершенное равнодушіе. Однакожъ, обозрѣвая далѣе, нашелъ онъ много брилльянтовъ, золота и серебра, и вообще всего было довольно для поддержанія его благополучія и нѣкоторой привязанности къ супругѣ.

Занявшись устройствомъ доставшагося ему имѣнія и присоединивъ капиталъ жены къ собственнымъ своимъ деньгамъ, которыя онъ самъ успѣлъ накопить (хотя все еще не доставало немного до милльона, мысль о коемъ составляла все его блаженство), Холмскій постепенно успокоился. Въ это время, демонъ честолюбія, призвавши на помощь внуше-

ніе Любиньки, внезапно овладѣлъ имъ. Однажды, подписывая бумаги, по доставшемуся ей имѣнію, съ горестію сказала она мужу своему; какъ ей тяжело писать: *Губернская Секретарша*, когда сестры его, одна *Генеральша*, другая *Княгиня*, третья *Графиня*; когда — даже самыя бѣдныя сосѣдки ея, *Прямикова Надворная Совѣтница*, *Храбренова Майорша*, а *Честонова*, не имѣя куска хлѣба, *Полковница*! «Я была-бы счастлива,» сказала она, цѣлуя своего мужа, «ежели-бы ты, Алеша, добился и попалъ, хоть не въ *заправскіе Генералы*, то есть, хотя въ *Камеръ-Юнкеры*. Право, стыдно тебѣ, съ такимъ богатствомъ, имѣть такъ мало *амбиціи*!» Скупость Алексѣя должна была выдержать весьма сильное бorenіе съ новою страстію, воспламененною въ немъ словами жены; однакожъ — демонъ честолюбія восторжествовалъ! Алексѣй хотѣлъ было подняться на штурки, чтобы, не выѣзжая изъ деревни и съ малыми

усиліями, достигнуть своей цѣли. Онъ нашель себѣ мѣсто Почетнаго Смотрителя уѣзднаго училища, и сдѣлалъ весьма *важное пожертвованіе*: купилъ за двѣ тысячи домъ и отдалъ подъ училище; убралъ его, обязался содержать на свой счетъ двухъ учениковъ, и употребилъ всего на все тысячъ пять, съ тѣмъ, чтобы пожертвованіе сіе было описано краснорѣчиво, и представлено Начальству въ блистательномъ видѣ. Онъ получилъ *награжденіе*, но не то, которое было предметомъ мечтаній Любиньки, и которое потомъ сдѣлалось собственнымъ его, непреодолимымъ желаніемъ.

Тогда рѣшился Холмскій переѣхать въ Москву, и опредѣлился къ такой должности, которая удобнѣе и скорѣе могла доставить ему *незавправское Генеральство*. Онъ убралъ и прекрасно отдѣлалъ обширный домъ, отцовское наслѣдіе свое, и теперь живетъ въ Москвѣ, служить, даетъ часто большіе обѣды, вечера, балы. Всѣ

Знатныя стариčky ѣздятъ къ нему играть въ вистъ; молодыя собираются за тѣмъ, чтобы посмѣяться надъ тщеславіемъ Губернскаго Секретаря, и тѣмъ еще болѣе, что среди желанія блистать, всегда замѣтны расчетливость и скупость. Сверхъ того, чтобы пріобрѣсть большую извѣстность; Холмскій завелъ прекрасныхъ рысаковъ и отличный экипажъ. Часто слышитъ онъ похвалы, что рысаки его лучшіе на бѣгу, а чудесная четверка его первая на гуляньяхъ, подъ Новинскимъ, на Пречистенкѣ, въ Сокольникахъ 1-го Маія, и на горахъ, о Масляницѣ. Все это льститъ немножко его самолюбію, и утѣшаетъ его въ издержкахъ. Онъ сталъ еще играть въ вистъ, въ большую, не отказывается отъ лоттерей въ знатныхъ домахъ, постарался попасть въ Члены Земледѣльческаго Общества, также и компаніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, имѣетъ абонированную ложу во Французскомъ Театрѣ, подписывается на от-

дѣльные маскарады и балы Благороднаго Собранія, участвуетъ во всѣхъ пожертвованіяхъ, предлагаемыхъ знатными. Словомъ: Холмскій употребляетъ всѣ средства, чтобы достать себѣ незаправское Генеральство, и вѣроятно, въ скоромъ времени желаніе его совершится. Державинъ восклицалъ нѣкогда: *Весь свѣтъ сталъ Бригадиръ!*—Въ наше время можно также воскликнуть: *Весь свѣтъ сталъ Камеръ-Юнкеръ!* А Алексѣй Васильевичъ Холмскій именно принадлежитъ къ этому свѣту. Слѣдовательно, авось и онъ будетъ скоро соприсчисленъ къ многочисленному сословію себѣ подобныхъ.

Между тѣмъ, супруга его, Любовь Максимовна, ни чаще, ни рѣже, какъ рѣшительно всякій годъ, раждаетъ дѣтокъ, и два раза разрѣшилась даже двойнями. Такимъ образомъ, за исключеніемъ умершихъ, поступило уже въ здѣшній міръ девять штукъ бѣлоголовыхъ, пухленькихъ, упитанныхъ Холмскихъ, мужескаго и жен-

скаго пола. Они почти всѣ на одно лицо, и все предвѣщаетъ, по физіогноміямъ ихъ, что они будутъ дѣтьми, достойными своихъ родителей. Мы повторимъ, вмѣстѣ съ Богдановичемъ:

Пусть судить весь народъ,
Каковъ быть долженъ плодъ
Отъ Душеньки и отъ Амура!

Любинька вся предалась материнской нѣжности. Она рассказываетъ весьма охотно всѣмъ, кто ей попадется, чудесные опыты необыкновеннаго ума, понятливости, смѣливости и остроумія дѣтей своихъ, «Ахъ! знаете-ли вы? — восклицаетъ она, при первой встрѣчѣ съ своими знакомыми. — Я расскажу вамъ анекдотъ о моемъ *Максѣ* (*Максимъ*). Онъ сдѣлалъ вотъ что. Слѣдуетъ рассказъ. Меньшой его братъ, *Нико* (*Никита*), вообразите, какъ нашелся отвѣчать — вотъ что. Слѣдуетъ повѣсть. Надобно правду сказать, хотя и стыдно матери хвалить, что у него необыкновенно

венная догадливость и остроуміе. Вотъ еще *Коко* (Николай), хотя не такъ остеръ какъ Нико, но и теперь, не смотря на то, что ему 6-ть лѣтъ, уже замѣтно большое глубокомысліе. Самъ гувернёръ его, Профессоръ, М. Venêt, говоритъ, что онъ такого чудеснаго ребенка отродясь не видывалъ. Это будетъ у меня ученый. А *Пипушка* (Петръ) славный воинъ; ему только четыре года, но какія хотите дайте ему игрушки, онъ всему предпочитаетъ свое деревянное ружье. *Анета* моя (Анна) стала славно разбирать ноты; у нея удивительныя способности къ музыкѣ! *Зизи* (Зинаида) будетъ отлично рисовать; учитель ее очень хвалить. *Мими* (Марья) непонятно скоро поняла *па* во Французской кадрили! Ахъ! какъ мило смотрѣть на нее, когда она танцуетъ! — Бѣдныя *mes enfans*, послѣднія двойни, *Флишета* (Федосья) и *Бабета* (Варвара), какъ тяжело онѣ дѣлаютъ зубы! Я измучилась съ ними; цѣлыя ночи

провожу у ихъ кроватокъ!» Такимъ обра-
 зомъ всѣхъ осыпаетъ Любинька инте-
 ресными разсказами, или о болѣзняхъ,
 или о необыкновенныхъ способностяхъ
 дѣтей своихъ. Всѣ у нея геніи; она въ
 глаза безпрестанно ихъ хвалитъ, ни о
 чемъ другомъ, кромѣ дѣтей своихъ, го-
 ворить не умѣетъ, лжетъ на нихъ без-
 совѣстно, въ собственномъ ихъ присут-
 ствіи, выдумываетъ разныя небылицы
 объ остроуміи, ихъ познаніяхъ, успѣхахъ,
 въ такихъ наукахъ, о которыхъ они и
 не слыхали! Словомъ: она употребляетъ
 всѣ средства къ пріобрѣтенію уваженія
 и довѣренности дѣтей. Въ ожиданіи бу-
 дущихъ благъ, когда они подрастутъ, и
 за всѣ попеченія достойно вознаграждать
 ее, и теперь уже *труды* ея увѣнчаны
 успѣхомъ. Недавно, въ присутствіи 20-ти,
 или 30-ти человѣкъ гостей, когда она
 разсказывала о какомъ-то чудесномъ под-
 вигѣ сына своего Коко, грубымъ голо-
 сомъ и дурнымъ Французскимъ языкомъ,

сказалъ онъ ей: Maman! vous mentez toujours; jamais je ne ras fais cela. (Вы всегда лжете, маменька; я никогда этого не дѣлалъ)! «Какой забавникъ! Совсѣмъ не застѣнчивъ!» вскричала маменька. А первенецъ ея, разумѣется, великій геній, Максимъ, уже и теперь, при первомъ случаѣ, когда вздумаетъ разгнѣваться, бьетъ и кусаетъ маменьку! Какія послѣдствія будутъ отъ такого рода воспитанія, и отъ такого нравственнаго образованія дѣтей Алексѣя Васильевича и Любови Максимовны Холмскихъ, можетъ быть, потомство наше узнаетъ отъ будущаго Исторіографа этаго семейства.

Почтенный и добрый Свѣтланинъ долженъ былъ употребить большія усилія и перенести немало горя, пока убѣдилъ жену свою, хотя и то, можетъ быть, по наружности, что хитрость, коварство и другія тому подобныя штуки, отравляютъ семейную жизнь и ведутъ все семейство, самыми быстрыми шагами, къ

звершенному несчастію, и что напро-
 ивъ, прямодушіе и откровенность, суть
 амыя ближайшія средства къ пріобрѣ-
 енію довѣренности и уваженія мужа и
 втей. Онъ старался также доказать
 сенъ своей, что если женщина, къ не-
 частію, имѣетъ врожденное чувство вла-
 толюбія, то оно должно быть такъ
 крытно, чтобы мужъ никакъ не замѣ-
 илъ, потому что и въ мужчинахъ есть
 также врожденное чувство самолюбія,
 упрямства и желанія свергнуть съ себя,
 и непременно, иго властолюбивой жены, и
 заставить ее дѣлать по его разуму, а не
 по своему, и что наконецъ, вообще мужъ,
 а тѣмъ болѣе жена, должны стараться
 обращать узы супружества въ цвѣточныя
 цѣпи, а не дѣлать ихъ желѣзными око-
 вами.

Графиня Хлестова, въ продолженіе
 долговременнаго прохожденія своей жиз-
 ни, такъ усердно старалась ссорить,
 интриговать, клеветать, выдумывать на

всѣхъ самыя невѣроятныя небылицы, что наконецъ достигла своей цѣли — снискала всеобщее презрѣніе. Всѣ знакомые растались съ нею. Ежели гдѣ покажется она въ обществѣ, то всякій старается удалиться отъ нея. Присутствіе Графини всѣмъ непріятно. Она прозвана: *чужуныя вериги*. Боятся говорить при ней, чтобы она не подслушала и не рассказала по своему; опасаются подходить другъ къ другу, чтобы она не выдумала чего нибудь предосудительнаго, и тогда только отдыхаютъ, когда она уѣзжаетъ. Но Графиня не видитъ общаго пренебреженія, на которое пріобрѣла все право, и продолжаетъ клеветать, по прежнему: всѣ у нея мерзавцы, воры, безъ всякой нравственности люди; всѣмъ готова она приписать качества, коими преисполнена ея собственная душа. Вовсе не видитъ и не замѣчаетъ она, что никто ее не слушаетъ и никто ей не вѣритъ. Она была злымъ геніемъ для вѣтренной и легко-

мысленной Елисаветы, и много способствовала ей несчастію. Получивъ извѣстіе, что Елисавета родила дочь, Графиня занемогла съ досады, потому что лишилась надежды на большое наслѣдство послѣ брата. Но вскорѣ успокоилась, узнавъ о невниманіи Елисаветы къ дочери; при томъ-же ей сообщено было, что дѣвочка слаба, и, по видумому, недолговѣчна. Намъ извѣстно, что по ненависти къ Софѣ, Графиня много хлопотала, стараясь повредить ей и отвлечь отъ нея жениховъ, и что всѣ козни ея и клеветы остались безуспѣшны, по старинной, весьма справедливой пословицѣ: *Черное къ злу не пристанетъ*. Узнавъ, что послѣ смерти Елисаветы, дочь Рамирскаго живетъ у Софьи, которая печется о сохраненіи здоровья малютки, Графиня еще болѣе возненавидѣла Софью, не можетъ слышать равнодушно ея имени, повсюду ругаетъ ее, и выдумываетъ самыя отвратительныя клеветы на ея

счетъ. Уже нѣсколько разъ рассказывала она, что мужъ Софьи изобличилъ ее въ невѣрности и выгналъ изъ дома; увѣряла также, что Софья перессорилась съ свекровью своею, которая будто-бы уѣхала отъ сына, и какъ имѣніе все принадлежитъ старой Пронской, то Софья, съ мужемъ, оставшись безъ куска хлѣба, живутъ на счетъ Князя Рамирскаго, и прочее, то есть, все, что злобой женщины можетъ придти въ голову. А это не шутка: воображеніе и сердце такой женщины, по всей справедливости, можно уподобить морю пространному, въ немъ-же гадовъ нѣсть числа.

Знакомая намъ дочь Графини, Софья, кончила тѣмъ, что вышла наконецъ замужъ, за Угарова. Слѣдствія этого супружества были тѣ, которыхъ ожидать надлежало. Супругъ ея промоталъ все приданое имѣніе жены, дѣлалъ безпрестанныя невѣрности, пьянствовалъ, игралъ въ карты,, буянилъ, и наконецъ, весьма

справедливо, поступилъ въ солдаты, въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, а Г-жа Угарова, по необходимости, должна была явиться обратно въ родительскій домъ, гдѣ ожидали ее непрерывныя упреки, ругательства, язвительныя насмѣшки, то есть настоящая каторга.

Чадскій, старинный знакомецъ и сослуживецъ Пронскаго, встрѣтился съ нимъ въ Липецкой галлерей, въ то время, когда Пронскій прѣзжалъ туда провѣдать Княгиню Фольгину и Свѣяжскую, которыя, по прежнему расположенію, вскорѣ послѣ родинъ Софьи отправились въ Липецкъ. Чадскій пользовался также водами, и до такой степени перемѣнился и похудѣлъ, что Пронскій не скоро узналъ его. Послѣ первыхъ привѣтствій начали они рассказывать другъ другу о житьѣ-бытьѣ своемъ. «Поздравляю тебя, любезный Николай Дмитріевичъ,» сказалъ Чадскій. «Ты обладаешь Ангеломъ. Отъ мерзкаго моего ха-

рактера, я лишился своего счастія. Раскаиваюсь, но не завидую тебѣ: ты больше меня достоинъ обладать ею! Но зато, жестоко смирила меня судьба. Ты вѣрно, слышалъ, что я также — уввы! — женатъ!» — Слышалъ, братецъ, и удивлялся тому, какимъ образомъ могъ ты попасть въ семейство Сундуковыхъ? — «Я за дѣло наказанъ; только, правду сказать, весьма тягостно мое наказаніе. Вотъ какъ все это случилось. Я почти совсѣмъ прожился, хотѣлъ поправиться выгодною женитьбою, и мое желаніе исполнилось очень удачно: я нашелъ жену — изверга, и тестя — мошенника, который безсовѣстно обманулъ и обокралъ даже собственную свою дочь!» — Все это мнѣ извѣстно; общій нашъ съ тобою знакомый, молодой Графъ Честоновъ, рассказывалъ мнѣ. — «Ну, такъ дослушай-же конецъ моей исторіи. У меня еще оставалось много долговъ, и я узналъ, что добрый мой тесть опять скупаетъ мои векселя, за тѣмъ,

тобы пріобрѣсть послѣднюю мою дерев-
 ню, гдѣ жилъ покойный отецъ мой, и
 гдѣ, на прелестномъ мѣстоположеніи, вы-
 строилъ онъ огромный домъ, и множе-
 ство каменныхъ зданій. Я былъ въ боль-
 шомъ затрудненіи, и не зналъ, что мнѣ
 дѣлать. Мѣшкать было нѣкогда; надобно
 было поспѣшить продажею, пока тестъ
 мой не успѣлъ еще скупить и предста-
 вить ко взысканію всѣхъ моихъ векселей.
 Мнѣ присовѣтовали добрые его пріатели
 адресоваться къ извѣстному его антаго-
 нисту и открытому врагу, откупщику
 Бражкину, который вышелъ изъ одного
 состоянія съ нимъ, разбогатѣлъ одинаки-
 ми средствами, имѣетъ множество съ нимъ
 процессовъ, до такой степени любитъ
 его и желаетъ ему добра, что готовъ на
 всѣ пожертвованія, лишь-бы только имѣть
 удовольствіе сдѣлать ему непріятность.
 Только меня предупредили, что Бражкинъ
 величайшій пьяница, и ежели я не рѣ-
 шусь пить съ нимъ, то врядъ-ли буду

имѣть успѣхъ. Такое извѣстіе очень меня растревожило; я совсѣмъ почти не могу пить — такъ разстроено мое здоровье. Но я вспомнилъ, что у меня есть по сосѣдству двое дядюшекъ, которые съ честію могутъ поддержать себя и помочь мнѣ въ этомъ случаѣ. Я отправился къ Бражкину, рассказалъ ему все, что уже сдѣлалъ со мною тестъ мой, сообщилъ о намереніи его завладѣть остальнымъ моимъ имѣніемъ, прибавивъ при томъ, что на перекоръ, для того только, чтобы не доставалась моя деревня этому мошеннику, я готовъ продать ее съ большою уступкою. Бражкинъ зналъ мое имѣніе; онъ прежде былъ цѣловальникомъ въ селѣ, по близости оттуда. Возможность купить дешево, а всего болѣе случай взбѣсить Сундукова и сдѣлать на перекоръ этому другу своему, распространили на лицѣ Бражкина какую-то, весьма замѣтную, явную радость. Однакожъ, онъ по своему обыкновенію, отнѣкивался, говорилъ, что

нѣтъ денегъ, и что надобно осмотрѣть имѣніе. Я совѣтовалъ ему не мѣшкать, и мы въ тотъ-же день отправились вмѣстѣ въ мою деревню. Однакожь передъ отъѣздомъ обязанъ я былъ завтракать съ покупщикомъ, и, чтобы не разсердить его, должно мнѣ было выпить нѣсколько рюмокъ разныхъ простыхъ и заповѣдныхъ наливокъ. Но за то имѣлъ я удовольствіе слышать множество разсказовъ о плутовствахъ и злодѣйствахъ моего тестя, и отъ души могъ самъ ругать его.

По приѣздѣ ко мнѣ, пока Бражкинъ осматривалъ домъ и службы, успѣлъ я написать записку къ одному изъ дядюшекъ, жившему ближе, что мнѣ крайняя, кровная надобность съ нимъ видѣться, и потому посылаю я къ нему дорожную мою коляску, которую не успѣли еще и отпрячь. Дядюшка былъ уже на-веселѣ, когда получилъ мою записку, и тотчасъ явился въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, въ трехъ халатахъ, одинъ другаго короче,

и въ козьемъ колнакѣ; другаго платя дома онъ не надѣвалъ. Я успѣлъ предупредить его, что Бражкинъ приѣхалъ покупать мое имѣніе; что я человѣкъ неопытный, и прошу вступиться въ мое спасеніе. «Хорошо, хорошо, братецъ! Положись на меня. Ты увидишь, какъ славно улажу я все это дѣло!» сказалъ дядюшка. «Бражкинъ человѣкъ мнѣ знакомый и старый пріятель. Только не мѣшай: вели давать обѣдать и подносить водку.» Проворный камердинеръ мой тотчасъ все приготовилъ. Нѣсколько штофовъ ерофеича привезено было изъ ближняго кабака; въ подвалѣ отыскалось много старинныхъ наливокъ, оставшихся послѣ покойнаго моего отца. Дядюшка въ полной мѣрѣ оправдалъ хорошее мнѣніе объ немъ. Къ вечеру до такой степени онъ напился самъ и на поилъ Бражкина, что они цѣловались съ нимъ, изъяснялись въ дружбѣ, общались быть крестовыми братьями, и, чтобы имѣть сосѣдомъ такого истиннаго

Друга, самъ Бражкинъ предложилъ мнѣ за мою деревню гораздо болѣе, нежели я хотѣлъ просить съ него. «Да, что долго думать!» восклицалъ онъ, на силу говоря отъ хмѣля. — «Денегъ что-ли у меня нѣтъ? Подайте сюда мою дорожную шкапу!» Онъ вынулъ изъ нея всю полную мнѣ уплату, а съ меня взялъ только росписку, что я продалъ ему мою деревню, и всѣ деньги получилъ сполна. «Ай, да братъ крестовый! Ай, да другъ любезный!» вскричалъ дядюшка, бросившись обнимать его. «Давай намъ еще, поздравить новаго сосѣда!... Еще давай, поздравить его съ покупкою!... Ну! ужь послѣдною!» — продолжалъ дядюшка. «Поздравимъ его съ продажею, а могоарычи запивать — милости просимъ завтра ко мнѣ!» Вскорѣ послѣ того Бражкинъ такъ опьянѣлъ, что его безъ чувствъ положили въ постелю, а дядюшку, который мнѣ уже ни на что болѣе не былъ надобенъ, велѣлъ я положить, также безъ памяти, въ коляску,

и отвезти домой. На другой день, условясь съ Бражкинымъ, на чье имя дать мнѣ довѣренность, для совершенія купчей, уѣхалъ я для этого въ городъ, обѣщаясь явиться обѣдать къ дядюшкѣ, но прислалъ съ человѣкомъ довѣренность, а самъ отозвался болѣзнію. Я не былъ свидѣтелемъ дальнѣйшихъ подвиговъ дяди и Бражкина; слышалъ только что и другой мой дядюшка явился на сцену, что всѣ трое друзей пили другъ у друга мертвую чашу нѣсколько дней. Однакожъ, Бражкинъ всякій день собирался домой. Начинали пить въ гостиной — на прощанье, въ лакейской — на проводы, на крыльцѣ пили уже послѣднюю. Потомъ, всѣ шли, весьма пошатываясь, подъ гору, провожать новаго сосѣда, и на полу-горѣ выпивали еще послѣднюю — что нибудъ заповѣдное. Пройдя чрезъ мостъ, самъ Бражкинъ, благодаря за угощеніе, подчивалъ друзей своимъ дорожнымъ. Оканчивалось тѣмъ, что онъ уже не могъ състь

въ коляску, и откладывалъ отъѣздъ свой до завтра. Такимъ образомъ подвизались весельчаки цѣлую недѣлю. Не понимаю, какъ они остались живы! Но за всѣмъ тѣмъ, я много обязанъ пьяницѣ, моему дядюшкѣ. Онъ мнѣ очень помогъ. Я заплатилъ всѣ долги; на остальные деньги купилъ, недалеко отсюда, небольшую деревню, гдѣ кое-какъ живу лѣто и зиму, въ смертельной тоскѣ и въ бесполезномъ раскаяніи о проказахъ прежней моей жизни.»

Пронскій еще нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ въ Липецкѣ. Часто, съ удивленіемъ, смотрѣлъ онъ на Чадскаго, и самъ себя спрашивалъ: «Неужели это тотъ отважный, неустрашимый Чадскій, съ которымъ онъ служилъ нѣсколько кампаній, котораго видалъ въ пылу сраженій презирающимъ всѣ опасности, и всегда молодцомъ, на лихомъ конѣ, впереди всѣхъ? Неужели это былъ тотъ храбрый, извѣстный въ арміи офицеръ

котораго называли рыцаремъ Баярдомъ?» думалъ Пронскій. «Можно-ли до такой степени, и во всѣхъ отношеніяхъ, перемѣниться?» Разсказавъ о плутовствѣ тещи и о подвигахъ пьяницъ, дядюшекъ своихъ, ни о чемъ болѣе не говорилъ Чадскій, какъ только о болѣзняхъ, о лекарствахъ, о лекаряхъ, разсказывалъ подробно, какіе онъ чувствуетъ припадки, и кто, чѣмъ, когда его лечилъ; далѣе разсуждалъ онъ о кушаньяхъ, которыя ему вредны, и боялся малѣйшаго сквознаго вѣтра. Наконецъ Пронскій не выдержалъ. «Помилуй, Александръ Андреевичъ! Тебя узнать не лъзя?» сказалъ онъ. «Что съ тобою сдѣлалось? Да, вспомни только кампанію 1812 года, вспомни нашу партизанскую жизнь: боялись-ли мы простуды? Разсуждали-ль мы тогда, какое кушанье вредно? Ёли, бывало, что попадется, и всегда были здоровы.» — Что дѣлать, братъ! Что было, то прошло — отвѣчалъ Чадскій. А теперь, вообрази

себѣ, недавно, не болѣе минуты просидѣлъ я на сквозномъ вѣтрѣ, и какую болѣзнь выдержалъ! Чуть было не умеръ. — Онъ немедленно сообщилъ, какъ началась болѣзнь, что онъ чувствовалъ, какъ его лечили, и проч. Разсказъ продолжался съ полчаса. Потомъ, съ такою-же подробностію, объявилъ онъ Пронскому, какъ страдалъ, съѣвши небольшой кусокъ жирной кулебяки. Пронскій съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него, пожалъ ему руку, и отошелъ отъ него.

Связь Его Сіятельства, Г-на отставнаго Каммергера, *Князя Бориса Ильича Фольгина*, съ кокеткою *Юліею Станиславовною Лелевою*, урожденною Польскою Графинею Смородницкою, продолжалась недолго, потому, что Его Сіятельство попалъ въ ея передѣлъ почти уже промотавшись. Юлія Станиславовна сдѣлала свое дѣло: развела его съ женою, взяла у него все, что могла, и ос-

тавила его. Теперь, Князь Фольгинъ добираетъ послѣднее. Онъ ведетъ слѣдующій образъ жизни: зимою играетъ, первое и главное дѣйствующее лицо на всѣхъ балахъ, распоряжаетъ танцами, и самъ, не смотря на то, что ему за 50-ть лѣтъ, часто отличается въ первой парѣ. При томъ устраиваетъ онъ домашніе спектакли, сюрпризы, шарады въ дѣйствіяхъ, живыя картины, и также не отказывается самъ выходить на сцену. Далѣе, участвуетъ онъ во всѣхъ знатныхъ или заказныхъ обѣдахъ, гдѣ собираются извѣстные, старые и молодые обѣдалы, славно пьетъ съ ними Шампанское, и курить трубку. Иногда принимаетъ онъ на себя званіе свата, и даже ролю забавника въ обществѣ, хотя въ наше время это большая рѣдкость. Но Его Сіятельство принадлежитъ не къ нынѣшнему столѣтію. Весною всегда выдумываетъ и слаживаетъ онъ пикники и прогулки за городъ. Лѣтомъ онъ присут-

ствуетъ ежедневно на искусственныхъ
 минеральныхъ водахъ, любезничаеть и
 морить со смѣха нѣкоторыхъ больныхъ,
 милыхъ дамъ; по вечерамъ всегда бы-
 ваетъ онъ на гуляньяхъ, и записывается
 въ лѣтніе члены Нѣмецкаго мѣщанскаго
 Клуба, гдѣ, по совѣтамъ его, бываетъ
 много чудесныхъ продѣлокъ. Осенью,
 Князь отправляется ѣздить по подмос-
 ковнымъ своимъ знакомыхъ, которые
 присылаютъ за нимъ экипажи, или для
 устройства праздниковъ, или для того,
 чтобы онъ забавлялъ ихъ, въ то время,
 когда они ѣздятъ съ собаками въ отъ-
 ѣзжемъ полѣ. Такимъ образомъ Князь
 Фольгинъ проводитъ полезную жизнь
 свою, забывъ, что у него жена и дѣти,
 которыхъ сдѣлалъ онъ несчастными. Но
 финансы его постепенно истощаются.
 Говорятъ, будто для поправленія себя,
 недавно вошелъ онъ въ дружественную
 связь съ Графинею Хлестовою. Объ эти
 особы другъ друга стоятъ, объ рав-

ныхъ достоинствъ, хотя и въ разнообразныхъ видахъ.

Добрая, несчастная *Княгиня Фольгина* получила тѣлесное облегченіе на *Липецкихъ водахъ*. Тамошній образъ жизни, хорошая погода и движеніе, много способствовали возстановленію ея здоровья; но никакія лекарства, никакія минеральныя воды не могутъ исцѣлить душевнаго недуга! По возвращеніи въ *Москву*, въ ту-же зиму, она скончалась. Многіе замѣтили странное стеченіе обстоятельствъ и рассказывали объ этомъ: *Княгиня Фольгина* умерла не только въ тотъ самый день, но почти въ тотъ самый часъ, когда мужъ ея, настоящій ея убійца, былъ на сценѣ въ благородномъ спектаклѣ, у *Князя Мериносова*, и игралъ ролю хорошаго супруга и добраго отца семейства.... Состояніе, уже довольно взрослыхъ, дѣтей *Князя* обезпечено: по совѣту *Свѣяжской*, не смотря на неоднократныя настоянія мужа и большія непріятности, мать оставила въ пользу дѣтей капиталъ

свой неприкосновеннымъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Сверхъ того, и Свіяжская, какъ намъ извѣстно, не забыла ихъ въ своей духовной. Но кажется, ничего путнаго ожидать не лзя отъ дѣтей Князя Фольгина. Яблочко недалеко ложится отъ яблони.

Евпраксія Іоновна, или, какъ всѣ почти называли ее, *Апельсина Лимоновна Фрындина*, подвизавшаяся съ такою славою на балѣ у Князя Фольгина, наконецъ, съ горестію, должна была сознаться сама себѣ, что время танцовъ, любезничанья и помышленія о женихахъ — рѣшительно и навсегда прошло дня нея! Но она нашла другія, весьма пріятныя занятія: на всѣхъ сердится, всѣхъ злословить, и позволяетъ себѣ говорить многимъ въ глаза самыя оскорбительныя колкости. Всѣ отдаляются отъ нея; однакожъ, и она встрѣчаетъ иногда сопротивницъ. Въ домѣ Графини Рогдаевой, которая жила долго въ Парижѣ, совер-

шаются иногда необыкновенныя въ Москвѣ чудеса. Къ ней собираются, не затѣмъ только чтобы играть въ карты, но pour faire la causerie (для разговоровъ). Всѣ садятся около большаго круглаго стола, и нѣсколько извѣстныхъ кумушекъ, въ соединеніи съ нѣкоторыми любезниками мужескаго пола, подвизаются со славою и успѣхомъ. Въ этѣхъ бесѣдахъ иногда сильно достается нашей *Апельсинъ Лимоновнѣ*. Правда, она, почти всегда, сама первая кидаетъ перчатку, и начинаетъ бой ума (assaut d'esprit); но, тѣснимая и атакуемая со всѣхъ сторонъ, тремя, или четырьмя, досужими язычками, она отгрызается, отвѣчаетъ на всѣ стороны, ратоборствуетъ съ мужествомъ противъ соединенныхъ на нее силъ; наконецъ стрѣлы ея остроумія притупляются — она выходитъ изъ терпѣнія, и начинаетъ просто ругаться. Но этого именно и хотятъ. Еще болѣе подгорячаютъ ее, она бѣсится, и всѣ помираютъ со смѣху. Сло-

вомъ: Графиня Рогдаева иногда нарочно приглашаетъ къ себѣ гостей на сіи состязанія, или, лучше сказать, на настоящія комическія сцены изъ Мольеровыхъ твореній. Многіе собираются наслаждаться такимъ спектаклемъ.

Мы упомянули о двухъ сестрахъ *Весталковыхъ*, у которыхъ провела Софья нѣсколько дней, во время отсутствія Свѣяжской изъ Москвы. Одна изъ нихъ вскорѣ умерла; оставшаяся въ живыхъ получила въ свою собственность домъ, и капиталъ, принадлежавшій обѣимъ, и наконецъ успѣла тронуть драгунское сердце Капитана Кохтина. Онъ женился на ней; но вскорѣ супруга его весьма раскаялась въ упорномъ домогательствѣ своемъ выйдти изъ дѣвическаго состоянія, и быть Капитаншею Кохтиною. Мужъ ея, человѣкъ брюзгливаго и нетерпѣливаго характера, въ горячахъ и въ пьянствѣ, что съ нимъ бываетъ всякій день, бьетъ ее по щекамъ и таска-

етъ за волосы. Сверхъ того, онъ пропилъ большую часть ея капитала. Со слезами Г-жа Кохтина вспоминаетъ прошедшее время. Хотя прежде ежедневно бранилась она съ милою сестрицею, но все прежняя жизнь ея была рай въ сравненіи съ нынѣшнею. *Тартюфовъ* ходитъ иногда къ ней, по вечерамъ, пьетъ чай, злословитъ всѣхъ по прежнему; но чаще всего бранитъ вмѣстѣ съ нею, на досугѣ, мужа ея — разумѣется, когда Капитана нѣтъ дома, а то — онъ шутитъ не любить! У него недолго и самому Г. Тартюфову полетѣть прямо въ окошко.

Кирбитова чрезвычайно полюбила *Свѣ-
яжскую*, и, по ея приглашенію, совсѣмъ переѣхала къ ней жить. Примѣръ этой старой дѣвушки можетъ служить доказательствомъ, что не выходя за-мужъ, и имѣя весьма ограниченное состояніе, можно прожить спокойно и благополучно, потому, что счастіе зависитъ именно отъ насъ самихъ.

Рубакинъ, послѣ двухъ, или трехъ попоекъ, въ родѣ описанной нами, окончилъ достопамятную жизнь свою, а сынъ его, *Боринька*, котораго онъ, какъ-то въ пьянствѣ неосторожно ударилъ, зачахъ, и еще при жизни отца умеръ. Жена *Рубакина*, молодая, прекрасная собою женщина, отдохнула послѣ его смерти, здоровье ея поправилось, свѣжесть и хорошій цвѣтъ лица ея возвратились. Супругъ ея, раскаяваясь передъ смертію въ дурныхъ поступкахъ своихъ противъ нея, отдалъ ей, по духовной, большую часть имѣнія, и она вскорѣ вышла замужъ за одного добраго, небогатаго дворянина; однакожъ напередъ увѣрившись, что онъ не пьетъ, не только водки и пуншу, но даже никакого вина, наливокъ и пива, а употребляетъ только квасъ. Они живутъ до сихъ поръ очень счастливо.

Храбренько, въ послѣднюю кампанію съ Турками, отличился нѣсколько разъ съ своимъ эскадрономъ. Онъ былъ уже Под-

полковникомъ, имѣлъ Георгіевскій крестъ, и въ одномъ сраженіи кончилъ жизнь, такъ, какъ ему всегда хотѣлось. Непріятельская пуля, попавшая ему прямо въ сердце, исключила его изъ списковъ.

Варвара Осиповна Столицына, о которой мимоходомъ упомянули мы, пріобрѣла всеобщую извѣстность въ Москвѣ — необыкновенною методою воспитанія дѣтей своихъ. У нея человѣкъ 14-ть обоего пола. Она не держитъ у себя ни гувернантокъ, ни учителей, ни дядекъ, но — вотъ какъ распоряжается: съ 10-ти часовъ утра сажаетъ нѣсколько дѣтей въ карету, и отправляется по знакомымъ домамъ, оставляетъ, гдѣ двухъ, гдѣ трехъ, и возвращается домой за новымъ транспортомъ, съ которымъ ѣдетъ куда нибудь обѣдать, поминаетъ ихъ тамъ, и вновь, на вечеръ или на балъ, беретъ съ собою еще нѣсколько. Иные подумаютъ, что все это дѣлается за тѣмъ, чтобы доставить дѣтямъ удовольствіе потанцовать и побыть

въ обществѣ. Совсѣмъ напротивъ, и, вѣрно, никто не отгадаетъ. Столицына беретъ дѣтей своихъ за тѣмъ, чтобы они сидѣли и мерзли въ каретѣ, пока она веселится, поетъ, играетъ въ мушку, или отличается на фортепіано. Тѣ, кому извѣстенъ обычай ея, велятъ бѣдныхъ малютокъ выносить изъ кареты, кормить и класть спать. Часто попечительная маменька забываетъ сама, гдѣ котораго изъ дѣтей оставила, и на другой день, утромъ, разсылаетъ людей отыскивать ихъ. Многіе спросятъ можетъ быть: «Да что-же мужъ ея?»... Но такой нескромный вопросъ способны сдѣлать только тѣ, кому неизвѣстно, что Г-нъ Столицынъ имѣетъ свои собственныя, весьма нешуточные занятія: бываетъ всякій день въ Театрѣ, въ Англійскомъ Клубѣ, знакомъ съ Актрисами, Русскими, Французскими, Нѣмецкими. Именно, по такимъ важнымъ причинамъ, ему точно *никогда* заняться вздоромъ — семействомъ своимъ, и супруга

его продолжаетъ съ успѣхомъ необыкновенный, собственной ея выдумки, курсъ воспитанія дѣтей въ каретѣ. Но самъ Богъ помощникъ этимъ, можно сказать, сиротамъ! Не смотря на кочевую жизнь, они очень милы, скромны, и сами собою пріобрѣли нѣкоторыя познанія, пользуясь уроками, при которыхъ присутствуютъ въ домахъ, гдѣ оставляетъ ихъ маменька.

Фіона Павловна Фіалкина, показавшая столь удачно необыкновенныя дарованія свои, въ разсказѣ сцены Княгини Рамирской съ дворянкою Простодушиною, хотя имѣла счастливую способность замѣчать смѣшное, очень кстати надъ всѣми подшучивать и искусно всѣхъ передражничать, но кончила тѣмъ, что состарѣлась въ дѣвкахъ. Всѣ женихи отдалялись отъ нея, потому, что въ семейной жизни всѣ милыя способности Фіалкиной совсѣмъ безполезны. «Нѣтъ! она слишкомъ ловка и остра,» говорили женихи, и искали себѣ женъ въ другихъ семействахъ. Бѣд-

ная Фіона Павловна постарѣла, подурнѣла, пожелтѣла, злилась на всѣхъ, отъ слабости нервъ и разстроеннаго здоровья нерессорилась съ больными, возстановила противъ себя пріятельницъ и знакомыхъ, прежде невинными и остроумными шутками, обратившимися, въ послѣдствіи времени, въ настоящее злословіе. Послѣ смерти матери, продала она доставшуюся ей часть имѣнія и переселилась въ Москву. Но и тутъ ей неслосная скука, которая распространяется на всѣхъ, съ кѣмъ она иногда видается. Говорятъ, что теперь собирается она въ Кіевъ, съ намѣреніемъ вступить въ монастырь и посвятить дни свои Богу. Можетъ быть, наконецъ примирится она сама съ собою и успокоится.

Предсказаніе въ разсужденіи *Недосчета* совершилось. Чудесными своими расчетами и оборотами, онъ обратилъ все большое свое имѣніе, въ самое короткое время, почти въ ничто! Теперь, съ большою ловкостію, онъ въ *Тришкиномъ каф-*

тантъ щеголяетъ (Басня Крылова). Ему также весьма способствовалъ нарядиться въ кафтанъ этотъ одинъ знаменитый шарлатанъ, который гласно всѣмъ возвѣщалъ о познаніяхъ своихъ въ Земледѣліи и необыкновенныхъ доходахъ отъ плодоперемѣннаго посѣва, который, какъ онъ утверждалъ, по сдѣланнымъ имъ опытамъ, надобно разделить на число полей даже вдвое болѣе, нежели въ чужихъ краяхъ. Недосчетовъ, вмѣстѣ съ другими, попался въ передѣлъ шарлатана. Онъ повѣрилъ несообразнымъ ни съ чѣмъ обѣщаніямъ его, далъ значительную сумму на заведеніе какого-то мнимаго Опытнаго Хутора, чтобы черезъ то распространить въ общее употребленіе систему плодоперемѣннаго хозяйства. Кончилось тѣмъ, что шарлатанъ воспользовался легковѣріемъ Недосчетова и ему подобныхъ, ничего не завелъ, но присвоилъ себѣ данныя ему деньги. Потомъ вздумалось Недосчетову поправить дѣла свои винными откупамъ.

Не имѣя понятія о мѣстномъ положеніи Россіи, далъ онъ значительную наддачу на невыгодные города. Это довершило не только собственное его раззореніе, но онъ вовлекъ еще въ убытки многихъ родныхъ, которые, желая помочь ему, давали свои залогѣ.

Заживинъ торжествуетъ, ставитъ Недосчетовъ въ примѣръ вреда отъ нововведеній въ хозяйствѣ, и рѣшительно не хочетъ дѣлать никакихъ переменъ въ своихъ деревняхъ. Но онъ не умѣетъ обратить вниманія на то, отъ чего мужики его пришли въ нищету, не размыслить, что во всякомъ случаѣ должно избѣгать крайностей; и что ежели не все прелестно новое, то также и не все превосходно старое.

Атѹевъ нашель наконецъ то, до чего давно добивался. Въ отъѣздѣ полѣ, верстѣ за 200-ти отъ своего дома, скакаль онъ во весь опоръ за лисицею, лошадь его споткнулась, и онъ сломилъ

себѣ шею, и вскорѣ потомъ кончилъ жизнь. Жена прежде любила его, но удостовѣрившись въ послѣдствіи времени, что онъ гораздо болѣе привязанъ къ собакамъ, нежели къ ней, и къ дѣтямъ, весьма равнодушно перенесла извѣстіе о смерти мужа, вступила въ управленіе имѣніемъ, и привела все въ порядокъ. Но она чувствуетъ какое-то невольное отвращеніе и ужасъ къ собакамъ, не можетъ видѣть ихъ равнодушно, и полагаютъ, что это останется у нея на весь вѣкъ.

Тріумвиратъ братьевъ *Князей Старовѣковыхъ* представленъ нами въ доказательство, что еще не совсѣмъ истребились слѣды нравовъ и злоупотребленій, противъ коихъ возставали, и которыя предавали посмѣянію — лѣтъ за 50-тъ тому назадъ. До сихъ поръ продолжаютъ Старовѣковы поступать, какъ прежде, и вести тотъ-же образъ жизни, какой нами описанъ. Къ этимъ тремъ братьямъ примѣнить можно, хотя и не

совсѣмъ, но въ миниатюрѣ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, извѣстный стихъ: Oh Fortune! à quels monstres as-tu livré la terre (о Счастіе! какимъ чудовищамъ предало ты вселенную)!

Маргарита Савишняя Розочкина къ несчастію, нарушила клятву, данную ею Музамъ — никогда болѣе не сочинять стиховъ! Она пошла писать по прежнему, Охота ея читать свои произведенія усилилась въ высшей степени, такъ, что она отвадила отъ себя всѣхъ сосѣдей, надоѣдая имъ своимъ чтеніемъ. Къ ней перестали ѣздить, но она сама преслѣдовала всѣхъ, путешествовала по гостямъ, и читала встрѣчному и поперечному. Всѣхъ тетрадей возить съ собою ей было невозможно; но, къ несчастію ея слушателей, у нея была большая память, и она наизусть могла читать часа два свои стихи. Наконецъ отъ нея стали бѣгать, какъ отъ чумы. Кто-то ей сказалъ въ это время, что Мольеръ читы-

валъ свои сочиненія кухаркѣ, желая по грубой ея физіогноміи судить, какое сдѣлають они впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ, Розачкина призываетъ ежедневно свою ключницу, Улиту, читаетъ ей стихи свои, смотритъ ей въ лицо, хотя и ничего не замѣчаетъ, кромѣ сонныхъ глазъ. Впрочемъ, всякій разъ, когда она спрашиваетъ у Улиты: «Хорошо-ли?» Улита отвѣчаетъ: «Ужъ такъ-то хорошо, матушка, что *на́ пади!* — Ободренная такою похвалою, Розачкина посылала нѣсколько своихъ стихотвореній къ Журнальстамъ, и очень сердилась, не видя ихъ напечатанными; потомъ писала она къ нѣкоторымъ изъ Журналистовъ бранныя письма, которыя оставались безъ всякаго отвѣта.

Праволовъ (сынъ) проигралъ много процессовъ въ высшихъ инстанціяхъ, но и за тѣмъ, по всѣмъ почти деревнямъ, оставленнымъ ему покойнымъ папенькою, идутъ у него тяжбы, и ему предстоитъ

много дѣла; прекращать-же миролюбиво онъ никакъ не хочетъ.

Судьба Змѣйкина, который былъ первымъ виновникомъ бѣдствій несчастнаго Аглаева, намъ извѣстна. Достойный его сподвижникъ, Вампировъ, воспользовавшись имѣніемъ Аглаева, хотѣлъ было, пораженный примѣромъ Змѣйкина, остановить подвиги свои, и поселиться въ благопріобрѣтенномъ Пріютовѣ; но какъ-то тяжело было ему жить въ домѣ двухъ покойниковъ, и совѣсть что-то напоминала ему. Семейная картина, поступившая къ нему, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, и на которой были представлены оба, мужъ и жена, держащіе на рукахъ малютку дочь, казалась несносною Вампирову. Лица супруговъ оживотворены были молодостію, свѣжестію, здоровьемъ, счастіемъ.... Онъ всякій разъ отворачивался отъ этой картины; наконецъ велѣлъ снять ее со стѣны и отнести въ кладовую. Долго оста-

ваться въ Пріютовѣ онъ не могъ, уѣхалъ оттуда, и принялся за прежнее ремесло. Въ Москвѣ жить было ему запрещено; но онъ поднялся на штуки: нанялъ гдѣ-то по близости дачу въ Московскомъ уѣздѣ, не въ чертѣ города, и являлся въ Москву въ дорожномъ экипажѣ, въ коляскѣ, четвернею рядомъ, чтобъ имѣть оправданіе, что онъ не живетъ, а только проѣздомъ въ городѣ. Впрочемъ, ему еще удобнѣе трудиться на дачѣ, и агенты его привозятъ ему много охотниковъ. *Taut va la cruche à l'eau, qu'enfin elle se brise.... Pas si bête.* Поводился кушинъ по воду ходитъ, тамъ ему и голову сломить. — «Не совсѣмъ глупо!» отвѣчалъ Фигаро. И очень-бы не глупо было, ежели-бы всѣ кувшины такого рода ломали себѣ головы; но, нѣтъ: еще много видимъ мы ихъ въ добромъ здоровьѣ и благоденствіи....

Репейкинъ, отъ нестерпимой скуки въ Москвѣ, уѣхалъ въ чужіе края, но пи-

шетъ оттуда, что и тамъ ему смертельная тоска. Что-жъ ему дѣлать, бѣдному?

Наконецъ, среди толпы бездушныхъ, безсовѣстныхъ, глупыхъ и сумасбродныхъ людей, отдыхаетъ сердце при воспоминаніи о *Радущинѣ*. Онъ продолжаетъ постоянно стремиться къ избранной имъ цѣли—быть полезнымъ человѣчеству. Не смотря на глубокую старость, онъ сохранилъ разсудокъ, память и веселость того рода, о которой написалъ цѣлую книгу *Каракчіоли*. (*De la gaieté. Caraccioli*).

Когда *Софья* пріѣхала къ нему съ своимъ мужемъ, онъ, цѣлуя руки ея и смотря на нее съ удовольствіемъ, сказалъ: «Невѣрная! вѣроломная! измѣнила своему старинному жениху, и какому-же? Такому молодцу, какъ я! — Такъ это мой соперникъ? это мой врагъ? прибавилъ онъ, обнимая *Пронскаго*. — «И его ты предпочла мнѣ?.... Но, что съ вами дѣлать! Такъ и быть.»

«Chérissons le rival, qui peut nous surpasser.

«Montrez—moi mon vainquer, et je cours l'embrasser.

(Полюбимъ соперника, который можетъ превзойти насъ. — Укажите мнѣ побѣдителя моего, и я поспѣшу его обнять).—

Прошу васъ полюбить меня, любезный Николай Дмитріевичъ! Хотя супруга ваша измѣнница, но за всѣмъ тѣмъ отъ души можно васъ поздравить. Да, и объ васъ самихъ, такъ много слышаль я дурнаго....

Сердце радуется, когда увидишь подобную парочку негодныхъ людей, вамъ подобныхъ. Слухомъ земля полнится. Дай Богъ, чтобы побольше было такихъ недостойныхъ и несчастныхъ супружествъ, каково ваше! Какъ много я вамъ благодаренъ, что вы не забыли старика, и дали посмотрѣть на себя! — прибавилъ онъ. — «Надолго-ли явились вы къ намъ въ Москву?» — Мы пріѣхали сюда проводить тетушку Прасковью Васильевну — отвѣчалъ Пронскій. — «Свіяжскую?» сказалъ Радушинъ. «Какъ мнѣ досадно, что

я давно не видалъ этой почтенной женщины! Мы, въ молодости нашей, были съ нею знакомы. Я часто ѣзжалъ въ домъ къ ея добродѣтельному отцу.» — Тетушка очень часто объ васъ вспоминаетъ — сказала Софья — и очень-бы желала возобновить прежнее знакомство съ вами. — «Я самъ буду этому очень радъ.... Вы у нея остановились?» — У нея. — «Ну, такъ завтра-же я вашъ гость.» — На другой день Радушинъ пріѣхалъ къ Свіяжской. Такого рода люди тотчасъ понимаютъ другъ друга, и способны скоро сблизиться. Съ тѣхъ поръ они почти всякій день видаются.

Графъ Ѳедоръ Степановичъ Клешнинъ часто страдалъ подагрою; однакожь, она не препятствовала ему хорошо кушать, и, не смотря на напоминанія сестрицъ своихъ, онъ часто объѣдался. Однажды, великій геній, поваръ его, Французъ, *M. etroitisseur*, торжественно представилъ къ обѣду Графскому вновь из-

обрѣтенный имъ соусъ, въ составъ котораго входили устрицы, анчоусы, трюфели, Лимбургскій сыръ, и проч. Графъ Клешнинъ былъ въ полномъ восторгѣ, хвалилъ геній изобрѣтателя, и находилъ очень несправедливымъ, что поварамъ не даютъ такихъ-же привиллегій, какъ на другія новыя изобрѣтенія. Онъ скушалъ двѣ полныхъ тарелки соуса, и запилъ бутылкою С. Пере, присланнаго ему на славу; потомъ, послѣ кофе, выпилъ три рюмки разныхъ Французскихъ ликеровъ, для пробы. Все это вмѣстѣ имѣло такое дѣйствіе, что не нужно было болѣе повару его изощрять воображеніе свое на новыя изобрѣтенія. Графъ Клешнинъ, войдя въ кабинетъ свой, упалъ на полъ, и ни разу не вздохнулъ — ударъ былъ прямо въ голову, и въ одно мгновеніе все кончилось! Но душа его должна была успокоиться на томъ свѣтѣ. Послѣ его смерти все шло своимъ порядкомъ, и всѣ церемоніи сохранены были въ точности.

Похороны его были великолѣпныя; множество билетовъ было разослано по Москвѣ. Ордена его несли на бархатныхъ подушкахъ. Жена и сестры, въ должныхъ костюмахъ, ѣхали въ каретѣ за Графскимъ гробомъ. Трауръ носили онѣ, какъ по обычаю предназначено. Словомъ: ничего не было упущено изъ вида для чести Графа Ѳедора Степановича Клешина.

Наконецъ, давнишнее желаніе и мечты супруги его свершились. Она была вдова и законная опекунша надъ сыномъ своимъ, у котораго послѣ отца, какъ полагала она, осталось большое имѣніе. Она сдѣлала уже планы о томъ, какъ ей выгнать, или какъ нибудь выжить изъ дома несносныхъ старухъ, золовокъ своихъ. Но, чтобы сохранить приличіе, рѣшилась она до шести недѣль ни во что не вступаться, и оставить домашнее хозяйство, по прежнему, въ ихъ распоряженіи.

По прошествіи этого времени, объявила она въ Газетахъ, съ душевнымъ прискорбіемъ, о кончинѣ супруга своего, Г. Генераль-Лейтенанта и разныхъ Орденовъ Кавалера, Графа Ѳедора Степановича Клешина, съ тѣмъ, чтобы всѣ тѣ, кто ему должны, или кому онъ состоитъ долженъ, явились-бы, первые съ уплатою, а послѣдніе для полученія слѣдующаго имъ удовлетворенія. Послѣ публикаціи, желая постепенно привести въ исполненіе планъ свой, выжить изъ дома золовокъ, начала она обходиться съ ними съ нѣкоторымъ высокомеріемъ. Но, къ счастію, добрыя старушки ничего не замѣтили; да имъ, впрочемъ, и въ голову не могла войти такая дерзость, потому, что имъ было извѣстно, что въ скоромъ времени — увы! — обнаружилось и самой неутѣшной вдовушкѣ, покойному Графу никто не былъ долженъ, а его долги простирались до такой степени, что превышали, можетъ быть, вчетверо то,

чего стоило все его имѣніе. Бѣдная, обманутая въ надеждахъ своихъ Графиня, по совѣту многихъ дѣловыхъ людей, рѣшилась отказаться отъ всего имѣнія Графскаго и предоставить кредиторамъ. Все пошло въ конкурсъ, и продано съ аукціоннаго торга. Кредиторы получили удовлетворенія — менѣе 20-ти копѣекъ на рубль. Однакожъ, Молчалинъ, какъ главный кредиторъ, скупивъ, еще при жизни Графа, много векселей его за безцѣнокъ, имѣлъ возможность благопріобрѣсть лучшую его деревню, 500 душъ въ одномъ мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ Молчалинъ сталъ казаться Графинѣ совсѣмъ не столь безобразнымъ, какъ прежде. Мысль, что онъ совсѣмъ не дурень собою, утвердилась въ ней еще сильнѣе при новомъ открытіи. Домъ въ Москвѣ, подмосковная, и довольно значительное имѣніе остались неприкосновенными, потому, что все принадлежало старушкамъ, ея золовкамъ. Узнавъ объ этомъ, она совершенно пере-

мѣнила обращеніе свое съ ними, была ласкова, предупреждала всѣ желанія ихъ, услуживала имъ, и даже пользовалась всякимъ случаемъ цѣловать ихъ ручки. Но вскорѣ за ними опять чувства душевной привязанности и уваженія къ нимъ нѣсколько охладѣли. Старушки объявили, что по смерти ихъ, хотя все имѣніе достанется сыну Графа, но онъ сдѣлалъ духовную, въ которой, по убѣдительной просьбѣ покойнаго своего брата, отстранили Ея Сіятельство отъ управленія, а назначили душеприкащикомъ своимъ и попечителемъ надъ ея сыномъ, крестнаго отца его, Князя Антона Александровича Чванкина, а опекуномъ, по волѣ и настоянію покойнаго братца, истиннаго друга его, извѣстнаго ему преданностію и познаніями въ дѣлахъ, Захара Петровича Молчалина. Самъ онъ подтвердилъ Графинѣ сію роковую вѣсть, и показалъ черновую духовную, писанную собственною его рукою. Послѣ того Молчалинъ пока-

зался Графинъ совершеннымъ красавцемъ. Она употребила все свое искусство, стараясь плѣнить его, и — достигла своей цѣли. Отложила бракосочетаніе до смерти старухъ, которымъ, вѣроятно, союзъ Молчалина и Графини не могъ-бы понравиться. Добрыя старушки были милосерды, и не заставили долго томиться. Въ продолженіе одного года, обѣ онѣ отправились на тотъ свѣтъ, и вскорѣ послѣ ихъ похоронъ, Ея Сіятельство, Г-жа Генераль-Лейтенантша, Графиня Наталья Васильевна Клешина, обратилась въ *Титулярную Совѣтницу Молчалину*. Но молодой супругъ ея вступилъ уже въ службу, и, со всею достовѣрностію, предполагать должно, что онъ будетъ все ползть, да ползть, да бить челомъ, и, наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ доползетъ до степени извѣстнаго чело-
вѣка. Примѣровъ такихъ много.

Видостановъ, послѣ смерти отца своей жены, получилъ слѣдовавшее ей наслѣд-

ство, деревню, назначенную еще при ея помолвкѣ. Онъ уплатилъ долги свои, и хорошо устроилъ себя; но потеряннаго здоровья жены уже ничѣмъ возвратить онъ не могъ. Часто говоритъ онъ, что «пора уже ввести въ употребленіе въ Россіи, такъ, какъ въ чужихъ краяхъ — писать контракты прежде совершенія брака.—Ежели-бы это было у насъ заведено, то не претерпѣлъ-бы я столько горя, и жена моя сохранила-бы свое здорье!» прибавляетъ Видостановъ.

Графиня Ладрони, поручивъ сыновей своихъ великодушію Свіяжской, не долго жила послѣ того. Дѣти ея скоро были произведены въ офицеры. Меньшій убитъ въ послѣднюю кампанію съ Турками, а старшій, видный, прекрасный собою молодой человѣкъ, украшенный знаками отличія, пріѣзжалъ недавно въ отпускъ къ благотельницѣ своей Свіяжской. Онъ очень понравился старушкѣ, и даже входило было ей въ гулову

женить его на сиротѣ, молодой Княжнѣ Фольгиной. Но данное ею самой себѣ честное слово, не вмѣшиваться въ такіа дѣла, удержало ее. При томъ-же, и происхожденіе *Италіано-Россійское* Графа Ландрони, соединеннаго съ дочерью отца, по роду хотя Рускаго, но по нравственности принадлежащаго къ Французамъ *прошедшаго столѣтія*, не предвѣщало ничего хорошаго. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло и безъ Свѣяжской обойдется. Молодые люди очень умильно посматриваютъ другъ на друга.

Оба *Рифейскіе*, дядюшки Софьи, продолжаютъ жить по прежнему. Одинъ находится во враждебномъ и мятежномъ отношеніи съ своею супругою; другой во всепокорнѣйшемъ и всепослушнѣйшемъ положеніи у милой своей половины. Оба жалуются на судьбу свою; оба почитаютъ себя несчастливými! Но что-жъ имъ дѣлать? Терпѣть, и въ утѣшеніе свое повторять, вмѣстѣ съ Мольеромъ: «Ah!

que je.... Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin, vous l'avez voulu, cela vous sied fort bien, et vous voilà ajusté comme il faut, vous avez justement ce, que vous méritez. (Ахъ! еслибы я.... Тебѣ хотѣлось этого, тебѣ хотѣлось этого, Жоржъ Данденъ, тебѣ этого хотѣлось, и тебѣ это очень пристало, ты отдѣланъ какъ надобно, и ты стоишь того, что получилъ)!

Шиканенковъ выгнанъ изъ Петербурга за необыкновенный, хотя и весьма выгодный, лично для него, способъ ходатайства по тяжёбнымъ дѣламъ. Слѣдовательно: эта отрасль *промышленности* пока уничтожилась въ самомъ началѣ. Но тщетны всѣ усилія остановить ходъ изобрѣтательнаго ума людей этого рода! Пока общая нравственность останется въ нынѣшнемъ положеніи, промышленность *Шиканенковыхъ* найдетъ себѣ пути и каналы.

Эльмиринъ продолжаетъ службу, съ

усердіемъ и честію. Онъ получаетъ, по всей справедливости, частыя награжденія, и вѣроятно, будетъ наконецъ занимать важное мѣсто. Для насъ, частныхъ людей, вѣсть о возвышеніи чиновниковъ, подобныхъ Ельмирину, дѣлаетъ большое удовольствіе. Мы, отставные, совершивъ долгъ нашъ, послуживъ Царю и отечеству, и сойдя со сцены, желаемъ единственно только того, чтобы провести мирно и спокойно, подъ покровительствомъ законовъ, остатокъ дней нашихъ. Мы отъ всей души говоримъ: «Дай Богъ счастья добрымъ и благонамѣреннымъ людямъ! Дай Богъ, чтобы они сдѣлались скорѣе извѣстными Царю нашему!» Къ этому присоединяемъ мы еще желаніе, чтобы помощь Божія подкрѣпила такихъ людей шествовать неизмѣнно и непоколебимо стезею чести и добродѣтели, и чтобы при томъ всегда имѣли они въ виду непостоянство и неблагонадежность фортуны; слѣдовательно, чтобы они не

забывали, ежели имъ самимъ должно будетъ когда нибудь вступить въ наше сословіе, частныхъ людей, что, право, тяжело тогда встрѣтиться съ тѣми, кого нѣкогда притѣснили, или кому оказали мы несправедливость; но что, напротивъ, ежели мы исполнили обязанность свою, какъ должно, то спокойная совѣсть и общее уваженіе людей благомыслящихъ ожидаетъ насъ въ нашемъ, частномъ кругу.

Велькаровъ рѣшился, для поправленія дѣлъ своихъ и уплаты долговъ, построить большой свекловичный заводъ; но сдѣлалъ прежде опыты надъ свекловицею, и увѣрился, что грунтъ земли у него для этого способенъ. Притомъ, обозрѣлъ онъ, лично самъ, лучшіе, существующіе у насъ въ Россіи свекловичные заводы. Но не удовольствовавшись и симъ, дѣлалъ опыты, прежде въ маленькомъ видѣ, и по пріобрѣтеніи познаній и личной опытности, предпринялъ устро-

ить у себя свекло-сахарный заводъ, въ твердой увѣренности, что заведеніе такого рода, въ нынѣшнее время, весьма выгодно. Дай Богъ успѣха честному человеку, который хочетъ трудиться, чтобы свергнуть съ себя тягостное бремя долговъ! Только что-то сомнительно: надобно вспомнить, сколько предметовъ у насъ возвышалось, и потомъ скоро упадало: кунжутное масло, селитра, суконныя фабрики, паровые винокуренные заводы, мериносы, винныя откупы.... Теперь свекловичные заводы и бумагопрядильныя фабрики процвѣтаютъ. Посмотримъ, что дальше будетъ.

Графъ Галганскій, по отъѣздѣ Софьи изъ Петербурга, успѣлъ уже въ четырехъ влюбиться; но не получено еще извѣстія, чтобы онъ женился. Впрочемъ, сомнѣваться нѣчего: онъ соединится законнымъ бракомъ, наживетъ дѣтей и будетъ благоденствовать. Хемницеръ сказалъ:

Ты къ счастью, кажется, на свѣтъ не рожденъ.
Ты честенъ и уменъ!

Но это восклицаніе не относится къ
Графамъ Галганскимъ. Они—счастливы....

Жокондовъ чрезвычайно скучаетъ у себя въ деревнѣ. Разумѣется, бывъ предупрежденъ Миссъ Клокъ о неудачѣ своей, онъ болѣе не осмѣливался пріѣзжать въ домъ Князя Рамирскаго. По ея-же предостереженію, онъ старается избѣгать свиданія съ Княземъ, и даже, когда въ прогулкахъ своихъ издали увидитъ его, тотчасъ отправляется въ сторону и спѣшитъ домой. Пршрое льто былъ онъ въ Липецкѣ, гдѣ, можетъ быть, сыигралъ-бы ролю не хуже *Барона Вольмара*; но *Графини Лелевы* (все это дѣйствующія лица въ комедіи: *Липецкія воды*, соч. Князя А. А. Шаховскаго, а не живые портреты — просимъ припомнить) не имѣютъ теперь надобности предпринимать столь дальнія путешествія. Жокондовъ собирается на буду-

щее лѣто въ Москву, къ тамошнимъ, искусственнымъ, минеральнымъ водамъ.

Лукавина, которая, вмѣстѣ съ тонкимъ плутомъ Фрипоненковымъ, сдѣлала заговоръ обокрасть легковѣрнаго, несчастнаго Аглаева, и такъ удачно привела въ исполненіе планъ свой, была въ душѣ увѣрена, и всѣмъ говорила, что она трудится, во всемъ себѣ отказываетъ, хлопочетъ, для дѣтей, и совершенно посвящаетъ себя дѣтямъ, которыя составляютъ все ея блаженство въ здѣшнемъ мірѣ. Для нея самой—прибавляла она—надобно очень немного, и ежели она старается присовокуплять, то именно для дѣтей, чтобы имъ оставить кусокъ хлѣба. Хотя кусокъ, доставшійся трудами ея отъ стараго Аглаева, былъ такъ великъ и тяжелъ, что она могла имъ подавиться; при томъ-же, и средства, употребленныя ею для пріобрѣтенія этаго куска, были не весьма благонадежны, и успѣхъ оправдался только тѣмъ, что

ей попался въ передѣль безсчетный про-
 стакъ, неопытный Аглаевъ. Она очень
 многимъ рисковала. Но родительская
нѣжность можетъ подвигнуть ко всѣмъ
 возможнымъ *пожертвованіямъ*. Добрые,
 пекущіеся о благѣ дѣтей своихъ родите-
 ли, способны подвергнуться величайшимъ
 опасностямъ — безславію, подавленію въ
 себѣ всѣхъ чувствъ хорошей нравствен-
 ности, нарушенію обязанности Христі-
 анина, и забвенію того, что всякій дол-
 женъ нѣкогда предстать предъ престо-
 ломъ Божіимъ и отдать отчетъ въ дѣ-
 ланіяхъ своихъ. Въ примѣръ и доказа-
 тельство тому могутъ быть представ-
 лены лихоимцы, ябедники, ростовщики,
 и множество такого рода разбойниковъ,
 плутовъ и нравственныхъ душегубцевъ,
 подъ разными наименованіями и въ раз-
 личныхъ видахъ. Почти всѣ они *тру-*
дятся именно для дѣтей, отказываютъ
 себѣ во всемъ, цѣлую жизнь, можетъ
 быть, ѣдятъ однѣ пустыя щи и пьютъ

кислый квасъ, за тѣмъ, чтобы дѣти ихъ кушали стерлядей и запивали Шампанскимъ.

Еще повторимъ: Лукавина ограбила Аглаева для дѣтей, и они съ отличною признательностію вознаградили ея хлопоты. Бывъ безпрестанно озабочена самою главною потребностію для благополучія дѣтей, т. е. составленіемъ для нихъ *куска хлѣба*, она не занималась вздоромъ — воспитаніемъ и нравственнымъ ихъ образованіемъ. Къ единственной дочери своей, Лелинѣ, взяла она *матушку-мадамъ*, прибывшую изъ Парижа, можетъ быть, прямо изъ Пале-Рояля. «Это не мадамъ, а чудо,» говорила Лукавина всѣмъ своимъ знакомымъ. «За нею не смотри. Самъ Богъ послалъ мнѣ такое сокровище. Ей можно дѣвушку повѣрить — такъ она внимательна, такъ заботится о Лелинѣ!» И въ самомъ дѣлѣ, Мадамъ ежедневно, въ присутствіи маменьки, хвалила необыкновенную способность дочери къ ученью,

быстрые успѣхи въ наукахъ, кротость нрава, доброту сердца. Съ восторгомъ цѣловала маменька чудесную дочку. Разныя бездѣлицы скрывала отъ нея Мадамъ для собственныхъ своихъ выгодъ, а всего болѣе для того, чтобы не обезпокоить и не оскорбить чувствительнаго сердца нѣжной маменьки. Она не сказывала, что милая Лелинька упряма, своевольна, капризна, лѣнива, и рѣшительно ни къ чему, кромѣ танцевъ, не способна. Но, по несчастію, не долго оставались сокровенными достоинства Лелиньки; самый опытъ обнаружилъ ихъ въ полномъ блескѣ. На одномъ дѣтскомъ балѣ, Лелинька, дѣвочка лѣтъ 13-ти (а въ наше время и съ нашимъ воспитаніемъ, дѣвушки рано *формируются*), въ котильонѣ перебрала нѣсколько молодыхъ людей, приглашенныхъ хозяйкою, такъ, *изъ любопытства* только, чтобы посмотреть на танцы дѣтей. Она имѣла право выбирать, почти со всѣми перевальсировала, и въ усталости, вся

въ поту, подошла къ столу въ гостинной, гдѣ была приготовлена большая кружка лимонада со льдомъ, для одной пожилой дамы, которая ничего иначе пить не могла. Лелинька схватила эту кружку. Тщетно уговаривала ее Мадамъ, и выхватила у нея питье. Лелинька взбѣсилась, наговорила ей при всѣхъ грубостей, и даже съ досады заплакала. Мадамъ угрожала ей, что пожалуется маменькѣ, которая играла въ вистъ въ другой комнатѣ. *Allez, diablesse, allez, folle que vous etes, dites à maman tout ce, que vous voulez; je ne vous écoute pas, je veux boire* (Поди, чертовка, поди, дура! Говори маменькѣ, что хочешь; я тебя не слушаю, и хочу пить) кричала въ изступленіи Лелинька. Маменька, призванная на помощь Мадамъ, прибѣжала уговаривать, но—уже было поздно. Не помня себя, Лелинька выпила полную кружку лимонада со льдомъ! Тотчасъ послѣ того сдѣлалась ей дурнота; безъ чувствъ привезли ее

домой, послали за Докторомъ, дѣлали консиліумы, ставили ей болѣе 200-ть піявокъ, но — все было бесполезно. Въ конвульсіяхъ и въ ужасныхъ страданіяхъ она окончила жизнь свою....

Это было первымъ возмездіемъ Лукавиной, за *труды ея къ составленію куска хлѣба* милымъ дѣтямъ. Ей еще предстояло много опытовъ признательности отъ двухъ сыновей—*Колиньки* и *Бориньки*. Къ нимъ также приставленъ былъ чудесный гувернёръ, который, сорвавшись, какъ то послѣ открылось, съ галерной цѣпи, прямо изъ Тулона явился въ Россію, и взялся воспитывать и просвѣщать Русское Дворянство. Подъ руководствомъ такого наставника, получавшаго по пяти тысячъ рублей въ годъ, потому, что маменька *ничего не жалѣла* для дѣтей, можно вообразить, какіе быстрые успѣхи сдѣлали воспитанники! Они пріобрѣли много, очень много познаній. Онъ всему научилъ ихъ, мой батюшка,

какъ говоритъ Простакова, въ Недорослѣ. Между прочимъ, въ 12-ть лѣтъ они уже славно пили Шампанское и курили трубки. Лучшіе учителя, во всѣхъ наукахъ, къ нимъ ѣздили. Колинъка и Боринъка, съ большимъ успѣхомъ, отдавали имъ билеты, а маменька въ свое время весьма исправно рассчитывалась, платя инымъ, съ глубокимъ вздохомъ, по бѣленькой ассигнаціи за каждый урокъ. Наконецъ, когда старшій сынокъ достигнулъ до 17-ти, а меньшой до 16-ти лѣтняго возраста, надлежало имъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія и полученія аттестата, ѣздить на лекціи въ Университетъ. Въ это время они совершенно усовершенствовались, и, совсѣмъ приготовленные и образованные, отправились въ Петербургъ для поступленія въ службу. Маменька сама поѣхала съ ними, и рѣшилась прожить тамъ нѣсколько лѣтъ, для ближайшаго за ними надзора. При томъ-же, потерявъ Лелинъку, единствен-

нымъ для себя утѣшеніемъ въ здѣшней жизни почитала она сыновей. Съ восхищеніемъ воображала Лукавина, какъ они пойдутъ въ чины, получаютъ множество крестовъ, и какъ, подъ старость свою, будетъ она радоваться на нихъ, а они, изъ благодарности и привязанности къ ней, будутъ ее успокоивать. Увидимъ, сбылись-ли надежды Лукавиной.

Колинька и Боринька опредѣлились въ полкъ, въ Юнкера. Въ этомъ званіи издержки и потребности для молодыхъ людей весьма ограничены. Надобно имъ было подыматься на разныя хитрости, чтобы побольше выманивать денегъ отъ маменьки. Но они сформировались подъ руководствомъ знаменитаго наставника. Для блеска и для *показа*, само собою разумѣется, гувернёръ читалъ съ ними дѣтскія Энциклопедіи и Лексиконъ Буста; но для образованія ума и сердца снабжалъ онъ ихъ отличными, нравственными Французскими Романами, и кон-

Чилъ воспитаніе ихъ, давъ имъ прочи-
 тать: *Mémoires de Vidosq* (*Записки Ви-*
дока), и возраженія на нихъ, подъ на-
 званіемъ: *Mémoires d'un forçat, ou Vidosq*
dévoilé (*записки которжнаго или изоб-*
личенный Видокъ). Изъ этихъ правоучи-
 тельныхъ книгъ извлекли они множество
 полезныхъ свѣдѣній о томъ, какія хит-
 рости употреблять должно, чтобы обма-
 нывать родителей, какъ искусно можно
 плутовать, красть и мошенничать, и какъ
 потомъ проживать деньги и распутство-
 вать. Однимъ словомъ: изъ этого полна-
 го курса разврата, безстыдства и совер-
 шенной безнравственности заимствовали
 Лукавины много для себя нужнаго. Под-
 крѣпленные примѣрами молодцовъ, кото-
 рые въ этомъ курсѣ поставлены въ виду,
 они открыли много средствъ выманивать
 болѣе денегъ у маменьки. Ловкій Колинъ-
 ка даже иногда, весьма искусно, путе-
 шествовалъ и въ ея шкатулку; при чемъ
 оба сынка равнодушно смотрѣли на то,

что слуги и служанки, подозрѣваемые въ воровствѣ, были жестоко наказываемы. *Вырученныя* такимъ образомъ деньги употреблялись на то, чтобы въ на- нимаемой особо квартирѣ, тайно отъ маменьки и отъ начальниковъ своихъ, пить, гулять и предаваться разнообраз- нымъ увеселеніямъ, съ подобными се- бѣ, столь-же хорошо образованными, мо- лодыми людьми. Но дѣло не ограничива- лось однимъ только этимъ. Часто, пере- одѣтые во фраки, Лукавины ѣздили въ Театръ, или бывъ мертвецки пьяны, предпринимали путешествіе на Красный Кабачокъ, на Среднюю Рогатку, или на Крестовскій Островъ, и заводили тамъ ссоры и драки съ пьяными Нѣмцами ре- месленниками. Многое сходило имъ съ рукъ счастливо; но однажды совершили они свое странствованіе весьма неудачно. Пьяный Колинъка какъ-то задралъ од- ного неугомоннаго Нѣмца, столярнаго подмастерья, и этому грубіяну не по-

нравилось, что Колинъка вздумалъ его бить. Нѣмецъ самъ началъ съ нимъ драться, и вскорѣ возгорѣлось настоящее сраженіе Нѣмцевъ съ Рускими, въ которомъ всякій заступался за честь своей націи. Но число Нѣмцевъ было превосходнѣе, и они одержали поверхность. Боринъка, и товарищи его, предалися бѣгству, а избитый Колинъка, оставленный на мѣстѣ сраженія, какъ трофей побѣдителей, былъ связанъ и торжественно представленъ на съѣзжую. Слѣдствіемъ такого произведенія было то, что Колинъка, возвышенный въ знаніе солдата безъ выслуги, отправился далеко на сѣверъ, на Аландскіе острова, а храбрые сподвижники его просидѣли нѣсколько мѣсяцевъ подъ арестомъ, на хлѣбъ и водѣ.

Можно представить себѣ отчаяніе Лукавиной! Она слегла съ горя въ постель, и жизнь ея была въ опасности. По выздоровленіи ея, и по выпускѣ Боринь-

ки изъ-подъ ареста, она, со слезами броса-
ясь на колѣни, умоляла его сжалиться
надъ нею, переменить свое поведеніе,
поставляя ему на видъ, что онъ только
одинъ остался ей утѣшеніемъ въ жизни.
Боринька былъ тронутъ до глубины
души слезами матери, раскаявался, и
далъ ей честное слово совсѣмъ пере-
ниться, исправиться, заняться службою
и больше не проказничать. Съ востор-
гомъ обнимала его маменька, и вскорѣ на
самомъ опытѣ увѣрилась, какъ чисто-
сердечно было раскаяніе милаго Боринь-
ки. Въ непродолжительномъ времени,
послѣ отправленія брата его, Колиньки,
на Аландскіе острова, онъ признанъ
былъ способнымъ, за похвальные подвиги
свои, поступить, также солдатомъ, въ
Кавказскій Отдѣльный корпусъ. А къ до-
вершенію всего, маменька получила из-
вѣстіе, что ея сыновья, изнѣженные вос-
питаніемъ, сдѣлались жертвами клима-
та: Колинька не могъ перенести чрез-

мѣрнаго холода, а Боринька необыкновенныхъ жаровъ. Оба они, вскорѣ по прибытіи къ мѣстамъ назначенія своего, умерли.

Такимъ образомъ, Лукавина была вознаграждена отъ возлюбленныхъ и благодарныхъ дѣтей за *труды и попеченія* свои, о составленіи имъ *куска жлѣба*. Съ большимъ богатствомъ осталась она одна въ мірѣ. Горестъ ея, увеличенная угрызеніями совѣсти, при воспоминаніи, какія средства употребляла она для пріобрѣтенія богатства, быстрыми шагами приближаетъ ее ко гробу. Говорятъ, будто она имѣетъ намѣреніе возвратить сиротамъ Аглаева все, что получила столь честными средствами отъ ихъ дѣдушки. Ежели она это сдѣлаетъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько успокоится, и совѣсть не такъ часто будетъ докладывать ей о себѣ. Но сдѣлаетъ-ли она это?

Да послужитъ Лукавина разительнымъ примѣромъ родителямъ, которые позво-

ляютъ себѣ всякіе способы для составленія куска хлѣба дѣтямъ, почитая его главнѣйшею для нихъ потребностію, и оставляя всѣ другія бездѣлицы, нужныя для ихъ счастія, безъ вниманія. Такимъ образомъ, какъ сыновья Лукавиной, почти всегда изъявляютъ благодарность свою дѣти такимъ родителямъ.

Фрипоненковъ, другъ и соумышленникъ Лукавиной, похитивъ мошеннически 20 т. отъ Аглаева, и получивъ въ знакъ благодарности отъ Лукавиной вдвое больше, пріобрѣлъ чрезъ то средства распространить кругъ дѣйствій своихъ, и явиться на сценѣ гораздо болѣе блистательной. Онъ успѣлъ получить мѣсто того Предсѣдателя Палаты, который, какъ извѣстно по Комедіи Капниста: *Ябеда*, былъ отдаленъ отъ должности и преданъ суду. По прежнимъ подвигамъ его предполагать, со всею достовѣрностію, должно, что ежели онъ не превзойдетъ

своего предшественника, то, конечно, не хуже его будетъ дѣйствовать.

Г. Шурке всегда называлъ себя дворяниномъ Нѣмецкаго происхожденія; но открылось, что онъ просто перекрестъ, Польскій Жидъ, и употребленъ былъ во многихъ мѣстахъ въ почтенную должность шпіона. Не имѣя возможности возвратиться въ Москву, гдѣ прежде подвизался съ такою славою, отправился онъ на свою родину, и на послѣднихъ Кіевскихъ Контрактахъ совершилъ что-то необыкновенно отличное. Послѣ того предпринялъ онъ изъ Кіева путешествіе, прямѣйшимъ трактомъ, по этапамъ, въ Сибирь. Хемницеръ сказалъ о *Метафизикахъ*, что ежели-бы всѣхъ ихъ собрать въ яму, то яма должна быть большая. Ну, а ежели-бы всѣхъ подобныхъ Шурке собрать и отправить въ Сибирь? Тамъ еще много мѣста!

Филипъ Ивановичъ Удушьевъ совершилъ съ успѣхомъ еще нѣсколько такихъ-

же опытовъ, какъ съ Аглаевымъ. Однакожъ, одинъ изъ такихъ *опытовъ* навлекъ было на него много хлопотъ. Впрочемъ, и мѣры, принятыя имъ противъ жертвы своей, были уже слишкомъ необыкновенны. Послѣ долговременнаго старанія сблизиться и подружиться съ однимъ молодымъ, подобнымъ Аглаеву, наконецъ успѣлъ онъ завлечь его къ себѣ обѣдать. Всѣ тѣ-же военныя хитрости и маневры употреблены были противъ новаго знакома, какіе употреблялись противъ Аглаева; но обреченный на жертву былъ крѣпокъ, никакъ спойть его не могли, и самъ Удушьевъ скорѣе его напился пьянъ. А въ такомъ положеніи, еще изстари, бывалъ онъ всегда большимъ озорникомъ и буяномъ. Тщетно дѣлали ему знаки сподвижники его, чтобы онъ не горячился. Удушьевъ не могъ удержаться, такъ, что наконецъ одинъ изъ нихъ отвелъ въ сторону Удушьева, и шепталъ ему на ухо, чтобы онъ хотя не много потерпѣлъ, по-

тому, что сей часъ явится, для вѣрнѣйшаго увѣнчанія успѣхомъ предпріятія ихъ, Шампанское съ дурманомъ: это было у нихъ всегда рѣшительнымъ ударомъ, къ концу сраженія, для довершенія побѣды. Но Удушьевъ ничему не внималъ. Ему страхъ какъ хотѣлось побить гостя своего, который сказалъ что-то непріятное на его счетъ. Онъ приблизился къ столу, и, по пьяной откровенности своей, прямо объявилъ, что все проигранное принадлежитъ ему, и что эти всѣ каналы (Удушьевъ показалъ на другихъ гостей) ничто болѣе, какъ только его орудія, и потому, чтобы 30 т., которыя записаны, или сей часъ-бы другъ его заплатилъ прямо ему, или далъ-бы вексель на его имя, а не то—будетъ бить на смерть! Голова друга еще не была помрачена дурманомъ; онъ отвѣчалъ, что не позволить такъ мошеннически себя обворовывать, денегъ не заплатить и векселя не дать. За тѣмъ тотчасъ послѣдовала отъ Удушьева опле-

уха, готовилась и другая; но другъ не расположенъ былъ хладнокровно сносить пощечины, и самъ ударилъ Удушьева кулакомъ, прямо въ носъ. Изъ этого произошла драка, которая могла-бы кончиться смертоубійствомъ, ежели-бы агенты Удушьева не розняли героевъ. Не желая потерять изъ виду и лишить патрона своего благопріобрѣтенныхъ имъ 30 т., а съ тѣмъ вмѣстѣ стараясь спасти отъ смерти друга, котораго Удушьевъ, взбѣшенный до неистовства, клялся убить на повалъ, они вытащили изъ дома, и велѣли запереть на ледникъ неугомоннаго друга, которому не нравилось, что его обыграли на вѣрное и который не хотѣлъ снести пріятельскихъ пощечинъ. Самаго Удушьева кое-какъ уговорили, успокоили, уняли кровь, текущую изъ его носа, и положили спать. Цѣлую ночь несчастный обыгранный провелъ на ледникъ. На другой день, утромъ, Удушьевъ послалъ къ нему парламентаря, съ извѣ-

стіемъ, что до тѣхъ поръ его не выпустятъ, пока онъ не подпишетъ векселя въ проигранныхъ имъ деньгахъ. Чуть не замерзнувшій на ледникъ, другъ на все согласился. Предусмотрительный Удушьевъ устроилъ такъ, что вексель былъ написанъ и засвидѣтельствованъ заднимъ числомъ, для того, чтобы семидневный срокъ прошелъ. Послѣ того отпустилъ онъ друга на всѣ четыре стороны.

Обыгранный, прибитый, чуть не замерзнувшій другъ Удушьева тотчасъ подалъ просьбу о безденежности векселя, не упоминая о побояхъ и насиліи, потому что онъ и самъ дрался. Началось слѣдствіе: призванъ былъ Удушьевъ для допроса и очныхъ ставокъ. Слѣдователь сдѣлалъ ему вѣжливоствь, просилъ его садиться; но Удушьевъ, съ обыкновенною наглостію своею, чтобы показать, что доносъ на него ложный, и онъ ничего не боится, не теряя присутствія духа, отвѣчалъ на сдѣланное ему пред-

ложеніе: «Покорно васъ благодарю; я лучше постою, а то скажутъ, что я сидѣлъ въ Полиціи.» Такой забавный отвѣтъ разсмѣшилъ слѣдователя и всѣхъ присутствующихъ, и уже нѣкоторымъ образомъ склонилъ ихъ въ пользу Удушьева, потому, что кто чувствуетъ себя виновнымъ, тотъ не станетъ равнодушно шутить. Начался допросъ. «Знакомы-ли вы съ нимъ?» — Не очень хорошо; помню, кажется, что гдѣ-то я его видалъ. — «Онъ показываетъ, что вы имѣете на него безденежный вексель, въ 30-т.» — Ахъ! да, теперь я вспомнилъ! Помилуйте! Какъ безденежный? Онъ получилъ отъ меня чистыми деньгами 30 т. — При допросѣ въ полиціи надобно говорить всю правду. Вы, извините меня, я расскажу, М. Г., какъ все дѣло было. Теперь я вспомнилъ, что привозилъ его ко мнѣ Н. Н. (тутъ Удушьевъ показалъ на одного дворянина, который, какъ всѣмъ было извѣстно, нѣсколько дней тому на-

задъ, скоропостижно умеръ). Онъ просилъ меня, чтобы я далъ въ займы 30 т. этому господину, котораго отъ роду въ первый разъ я тогда увидѣлъ. Я сказалъ, что не знаю его, но готовъ дать, ежели Н. Н. поручится въ исправной уплатѣ. Н. Н., хорошій мнѣ пріятель, отвѣчалъ, что этотъ господинъ ему извѣстенъ, какъ большой дуракъ и скотина. Извините, М. Г., это не я говорилъ, а тотъ, кто васъ привозилъ ко мнѣ — продолжалъ Удушьевъ, и опять всѣ засмѣялись. — «Но я знаю, продолжалъ Н. Н., что у него значительное состояніе, и онъ вѣрно заплатитъ. Что касается до поручительства, то письменно я ни за кого не ручаюсь, а на словахъ отвѣчаю за него. Мнѣ однихъ словъ его было достаточно; я далъ деньги, и получилъ отъ этого господина вексель. Вотъ, какъ все дѣло было.» Тщетно тотъ утверждалъ, и доказывалъ, что никогда денегъ не получалъ, и ссылался на свидѣтелей, обѣдав-

шихъ вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ день у Удушьева; свидѣтели эти были призваны, но, разумѣется, отперлись, и показывали, что никто изъ нихъ не обѣдалъ у Удушьева. Нѣкоторые утверждали даже, что ихъ и въ Москвѣ въ тотъ день не было. И дѣйствительно: по справкамъ на заставахъ, и по допросамъ ихъ служителей, *открылось*, что они *точно* выѣзжали въ подмосковныя. Такимъ образомъ умный разбойникъ принимаетъ на всѣ случаи свои мѣры. Безденежность векселя ничѣмъ не была доказана, и дѣло пошло своимъ порядкомъ, по инстанціямъ. Однакожъ послѣ этого происшествія, Удушьевъ, имѣя болѣе милліона рублей капитала, пріобрѣтеннаго столь *честными* и *благородными* средствами, рѣшился прекратить свои дѣйствія, и думалъ было *отдыхать на лаврахъ*; но не совсѣмъ исполнилъ онъ сіе намѣреніе, вступивъ въ другое ремесло. Онъ сдѣлался ростовщикомъ, даетъ деньги въ займы, за ужа-

сные проценты, людямъ, находящимся въ совершенной крайности; но не иначе, какъ подъ залогъ, и при малѣйшей неисправности предъявляетъ закладныя, и присвоиваетъ себѣ заложенное имѣніе. Сверхъ того, кто въ необходимости продать деревню, онъ отвлекаетъ разными средствами покупателей, притѣсняетъ продавца, пользуется стѣсненнымъ его положеніемъ, и покупаетъ за безцѣнокъ. Любопытно знать, чѣмъ и какъ рѣшится жизнь Удушьева? Озеровъ сказалъ:

«Богъ допускаетъ злымъ мгновенно возвышеніе,

«Чтобъ тѣмъ ужаснѣе содѣлать ихъ паденіе!

Эпизодъ о примѣрномъ несчастіи *Инфортунатова* можно-бы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пояснить болѣе. Есть также много кой-чего рассказать о свойствахъ и подвигахъ Гг. Репетилова и Подлякова; но — всего не должно высказывать, чтобы гусей не раздражить. Это объявилъ, во всеобщее предостереженіе,

И. А. Крыловъ.—Богъ съ ними! Совѣсть неумытый судія! Слышали мы, гдѣ-то и отъ кого-то, не упомнимъ, что земное Правосудіе можетъ ошибаться, можетъ быть вовлечено въ заблужденіе; но—есть Всевидящій Судія, и отъ Него нѣтъ ничего сокровеннаго! Будетъ, будетъ всемірная перекличка. И какъ-бы, кажется, не подумать Г. Г. Репетиловымъ и Подляковымъ, что и имъ должно предстать на эту перекличку? Въ утѣшеніе и подкрѣпленіе невинно-пострадавшихъ, повторимъ, въ плохой прозѣ, тѣ мысли, которыя Державинъ выразилъ въ прелестныхъ стихахъ: «Ежели злодѣи торжествуютъ, и, какъ кажется, благоденствуютъ въ здѣшнемъ мірѣ, то это самое и есть ясное, убѣдительное доказательство будущей жизни и безсмертія души».... Распространяться далѣе о такой непреложной и весьма понятной истинѣ было бы бесполезно.

Теперь дошла очередь до Его Высоко-

превосходительства, *вельможи*, который обходился такъ вѣжливо съ своими подкомандуемыми, и съ такою пріятностью и ловкостью изволилъ пускать табачный дымъ, прямо въ носъ дамамъ, на праздникъ Сундукова. Память Его Высокопревосходительства часъ отъ часу болѣе ослабѣвала. Кончилось тѣмъ, что безъ напamтoванія Правителя Канцеляріи, Секретарей, Чиновниковъ по особымъ порученіямъ и камердинера его, рѣшительно ничего не дѣлалось. Послѣ того, со всею достовѣрностію предсказать было можно, что здоровье его разстроится, и что онъ будетъ убѣдительнѣе просить и настаивать объ увольненіи. И дѣйствительно: Его Высокопревосходительство заблаговременно принялъ свои мѣры: началъ всѣмъ говорить, что чувствуетъ себя весьма не хорошо; что отъ сидячей жизни бьетъ его безпрестанно въ голову, и что хотя онъ безъ лести преданъ и посвятилъ себя общему благу, но надобно-же

когда нибудь отдохнуть и пожить для себя. Всѣ, кому онъ по пріязни сообщалъ о желаніи своемъ оставить службу, старались прямо отъ души отклонять и уговаривать его, а Тимоѳей Игнатьевичъ Сундуковъ, человекъ, также безъ лести, всѣмъ сердцемъ преданный Его Высокопревосходительству, осмѣлился доложить, въ полнотѣ чувствъ своихъ, даже и то, что Его Высокопревосходительство беретъ на себя тяжкій грѣхъ, намѣреваясь оставить благодѣтельствованный имъ край. Однакожъ Тимоѳей Игнатьевичъ, прежде нежели предался этому сердечному изліянію, имѣлъ предосторожность предварительно испросить прощеніе, что осмѣливается говорить столь чистосердечно. Вельможа пожалъ съ чувствомъ руку Сундукова, но продолжалъ утверждать, что ему надобно непременно отдохнуть, и что онъ будетъ почитать себя совершенно счастливымъ, получивъ увольненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился

онъ о пріятностяхъ частной, спокойной жизни, о свѣжести деревенскаго воздуха, о намѣреніи посвятить жизнь свою для благоденствія своихъ крестьянъ, и проч.— Сундуковъ, съ компанією, тяжело вздыхалъ, и со слезами на глазахъ внималъ краснорѣчію Его Высокопревосходительства.

Вскорѣ Его Высокопревосходительство содѣлался совершенно счастливымъ: желаніе его исполнилось—онъ былъ уволенъ. Надѣвъ фракъ, и снявъ съ себя всѣ ордена, говорилъ онъ, съ непритворнымъ восторгомъ, что теперь только началъ онъ дышать, и почувствовалъ всю цѣну свободной, независимой жизни. Нѣсколько дней сряду, гостиная его была наполнена людьми, приверженными къ нему, умѣющими быть благодарными и чувствовать оказанныя имъ благодѣянія; но число ихъ однакожь постепенно уменьшалось. Пріѣхалъ преемникъ его—и всѣ благодарные, одолженные, о-благодѣтельствованные люди спѣшили по-

святить новому гостю свою преданность и благонамѣренность, а нѣкоторые изъ самыхъ приверженныхъ, въ томъ числѣ и Тимоѳей Игнатьевичъ Сундуковъ, даже поставили себѣ долгомъ открыть новому начальнику злоупотребленія своего благотворителя. Однакожъ, оставалось еще нѣсколько дальновидныхъ и расчетливыхъ людей, которые, во время пребыванія Его Высокопревосходительства въ С. Петербургъ, и потомъ, какъ обыкновенно водится, во время путешествія его въ чужіе края, хотя не прославляли гласно великихъ его добродѣтелей, но, по крайней мѣрѣ, не ругали его. Когда-же Его Высокопревосходительство изволилъ возвратиться ни съ чѣмъ къ своимъ Пенатамъ, и поселился на всегдашнее житіе въ деревнѣ, то и сіи дальновидные люди, удостовѣрясь, что все и на вѣкъ кончилось для Его Высокопревосходительства, присоединились къ прочимъ, стали вездѣ ругать его.

Теперь его Высокопревосходительство изволить наслаждаться въ полной мѣрѣ частною, спокойною жизнью, потому, что рѣшительно никто къ нему не ѣздитъ, и не нарушаетъ его мирнаго уединенія. Онъ дышитъ свѣжимъ воздухомъ, во всемъ у него изобиліе, денегъ такая куча, что онъ не знаетъ куда ихъ дѣвать. Но за всемъ этимъ, здоровье его не поправляется, отъ того, какъ утверждаютъ, что моральный недугъ, называемый: *безпокойство совѣсти*, усиливается въ уединеніи, и обращается въ хроническую, неизлечимую болѣзнь.

«The present joys of life we double taste,

«By looking back with pleasure on the past.

(Мы наслаждаемся вдвойнѣ настоящими радостями въ жизни, обращаясь назадъ, и вспоминая съ удовольствіемъ прошедшее) сказалъ Аддисонъ. А Его Высокопревосходительству не очень радостно

обернуться назадъ, и вспомнить минувшую жизнь свою!

Мы оставили въ заключеніе, или, какъ говорятъ Французы, *rouge la bonne bouche*, милое, доброе, почтенное, и, слѣдовательно, счастливое семейство Пронскихъ. Въ то время, когда мы оканчиваемъ наше повѣствованіе, Софья, къ совершенной радости мужа, родила уже трехъ сыновей. «Одинъ сынъ не сынъ, два сына полъ-сына, три сына сынъ!» — восклицалъ Пронскій. «Ты, милая Соничка, сдѣлала меня отцомъ полного сына. Наши предки говаривали: не умаль, а прибавь, Господи! Чѣмъ болѣе дѣтей, тѣмъ лучше. Они составляютъ истинное наше богатство и радость на земли. Родительская любовь не имѣетъ предѣловъ: ежели у меня будетъ 20-ть сыновей и столько-же дочерей, то для всякаго найдется въ моемъ сердцѣ особое мѣстечко. Пусть буду я *Федулъ охъ дѣтьми* (извѣстная опера, сочиненіе Им-

ператрицы Екатерины II-й). Мнѣ скажутъ: ежели ихъ много родится, то они не такъ будутъ богаты. Что за бѣда? Дай только имъ Богъ любовь, согласіе, дружбу и миролюбіе между собою, то они превзойдутъ всѣхъ богачей въ мірѣ. А что мои дѣти будутъ добры и станутъ любить другъ друга, въ этомъ я не сомнѣваюсь, потому, что у нихъ мать Ангелъ!» прибавилъ онъ, цѣлуя свою жену.

Однакожъ, Софья замѣчала, что мужъ ея, страстно любя, отдалъ все преимущество старшему сыну, Митинькѣ. Не вдругъ, но постепенно, издалека и со всѣю осторожностію, привела она однажды разговоръ на этотъ предметъ. «Я прежде критиковала родителей, имѣющихъ фаваритовъ между дѣтьми, т. е. дѣтей, которыхъ они предпочтительно передъ другими любятъ, балуютъ, и для которыхъ готовы все дѣлать,» сказала Софья; «но теперь, сама на опытъ увѣрилась,

что есть какое-то невольное чувство влеченія къ одному больше, нежели къ другому. Не умѣешь самъ себѣ отдать отчета въ этомъ случаѣ! Замѣ тиль-ли ты во мнѣ эту слабость?» — Нѣтъ, не замѣтилъ — отвѣчалъ Пронскій. — Мнѣ кажется, что ты всѣхъ дѣтей равно любишь, и ни одному преимуществва противъ другаго не дѣлаешь. — «Ну, такъ знай-же, что я страстно люблю тезку твоего, Николинку. Не умѣю рассказать тебѣ, какое неизъяснимое удовольствіе чувствую я, когда смотрю на него, какъ будто какое-то непостижимое, электрическое потрясеніе происходитъ внутри моего сердца, когда онъ улыбается, или протягиваетъ ручки свои ко мнѣ.» — Ты искусно скрываешь это, и никогда, даже ни малѣйшей переменны не замѣтилъ я на твоёмъ лицѣ. Долженъ и я тебѣ признаться въ моей слабости — прибавилъ Пронскій — и я, самъ не понимая за что, люблю Митинку болѣе другихъ. Со мною точно тоже происходитъ, что ты

разсказывала, когда я смотрю на него!—
 «Милый другъ мой! я именно замѣтила
 это, и хотѣла не шутя поговорить съ
 тобою. Постараемся соединенными силами
 побѣдить въ себѣ чувство предпочтенія,
 я къ Николинкѣ, а ты къ Митинкѣ!
 Ты самъ согласишься, что намъ всѣ дѣти
 должны быть равны, и что такая не-
 справедливость, вѣрно, непріятна Богу. Но
 если уже никакъ не успѣемъ мы пре-
 одолѣть въ себѣ невольнаго и непости-
 жимаго движенія души, то, для собствен-
 наго счастія дѣтей, обратимъ все внима-
 ніе наше на то, чтобы они не замѣчали
 слабости и пристрастія нашего. Теперь
 они еще малы, и ничего не понимаютъ;
 но, посмотри на слѣдствія, когда они
 выростутъ, а слабость наша усилится,
 и мы возбудимъ въ нихъ чувства зависти
 и вражды другъ противъ друга. При-
 томъ-же, какое уваженіе могутъ они
 имѣть къ несправедливымъ и пристраст-
 нымъ родителямъ? Самъ разсуди обо

всемъ этомъ, милый другъ мой!» прибавила Софья, цѣлуя мужа. Онъ согласился въ справедливости ея сужденія, и обѣщаль, ежели не будетъ въ силахъ преодолѣть въ себѣ чувство предпочтенія къ старшему сыну, то, по крайней мѣрѣ, стараться скрывать при другихъ его братьяхъ.

Гораздо труднѣе было Софьѣ хлопотать съ старушкою, свекровью своею, которая еще страстнѣе любила Митиньку, нежели самъ отецъ. Она мучилась, когда его отнимали отъ кормилицы, и при всякомъ, выходявшемъ у него зубъ, страдала, можетъ быть, не менѣе самаго ребенка, плакала и нѣсколько разъ занемогала отъ безпокойства. «Нѣтъ, мнѣ ужъ досадно, что я до такой степени люблю этого мальчишку!» говорила она. «Мочи нѣтъ! Такъ онъ меня измучилъ!»—Милая маменька! — отвѣчала Софья. — Скажите сами: справедливо-ли ваше предпочтеніе

къ нему противъ другихъ братьевъ. Чѣмъ они хуже его? — «Разумѣется ничѣмъ не хуже; да какъ-то не такъ милы. Что-жъ дѣлать!» продолжала старушка. «Нельзя сердцу своему велѣть. Я и сама не знаю, за что я его такъ страстно люблю!» Словомъ сказать: бабушка не только безотчетно любила, но и славно баловала дитя. Къ счастью, что ребенокъ отъ природы былъ благонравный, кроткій, и чрезвычайно привязанный къ матери; одно слово ея, одинъ взглядъ — и онъ безпрекословно повиновался ей. Однажды бабушка хотѣла кормить его чѣмъ-то запрещеннымъ. Софья кинула на него взглядъ, и покачала головою — ребенокъ ни за что не хотѣлъ ѣсть. «Такъ это ты изволишь умничать, и не позволяешь ему ѣсть?» сказала Пронская, со смѣхомъ. «Экая плутовка! ты думаешь, что я не замѣтила твоего знака? Но, не слушайся ея, Мишенька, плюнь на маменьку, она дура.» — Ахъ, нѣтъ! маменька миленькая, хорошень-

кая! — сказалъ онъ, и бросился къ ней на руки, цѣлуя ее. — «Не даромъ-же тебя называютъ колдуньею» — продолжала Пронская, смѣясь. «Однимъ знакомъ умѣла остановить ребенка.... Да, не слушайся ея, Митинька, поди ко мнѣ, покупай!» — *Merci grande maman!* Маменька мнѣ не приказала — отвѣчалъ онъ, цѣлуя и обнимая свою мать. «Вотъ видите? А кажется, я не балую его!» сказала Софья, цѣлуя руки старушки. — Да, что я ему хотѣла дать? Вѣдь это такъ, бездѣлица, полакомиться! — «Согласитесь, милая маменька» — продолжала Софья — на что приучать ребенка къ лакомству? Вы знаете, что все сладкое вредно дѣтямъ, портитъ ихъ желудки, и можетъ быть причиною важныхъ болѣзней.» — Все правда, и ты говоришь дѣльно. Я сама вижу, что порядочно балую его. Да, что-жъ мнѣ дѣлать, другъ мой Соничка? Ну, вотъ такъ страстно хочется побаловать его, что это выше меня! — отвѣчала Пронская. Тутъ вошелъ ея па-

сынокъ; она разсказала ему, помирая со смѣху, всю сцену съ Митинькою. «Однакожь, за всѣмъ тѣмъ,» продолжала она, утирая слезы отъ смѣха, «ты не вели такъ умничать свой женѣ. Что это въ самомъ дѣлѣ? Нельзя ребенку дать немного полакомиться! Все у васъ на Нѣмецкѣй манерѣ: то вредно, другое нездорово; все взвѣшено на вѣски, а не то, какъ бывало у насъ въ старину — ѣшь ребенокъ все, что хочешь. Какъ я вспомню, чѣмъ меня нянюшка кормила: щи, ветчина, ватрушки, блины, перепеченныя яйца, сметана — словомъ: такіе ужасы, отъ которыхъ у нынѣшнихъ модныхъ маманекъ волосы дыбомъ станутъ! Но все, что я говорила, еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что бывало ѣдали мы съ покойною моею тетушкою, Княжною Дарьею Осиповною Стародумовою. Потихоньку отъ матушки, рано утромъ, уйдемъ въ ея комнату, и начнемъ тѣмъ, что принесутъ намъ прямо изъ печи горячій хлѣбъ; мы разрѣжемъ его, положимъ въ

середину множество сливочнаго масла, и ѣдимъ ложками. Послѣ того явятся на столѣ нѣсколько банокъ разнаго варенья, постила, финики, винныя ягоды, до которыхъ покойница была большая охотница. Все это кушали мы вмѣсто завтрака, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ-же обѣдали, какъ и прочіе, и все съ рукъ сходило! Осмѣлься-ка кто сдѣлать такіе опыты надъ своимъ желудкомъ при вашемъ модномъ воспитаніи!» — Все это прекрасно.... Ну, а, позвольте спросить, милая маменька, отъ чего такъ часто бываютъ у васъ спазмы? И отъ чего вообще вы такого слабаго здоровья? — «Отъ чего? Отъ чего?» — отвѣчала старушка, смѣясь. «Да и ты сталъ нынѣче что-то много умничать; потакаешь своей глупой супругѣ! И сына своего, вотъ этого мальчишку, сдѣлаете вы такимъ-же негоднымъ, какъ и сами!» прибавила она, схвативъ его къ себѣ на руки, и осыпая поцѣлуями.

Софья была настоящельна и терпѣлива;

безъ горячности, безъ всякихъ непріятностей, достигла она до того, что и бабушка дѣлалась часъ отъ часу разсудительнѣе, и перестала баловать фаворита, внучка своего. Вообще добрая, милая старушка умѣла отдать всю цѣну Софьѣ. Она видѣла заботливое стараніе Софьи развеселить ее, успокоить, отдалить отъ нея всякую непріятность, и усладить остатокъ дней ея. Въ полной мѣрѣ, все это она чувствовала, и отъ души была благодарна Софьѣ. Часто, со слезами, говорила она, что нѣтъ во всемъ мірѣ никого ея счастливѣе. — «Чего не достаетъ мнѣ?» восклицала она, относясь къ старой Холмской, матери Софьи. «Добрый, почтительный сынъ, невестка Ангелъ, милые внуки — все Богъ послалъ мнѣ! Живи себѣ, какъ говорятъ, *припѣваючи*. Я и во снѣ не видала, что проведу такъ спокойно и благополучно мою старость!» Старая Холмская, со слезами умиленія, внимала ей, и обѣ онѣ возсылали пламенные молитвы къ Богу, чтобы Онъ наградилъ милыхъ

дѣтей ихъ, за уваженіе къ нимъ и успокоеніе ихъ старости.

Пронскій любилъ жену свою страстно, и она, вниманіемъ, угодливостію, снисхожденіемъ, предупрежденіемъ желаній его, всегда одинаковымъ расположеніемъ нрава, разсудительностью, нѣжностью—словомъ: Ангельскимъ характеромъ своимъ поддерживала въ полной мѣрѣ привязанность къ себѣ мужа. У него было доброе, чадолюбивое сердце, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ званіе отца семейства, мать дѣтей его, на которыхъ, по собственнымъ родителю чувствамъ, основывалъ онъ всю надежду будущаго своего счастья, содѣлалась ему еще гораздо милѣе и дороже. Любовь къ дѣтямъ открыла ему новый источникъ, неизвѣстныхъ прежде наслажденій. Онъ говоритъ всѣмъ, и въ глубинѣ души своей чувствуетъ, что нѣтъ человека счастливѣе его во всемъ мірѣ. Впрочемъ, по добротѣ сердца своего, по чувству справедливости, и по привычкѣ, съ самой пылкой молодости, имѣть

внимательнѣйшее наблюденіе за собою, и отдавать самому себѣ отчетъ, не только въ поступкахъ, но и въ мысляхъ своихъ—и онъ не дремлетъ въ сладкой нѣгѣ — а также, взаимною угодливостію и вниманіемъ къ женѣ своей, дѣлаетъ ее счастливою.

Шествуя постоянно и непоколебимо избраннымъ путемъ, слѣдуя обдуманнѣмъ и принятымъ правиламъ (о коихъ упомянули мы въ своемъ мѣстѣ, въ нашемъ повѣствованіи), зная, въ чемъ состоятъ истинныя обязанности супруги и матери семейства, трудясь непрерывно быть счастливою, Софья достигла своей цѣли. Обожаемая мужемъ и дѣтьми, любимая родными, знакомыми и окружающими ее, она часто, со слезами, благодаритъ Бога, и съ чувствомъ повторяетъ: *Отецъ! какъ сладко, какъ легко Тебѣ повиноваться!*

Въ послѣдній пріѣздъ благотѣльницы ея, Свіяжской, въ Петровское, сидя въ своемъ кабинетѣ, подлѣ мужа, и смотря на милыхъ, свѣжихъ, здоровыхъ дѣте

своихъ, которыя играли между собою на коврѣ, Софья сказала, съ чувствомъ обнимая мужа своего: «Если есть рай на землѣ, то это именно счастливое супружество.» — Точно, точно справедливо! — отвѣчалъ Пронскій, цѣлуя Софью. «Сущая истина!» прибавила Свѣяжская. И у всѣхъ троихъ навернулись слезы на глазахъ. Вскорѣ послѣ того, мужа вызвали куда-то по хозяйству, и Свѣяжская, оставшись на единѣ съ Софьею, имѣла съ нею слѣдующій разговоръ:

«Помнишь-ли, Соничка: ты утверждала, что нѣтъ на свѣтѣ счастливыхъ супружествъ, и что дѣвическое, независимое, свободное состояніе должно всегда предпочесть самому выгодному замужеству? Я спорила съ тобою, и доказывала, что, можетъ быть, тебѣ самой предназначено служить примѣромъ, что супружество есть счастіе истинно достойное опредѣленія человека въ здѣшнемъ мірѣ.» — Очень помню разговоръ нашъ — отвѣчала Софья. — Хотя, конечно, теперь образъ

мыслей моихъ во многомъ перемѣнился, но согласитесь, милая тетушка, что я не могу служить примѣромъ. Для меня, по благодати Провидѣнія, сдѣлано *исключеніе* изъ общаго правила: я нашла мужа, необыкновеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, сущаго Ангела. — «Нѣтъ, другъ мой! для тебя не было никакого *исключенія* изъ общаго правила. Ты *нашла* потому, что *искала*. Ежели-бы ты была неразсудительна, то какого-бы лучше жениха въ твоёмъ положеніи, какъ молодой, богатый, хорошаго чина, извѣстной фамиліи — *Чадскій*; потомъ знатный, большой богачъ, и прекрасный собою, *Графъ Галганскій*; наконецъ, прелестной наружности, лучшаго тона, образованный молодой человекъ, каковъ *Ельмиринъ*? Обыкновенная дѣвушка, каждому изъ самихъ троихъ, влюбленныхъ въ нее жениховъ, при первомъ предложеніи, не колеблясь ни минуты, отдала-бы руку свою. Но еще повторяю: ты *искала* и *нашла*. Ежели ты скажешь, что чувствовала прежде

предпочтеніе къ теперешнему твоему мужу, то и это признакъ необыкновенной женщины, чтобы умѣть оцѣнить достоинства человека, и, предавъ себя всемогущей десницѣ Божіей, съ *терпѣніемъ* ожидать его, когда ты, при томъ, имѣла мало надежды, и когда, по обстоятельствамъ, поступки его противъ тебя были довольно странны.»

«Но что съ тобою церемониться» — продолжала Свіяжская. «Тебѣ можно говорить всю правду. Ничего бояться: тебя не испортишь похвалою. Я твердо увѣрена, что ты была-бы счастлива и съ Чадскимъ, и съ Графомъ Галганскимъ, и съ Ельмиринымъ, и даже, бывши на мѣстѣ сестеръ твоихъ, была-бы ты благополучна съ Княземъ Рамирскимъ, и съ Аглаевымъ, словомъ — со всякимъ, какого-бы кто характера ни былъ, потому, что ты *хотѣла* быть счастливою, и умомъ и разсудительностію своею вѣрно достигла-бы своей цѣли. Не спорю, съ однимъ труднѣе, съ другимъ легче, но все ты

была-бы счастлива. Запальчивость и пыл-
 кость Чадскаго укротила-бы ты своимъ
 терпѣніемъ, кротостію и угодливостію.
 Признаюсь: съ хвастуномъ, фанфарономъ
 и глупцомъ, каковъ Графъ Галганскій,
 было-бы тебѣ тяжело; но съ настояте-
 льнымъ желаніемъ быть счастливою, ты
 успѣла-бы въ своемъ намѣреніи, умѣла-
 бы доказать ему постепенно, что фанфо-
 ронство и хвастовство обнаруживаютъ
 недостатокъ дальновидности. Разумѣется,
 ты не сказала-бы ему прямо, что это
 явный признакъ глупости, а умѣла-бы
 прикрыть и украсить необыкновеннымъ
 умомъ своимъ благонамѣренныя твои со-
 вѣты. Съ Ельмиринымъ, и говорить нѣ-
 чего, ты навѣрное была-бы счастлива.
 Онъ небогатъ, но ты умѣла-бы прожить
 хорошо и спокойно въ бѣдномъ состо-
 яніи. Грубый и суровый нравъ Князя
 Рамирскаго умѣла-бы ты смягчить своею
 нѣжностію и кротостію. Вѣтреннаго, лег-
 комысленнаго Аглаева, нечувствительно,
 вела-бы ты именно такъ, какъ хотѣла, и

не допустила-бы плутамъ столь нагло ограбить и погубить его. Повторю рѣшительно, ты со всякимъ была-бы непременно счастлива, потому, что *трудилась-бы*, и настоятельна шла къ своей цѣли, преодолевая всѣ препятствія на пути своемъ. *Ce n'est que l'opiniâtre qui gagne* (только упрямый выигрываетъ), а я знаю, что ты *упряма*, и непременно дойдешь до того, чего тебѣ хочется.»

— Вы много отдаете мнѣ чести, милая тетушка — отвѣчала Софья. — Повѣрьте, что ни терпѣнія, ни здоровья моего не достало-бы, и, можетъ быть, жизнь моя прекратилась-бы преждевременно.

«Э! нѣтъ, голубушка! предоставь судить объ этомъ другимъ,» возразила Свѣ-
яжская. «Ты далеко, какъ говорятъ, *потянешь*, потому, что вездѣ и всегда при-
зываешь Бога на помощь, а Онъ, мило-
сердый нашъ Отецъ, не оставляетъ ми-
лостію своею тѣхъ, кто съ чистымъ серд-
цемъ относится къ Нему! Но, обратимся
къ нашему разговору. Я теперь въ духъ.

Ты, какъ-то, живою картиною семейнаго твоего благополучія воспламенила меня! Мнѣ кажется, ежели я не ошибаюсь, что мужъ твой ни съ какою женщиною не могъ-бы быть такъ счастливъ, какъ съ тобою. На что намъ далеко ходить: возьмемъ въ примѣръ обѣихъ твоихъ родныхъ сестрицъ. О Натальѣ, Титулярной Совѣтницѣ Молчалиной, и говорить нѣчего: это какое-то холодное, надмѣнное, пустое существо, которое, право не знаю, можно-ли назвать человѣкомъ. Но твой мужъ, ежели-бы, на примѣръ, женатъ былъ на Елисаветѣ, то она безпрестанно бѣсила-бы его своею необдумчивостью, вѣтренностью, своевольствомъ, и склонностями къ насмѣшкѣ и властолюбію, чего ГГ. мужчины весьма не любятъ. Онъ, конечно, не сталъ-бы поступать съ нею, какъ Князь Рамирскій, но былъ-бы очень несчастливъ. Катерина надоѣдала-бы ему своею излишнею чувствительностью, романическимъ воображеніемъ, безразсудною страстью къ дочери, готовностію безпре-

станно плакать, унывать, приходить въ отчаяніе — словомъ: совершеннымъ малодушіемъ своимъ. Вѣроятно, онъ не надѣлалъ-бы такихъ глупостей, какъ покойникъ, добрый, но пустой и слабый Аглаевъ, а былъ-бы несчастливъ съ нею! Да, и ты сама, ежели-бы не имѣла непрерывнаго вниманія за собою, ежели-бы ты дала себѣ хоть немного *задремать*, то и съ тобою былъ-бы онъ несчастливъ. Какъ хладнокровная зрительница, взирала я на твои подвиги, съ самаго начала твоего супружества, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ нужды, явиться къ тебѣ тотчасъ на подкрѣпленіе. Я знаю, что ты любишь меня, имѣешь ко мнѣ довѣренность, и, конечно, приняла-бы въ уваженіе мои совѣты; но, благодаря Бога, я совершенно увѣрилась съ самаго начала, что ты пошла прямою дорогою, чего впрочемъ и ожидала я отъ тебя. Однакожъ ежели-бы ты *поддалась*, послушалась, на примѣръ, коварныхъ совѣтовъ Свѣтланиной, ежели-бы ты не умѣла такъ угождать, и зас-

тавлять любить себя твою свекровь, которая, при всей необыкновенной доброте, имѣетъ свои слабости, ежели-бы ты была завлечена самолюбіемъ, и употребила во зло поверхность, которую страстная любовь мужа твоего дала тебѣ надъ нимъ, ежели-бы ты была — скажу, въ заключеніе — обыкновенная женщина, или уснула-бы на лаврахъ своихъ, то, и ты, и мужъ твой, вы оба были-бы несчастливы, непременно несчастливы!»

— Еще повторяю вамъ, милая тетушка — отвѣчала Софья — вы даете мнѣ такую цѣну, которой я, право, не стою. И мужъ мой, и свекровь, и сама Свѣтланина, такъ необыкновенно добры, что мнѣ совсѣмъ не трудно было пріобрѣсть любовь ихъ. Такъ легко угодить имъ...—

«Другъ мой! что тебѣ было легко, то для другихъ показалось-бы очень *тягостно*», продолжала Свѣяжская. «Тебѣ казалось легко потому, что ты имѣешь помощниками истинно Евангельскую простоту, доброе сердце и религію. Но окон-

чимъ прежній нашъ разговоръ, вообще о супружествѣ. Напрасно думаютъ мнимые наши властелины, ГГ. мужчины, что они всѣмъ повелѣваютъ. Никакъ не видятъ они, что жена именно все дѣлаетъ, и всѣмъ распоражаетъ въ своемъ семействѣ. Умная, дѣйствуя искусно, не показывая своей власти, ведетъ все хорошо, и составляетъ счастье всѣхъ, окружающихъ ее; а дура, поступая глупо, приводитъ все въ разстройство. Мнѣ кажется, что въ воспитаніи дѣвушекъ большая ошибка. Имъ не объясняютъ и не внушаютъ того, что все спокойствіе и благоденствіе будущаго ихъ семейства, именно отъ нихъ зависитъ. Твое супружество еще болѣе утверждаетъ меня въ той истинѣ, которую я, не помню гдѣ, читала, что мужъ есть царь въ своемъ семействѣ, а жена первый министръ его. Государю, премудрому и твердому, добрый министръ есть вѣрный другъ, помощникъ, правая рука его, а у слабаго Государя онъ всѣмъ управляетъ, дѣлаетъ все, что хочетъ, и

слѣдствіемъ того бываетъ несчастіе подданныхъ Государя. Тебѣ, другъ мой, предоставлено быть хорошимъ Министромъ у добраго Царя. Подкрѣпляй благонамѣренность и доброту его совѣтами своими и примѣромъ; дѣйствуй такъ, какъ дѣйствовала ты до сихъ поръ, не ослабѣвай, иди постоянно и неизмѣнно избранною тобою стезею — и мужъ твой, и сама ты, и дѣти ваши будете непременно счастливы.»

Виландъ сказалъ:

*Dir Selbstzufriedenheit, dir süsse Seelenruhe,
Eilt jedes Menschen Wunsch, eilt jede Handlung zu....
Doch wer erreicht dich?*

«Къ тебѣ, внутреннее довольствіе собою, къ тебѣ, душевное спокойствіе, стремятся всѣ желанія и дѣйствія людей... Но кто достигаетъ?» Мы желали доказать, что достигаетъ тотъ, кто въ простотѣ сердца своего повинуется, въ полной мѣрѣ, общему нашему Отцу. Такой

человѣкъ, на самомъ опытѣ, увѣрится, что Спаситель нашъ кротокъ и смиренъ сердцемъ есть. Тому точно будетъ иго Его благо, и бремя Его легко. Вотъ мысль, подвигнувшая насъ передать читателямъ наше повѣствованіе.

Впрочемъ, ежели кто въ нашемъ описаніи слабостей, недостатковъ, пороковъ, заблужденій, предрасудковъ, злоупотребленій, и проч., будетъ находить личность, или оскорбится сходствомъ съ собою, тому мы желаемъ всякаго благополучія, оправдываться не будемъ, и отсылаемъ его къ Предисловію нашему, гдѣ мы имѣли честь объяснить обо всемъ, что показалось намъ необходимо объяснить.

К О Н Е Н Ъ.